

Г.В. Чернов

**Теория
и практика
синхронного
перевода**

874611

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
„МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ“
Москва 1978**

Чернов Г. В.

Ч-49 Теория и практика синхронного перевода.—М.: Между-
нар. отношения, 1978.—208 с.

Малоисследованные проблемы синхронного перевода рассматриваются автором с позиций психолингвистики.

Книга дает рекомендации для подготовки переводчика-синхрониста и для организаторов конференций. Она рассчитана на широкий круг лиц: переводчиков, преподавателей, лингвистов, психологов и других специалистов, интересующихся речевой практикой.

Ч $\frac{70104-004}{003(01)-78}$ 43—78

4

Гелий Васильевич Чернов

Теория и практика синхронного перевода

Заведующая редакцией *В. А. Чельшева*. Редактор *М. А. Романова*. Издательский редактор *Н. Л. Образцова*. Младший редактор *Е. П. Политова*. Оформление художника *О. Н. Ко-
няхина*. Художественный редактор *В. В. Сурков*. Технический редактор *Т. С. Орешкова*.
Корректор *О. Г. Мирнова*.

ИБ № 197

А 10411. Сдано в набор 5/VIII 1977 г. Подписано в печать 24/I 1978 г. Формат 60×90^{1/16}.
Бумага тип № 2. Усл. печ. л. 13,0. Уч.-изд. л. 14,57. Тираж 14000 экз. Изд. № 34/76Ф.
Издательство «Международные отношения», 103031, Москва, К-31, Кузнецкий мост, 24.
Зак. № 621. Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном ко-
митете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговле.
150014, Ярославль, ул. Свободы, 97. Цена 1 руб.

Часть I. СИНХРОННЫЙ ПЕРЕВОД И ЕГО ИССЛЕДОВАНИЕ

Глава 1. ЧТО ТАКОЕ СИНХРОННЫЙ ПЕРЕВОД

Впервые синхронный перевод был применен в 1928 году в Советском Союзе на VI конгрессе Коммунистического Интернационала.

*Е. А. Гофман**

Today... the Russians have interpreters as skilled and as good as any we have in the West, and Moscow has a school which is training interpreters for the Russian cabin at the United Nations.

*Р. Е. Longley***

1. НЕМНОГО ИСТОРИИ

В нашу эпоху ни одна международная конференция и встреча не обходится без синхронного перевода. Внешне это выглядит примерно так. В специальной звукоизолированной кабине находится синхронный переводчик, который получает речь оратора через наушники и повторяет ее в микрофон на другом языке, на языке перевода. Таких кабин обычно бывает несколько в зависимости от количества рабочих языков конгресса или конференции. Внешне синхронный переводчик является как бы частью единой системы, установки для синхронного перевода, в которую входит следующая цепь: микрофоны, установленные в президиуме, на трибуне оратора, а иногда и на местах перед делегатами или участниками конгресса; проводная связь от микрофона к диспетчерско-распределительному пульту, оттуда на наушники в кабины и далее от микрофона синхронного переводчика через распределительный пульт на места делегатов, где имеются наушники и селектор каналов. Осуществив включение с помощью селектора, участник конференции получает возможность слушать выступление на одном из рабочих языков.

Залы заседаний Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке и Женеве оборудованы установками, позволяющими делегатам слушать выступления на одном из пяти или шести языков. Некоторые залы оборудованы восьми- или тринадцатиканальными установками

* Е. А. Гофман. К истории синхронного перевода. «Тетради переводчика», № 1, М., «Междунар. отнош.», 1963, с. 20.

** Р. Е. Longley. Conference Interpreting. Ldn., 1968, p. 32.

ми, а зал заседаний Кремлевского Дворца съездов позволяет осуществлять перевод на 29 языков. В последние годы широкое распространение получил так называемый радиовариант установки для синхронного перевода, использующий ультракороткий диапазон радиоволн. В этом случае установка переносная, она быстро монтируется в зале, в котором предполагается проведение конференции, а участник конференции получает небольшой карманный радиоприемник с селектором канала и миниатюрным наушником. Это позволяет участнику конференции продолжать слушать выступление, передвигаясь по залу или даже выходя в фойе.

В таком описании синхронный переводчик выглядит как деталь, как блок в установке синхронного перевода. Синхронный переводчик как бы сам входит в неразрывный канал связи от оратора до участника конференции. Он отделен от зала стеклом кабины, а иногда и толстыми каменными стенами. В наше время существуют такие установки, где кабины синхронного перевода «слепые», а изображение зала синхронный переводчик получает на экране телевизора.

Практически деятельность синхронного переводчика успешна тогда, когда его не замечают. Чем меньше видна индивидуальность переводчика, чем точнее его перевод, чем четче и спокойнее его речь, тем менее он заметен, тем более естественным становится акт коммуникации.

С точки зрения организаторов конференции, синхронный перевод позволяет получать огромную экономию во времени, несмотря на то, что он может осуществляться на большое число языков. В наше время это кажется естественным, как будто бы иначе и быть не может. На самом деле синхронный перевод является лишь одной из двух разновидностей так называемого «перевода конференций». Второй разновидностью «перевода конференций» является последовательный перевод. Именно последовательный перевод исторически предшествует синхронному переводу в качестве перевода конференций. Если профессиональный синхронный перевод берет свое начало от Нюрнбергского процесса над нацистскими военными преступниками, то профессиональному последовательному переводу кладет начало Парижская мирная конференция 1919 г. Не входя в детали истории устного перевода вообще, сведения по которой приводятся, например, в книге ван Хоофа «Теория и практика устного перевода», изданной в 1962 г. в Мюнхене, истории столь же древней, сколь древна история человечества, достаточно будет сказать, что до первой мировой войны, фактически на протяжении всего XIX в. международным языком всех дипломатических конференций, дипломатических межправительственных контактов был французский язык.

Гарольд Никольсон в известной книге «Дипломатия» пишет: «Президент Вильсон и Ллойд-Джордж не были лингвистами, и в результате стало возможным для представителя каждой страны, если он этого желал, говорить на родном языке, после чего его слова переводились. Этот обычай был не так неудобен, как многие думают.

Квалифицированный переводчик может перевести заявление или речь с большой четкостью и быстротой».*

Переводчики Парижской мирной конференции, бригаду которых возглавил Поль Манту, историк и профессор Лондонского университета, а позднее — переводчики Лиги Наций: Антуан Веллеман, Жан Эрбер, Робер Конфино, братья Андре и Жорж Каминкер и Жорж Матье (французский язык), Эванс и Ллойд (английский язык) — создавали стандарты последовательного перевода. Согласно этим стандартам переводчик не имел права перебивать оратора. Оратор мог говорить столько, сколько он считал нужным. После этого перевод в течение того же времени осуществлял переводчик. Эдмон Кари приводит пример перевода речи французского дипломата Андре Франсуа Понсе, которая продолжалась два с половиной часа.

Расцвет последовательного перевода приходится на период между двумя войнами, когда многосторонняя дипломатия пользовалась фактически двумя рабочими языками — английским и французским, особенно в Лиге Наций. Когда после войны возникла Организация Объединенных Наций с пятью официальными языками, очень скоро стало ясно, что последовательный перевод крайне неэкономичен. Ведь для того чтобы перевести любое выступление оратора на четыре других официальных языка ООН, требуется в пять раз больше времени, чем отнимает сама речь. Именно эта практическая потребность многосторонней дипломатии и вызвала к жизни синхронный перевод. Тем более, что в 1950 году синхронный перевод уже возник и мог быть использован. Была готова аппаратура, был и необходимый, пока небольшой, костяк переводчиков.

Патент на синхронный перевод был выдан в 1926 г. американской фирме ИБМ ("International Business Machines") на имя Гордона Финли, радиоинженера, служащего фирмы, который воплотил в установке идею, ранее пришедшую в голову бостонскому бизнесмену Эдуарду Филену.** Однако первый опыт применения синхронного перевода был проведен в 1928 г. в Советском Союзе на VI конгрессе Коминтерна. «В журнале «Красная нива» за этот год можно увидеть переводчиков, сидящих в креслах перед трибуной. На шее у них громоздкое приспособление, поддерживающее микрофон. Телефонов (наушников) нет. Звук воспринимается непосредственно с трибуны», — так описывает первый опыт синхронного перевода ветеран советской школы синхронного перевода Е. А. Гофман***. На XIII пленуме Исполкома Коминтерна в 1933 г. впервые появились специально оборудованные кабины и телефоны (наушники). В 1935 г. в Ленинграде синхронный перевод впервые был применен на крупном

* Г. Никольсон. Дипломатия. М., Гос. изд. полит. лит-ры, 1941, с. 131.

** Henri Van Hoof. Théorie et pratique de l'interprétation. München, 1962, p. 20.

*** Е. А. Гофман. К истории синхронного перевода. «Тетради переводчика», № 1, М., «Междунар. отнош.», 1963, с. 20.

международном конгрессе. Это был XV международный физиологический конгресс. Вступительная речь академика И. П. Павлова переводилась синхронно на французский, английский и немецкий языки. С тех пор синхронный перевод эпизодически применялся на сессиях Исполкома Коминтерна вплоть до начала Отечественной войны. За рубежом есть данные о попытках организации синхронного перевода на международных конференциях, проходивших в 1927 г. в Женеве и в 1938 г. в Схевенингене (Голландия), а в 1936 г. синхронный перевод был введен на заседаниях двуязычного бельгийского парламента. Однако все эти опыты были лишь эпизодами. Синхронный перевод до конца второй мировой войны так и не стал профессиональным видом деятельности.

Принято считать, что датой рождения синхронного перевода как профессионального вида деятельности является Нюрнбергский процесс над нацистскими военными преступниками. Яркое описание синхронного перевода в Нюрнберге дано Е. А. Гофманом*. В Нюрнберге работали две команды: советская команда переводчиков и команда союзников, состоявшая главным образом из американцев. Во главе службы синхронного перевода стоял полковник американской армии, бывший служащий фирмы ИБМ Леон Достерт. Имя его связано в дальнейшем с организацией первых опытов машинного перевода в Джорджтаунском университете (США). В 1946 г. Достерт организовал демонстрацию синхронного перевода в ООН. В 1947 г. Секретариат ООН приобретает первую портативную установку синхронного перевода.** Между 1948 и 1951 гг. в Секретариате ООН шла борьба между сторонниками последовательного и сторонниками синхронного перевода. Несмотря на некоторые преимущества последовательного перевода, синхронный перевод победил. Это было естественно, ибо синхронный перевод позволял экономить время, практически не затрачивать вообще дополнительного времени на перевод. С 1951 г. последовательный перевод (и то наряду с синхронным переводом) сохранился только в Совете Безопасности, а с начала 1970-х годов практически вышел из употребления и в Совете Безопасности. Произошла как бы специализация. Последовательный перевод сохранился как инструмент обслуживания двусторонней дипломатии, двусторонних отношений. Синхронный перевод обслуживает многостороннюю дипломатию и шире — многосторонние отношения.

В наше время практически нет таких международных конференций с участием представителей нескольких стран, где не применялся бы синхронный перевод.

С 20-х гг. нашего столетия начинается «век конференций». С 1920 по 1930 гг. состоялось от 1000 до 3000 международных конференций и встреч. С 1930 по 1940 гг. — 4000, с 1940 по 1950 гг. — от 6000 до

* Е. А. Гофман. Указ. соч., с. 20—22.

** Р. Е. Longley. Conference Interpreting, p. 11.

10 000,* с 1950 по 1960 гг. — 14 000.** В настоящее время в мире проходит до 4000 международных встреч, конгрессов и конференций в год.***

В различных комбинациях в число международных языков вошли английский, французский, русский, немецкий, испанский, китайский, арабский и другие языки.

В Советском Союзе можно отметить следующие основные вехи в развитии синхронного перевода. После участия советских синхронистов в Нюрнбергском и Токийском процессах над военными преступниками был перерыв до 1952 г., когда в Москве в Доме Союзов прошло Международное экономическое совещание. Синхронный перевод обеспечивался в трех залах. Было занято около 50 переводчиков. Костяк команды составили ветераны из переводчиков Нюрнбергского процесса. Осуществлялся перевод на русский, английский, французский, немецкий, испанский и китайский языки. Впервые была применена система ведущего переводчика с диспетчерским пультом.

Следующим крупным этапом в развитии синхронного перевода можно считать Московский фестиваль молодежи и студентов 1957 г. Только в студенческой программе фестиваля было занято одновременно 80 синхронных переводчиков, не считая большой группы, занятой в других программах фестиваля, где синхронный перевод применялся в упрощенном виде в сочетании с последовательным: на русский язык перевод осуществлялся последовательно, с трибуны, а далее на все рабочие языки синхронно. Ряд ведущих синхронистов сегодняшнего дня получили свое боевое крещение на Московском фестивале.

Начиная с XIX съезда КПСС, вводится синхронный перевод на иностранные языки для иностранных делегаций (на русский язык перевод производился с трибуны, последовательно). На XX съезде осуществлялся полный синхронный перевод как с русского языка на иностранные, так и с иностранных языков на русский. На XX съезде синхронный перевод был организован на 7 рабочих языков: русский, английский, французский, немецкий, испанский, итальянский и китайский; на XXI съезде КПСС — уже на 18 рабочих языков. В настоящее время Кремлевский Дворец съездов имеет оборудование, позволяющее осуществлять синхронный перевод, вести работу конгресса, конференции на 30 рабочих языках.

С 1961 г. советские синхронисты постепенно начали обеспечивать синхронный перевод на русский язык и в Организации Объединенных Наций, сначала в Нью-Йорке, а затем и в Европейском отделе ООН, в Женеве.

* По разным данным.

** А. В. Я т л о в а. Развитие искусства устного перевода в СССР. «Тезисы докладов на юбилейной научной конференции Университета Дружбы Народов, посвященной 50-летию образования СССР», М., Унив. Дружбы нар., 1972, с. 299-303.

*** «Правда» от 20 февраля 1974 г.

В настоящее время по приблизительным оценочным данным в мире имеется около 2000 переводчиков-синхронистов различных языковых комбинаций. Из них около 300 человек — в СССР, примерно такое же количество — в социалистических странах вместе взятых (Болгария, Венгрия, ГДР, Куба, Польша, Румыния, Чехословакия)*, около 300 человек — в системе ООН (Секретариат ООН в Нью-Йорке, Европейское отделение ООН в Женеве, специализированные учреждения ООН), около 900 синхронистов — членов Международной ассоциации переводчиков конференций, объединяющей синхронистов, работающих по контрактам в западноевропейских странах, а также в США и Канаде. Остальные — в странах Африки и Азии, а также в международных правительственных и неправительственных организациях, не входящих в систему ООН.

Появились школы, ведущие профессиональную подготовку синхронных переводчиков. С 1948 г. обучение синхронному переводу осуществляется в Женевской школе переводчиков, выпускающей по 1-2 синхрониста в год. С 1962 г. ежегодно по 5-7 синхронных переводчиков выпускают Курсы переводчиков ООН при МГПИИЯ им. М. Тореза в Москве. Из наиболее известных школ за рубежом можно назвать Вашингтонскую школу (Джорджтаунский университет), школы в Гейдельберге, в Лейпциге** и в Париже***

В 1971 г. были созданы Высшие курсы переводчиков при МГПИИЯ им. М. Тореза, ежегодно выпускающие переводчиков-синхронистов.

Принятая XXIV съездом КПСС Программа мира, ее успешное воплощение в жизнь и дальнейшее ее развитие XXV съездом КПСС означают разрядку международной напряженности, развитие контактов, широкое международное сотрудничество во всех областях — политической, экономической, в области культуры, науки и техники. А это в свою очередь означает новый огромный рост числа международных встреч, конгрессов и конференций, это означает резкое возрастание потребностей в кадрах синхронных переводчиков. Синхронный перевод (СП) становится общепризнанной переводческой профессией.

2. ДВЕ СХЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДА (СП)

Внешнее описание синхронного перевода было бы неполным без описания и оценки существующих схем организации СП. Существуют по крайней мере две основные схемы организации синхронного перевода. Первая схема — схема прямого перевода — применяется в Организации Объединенных Наций и ее специализированных уч-

* Не учитывая КНР, данные по которой отсутствуют.

** Отделение теоретической и прикладной лингвистики Университета им. Карла Маркса.

*** Ecole Supérieure d'Interprètes et de Traducteurs de l'Université de Paris III.

реждениях. При этой схеме число кабин соответствует числу рабочих языков заседания или сессии. Например, при пяти официальных языках, принятых на заседаниях органов ООН, работают следующие кабины: английская, французская, русская, испанская и китайская. В каждой кабине на каждом данном заседании работает бригада переводчиков, которая обязана обеспечить синхронный перевод со всех остальных четырех языков на языки своих кабин. Предполагается (это правило не всегда, правда, выдерживается на практике), что синхронный перевод осуществляется переводчиком на свой родной язык. Обычно в кабину назначаются два переводчика. Предполагается, что их общая комбинация языков позволит им вдвоем осуществить перевод с четырех языков непосредственно на родной язык. Это значит, что, допустим, один переводчик русской кабины должен знать английский, французский и испанский языки, а второй — английский и китайский языки. Аналогичное правило применимо ко всем другим кабинетам.

Вторая схема организации синхронного перевода получила название перевода через ведущий язык или схемы с «главным переводчиком», с «пилотом». Эта схема обычно применяется в Советском Союзе и в других социалистических странах. Рассмотрим ее на примере Советского Союза. При наличии этой схемы один из рабочих языков конференции (у нас это русский язык) объявляется ведущим, осевым языком. Это значит, что число кабин всегда на одну меньше, чем количество рабочих языков конференции или конгресса. При наличии пяти рабочих языков — русского, английского, французского, испанского и немецкого — на конференции будут лишь четыре кабины: английская, французская, испанская и немецкая. Бригада переводчиков (обычно это три человека) в каждой кабине будет осуществлять перевод с русского языка на язык своей кабины, если оратор выступает по-русски, и с иностранного языка на русский, если оратор выступает на данном иностранном языке. Во втором случае три остальные кабины переводят на язык своей кабины не непосредственно речь оратора, а русский перевод его речи, который осуществляется первой, «осевой» или «ведущей», кабиной. Переводчик ведущей кабины становится «главным переводчиком». Таким образом, во всех случаях, когда оратор выступает не на русском языке, на остальные иностранные языки осуществляется двуступенчатый перевод. Любая из кабин, то есть любой переводчик в каждый данный момент конференции может стать «главным переводчиком». Каждый переводчик в бригаде осуществляет перевод попеременно либо со своего иностранного языка на русский язык, либо с русского языка на иностранный.

Прежде чем перейти к сравнительной оценке той и другой схемы организации синхронного перевода, введем понятие языковой комбинации в синхронном переводе. Под комбинацией мы будем понимать перевод, осуществляемый синхронистом с одного исходного языка (ИЯ) на другой конкретный язык перевода (ПЯ), например, перевод с английского языка на русский. В этом случае можно ска-

зять, что переводчик работает в англо-русской комбинации. Можно также говорить о количестве комбинаций, в которых работает данный синхронный переводчик. Например, одним из официальных требований, предъявляемых к синхронному переводчику в ООН, является умение работать не менее чем в двух языковых комбинациях. Как правило, это должно быть сочетание комбинаций перевода с двух иностранных языков на родной язык. При схеме, принятой в ООН, переводчик будет работать в конв е р г е н т н ы х комбинациях. При схеме, принятой в Советском Союзе, переводчик работает во взаимобратимых или р е в е р с и в н ы х комбинациях.

Недостатки двухступенчатой схемы перевода, схемы с «главным переводчиком», подробно рассмотрены А. Д. Швейцером.*

Одноступенчатая схема, принятая в ООН и в ряде других международных организаций, в идеале рассчитана на то, что каждый синхронист переводит с двух или более иностранных языков на свой родной язык. Эта схема теоретически должна обеспечить перевод более высокого качества, особенно в стилистическом отношении. Однако одноступенчатая схема возможна лишь при небольшом количестве рабочих языков конференций (до четырех языков) и, следовательно, в наше время на практике все менее и менее применима по мере развития широких международных контактов и выхода на международную арену новых языков.

Идеальная схема прямого перевода, как правило, нарушается во всех случаях, когда в число рабочих языков конференции включаются так называемые «редкие» языки: восточные языки или языки малых европейских стран. И в самом деле, трудно представить себе, чтобы в Норвегии можно было найти синхронистов, переводящих с хинди на арабский, а в СССР — с арабского на шведский, финский или норвежский и обратно. Таким образом, можно прийти к выводу, что схема прямого перевода может применяться лишь при небольшом числе рабочих языков конференции, не более четырех.

3. СИНХРОННЫЙ ПЕРЕВОД КАК ВИД «ПЕРЕВОДА КОНФЕРЕНЦИЙ»: ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Чтобы закончить внешнюю характеристику синхронного перевода, остается дать его определение.

Под синхронным переводом обычно понимается такой вид устного перевода на слух,** при котором речь на ПЯ порождается одновременно (или почти одновременно) с восприятием речи на ИЯ. Давая

* А. Д. Швейцер. К вопросу о наиболее рациональной схеме синхронного перевода. «Тетради переводчика», № 4, М., «Междунар. отнош.», 1967.

** Р. К. Миньяр-Белоручев. Методика обучения переводу на слух. М., Изд-во ИМО, 1959; Л. С. Бархударов (Язык и перевод. М., «Междунар. отнош.», 1975, с. 47-48) называет этот вид перевода «устно-устным». Представляется, что терминология Р. К. Миньяра-Белоручева точнее.

характеристику синхронного перевода, обычно добавляют, что он осуществляется с помощью технических средств: сообщение на ИЯ воспринимается через телефоны, а результат — речь на ПЯ — выдается в микрофон в звукоизолированной кабине.

Существуют две разновидности синхронного перевода. Первой разновидностью СП является «перевод с листа», то есть использование переводчиком-синхронистом текста сообщения на ИЯ, поступившего в кабину к переводчику в письменном виде. Поскольку при этом переводчик-синхронист все равно по ряду причин обязан внимательно слушать речь оратора, при отсутствии опыта и специальных тренировок текст становится лишь помехой для синхрониста, ибо требует дополнительного внимания. По этим причинам такой вид синхронного перевода, хотя на практике он и занимает значительное место в работе синхрониста, мы здесь не рассматриваем. Второй разновидностью СП является работа с портативной переносной установкой, при наличии которой синхронист находится в зале среди участников конференции и воспринимает речь оратора не через наушники, а непосредственно с трибуны. Такой суррогат синхронного перевода крайне утомителен для синхрониста, ибо уровень помех, шума в зале намного превышает допустимые нормы. Дополнительный и немаловажный фактор, отличающий переводчика-«шептуна» от синхрониста, находящегося в кабине, заключается в том, что, в отличие от второго случая, переводчик-«шептун» вступает в личностные отношения с участниками конференции, что в ряде случаев может создать дополнительные «помехи» для перевода.

Итак, характеризуя внешне синхронный перевод, можно выделить следующие факторы:

1. Синхронный перевод есть вид устного перевода, осуществляемого на слух, в отличие, например, от письменного перевода или осуществляемого устно «перевода с листа».

2. Процесс перевода начинается и заканчивается одновременно (или практически одновременно) с речью оратора, в отличие от другого вида устного перевода на слух — последовательного перевода, который осуществляется после окончания всей или части речи, произносимой оратором.

3. Переводчик, изолированный от аудитории, как бы «встроенный» в цепь: микрофон — усилитель — телефоны (наушники) — синхронист — микрофон — усилитель — телефоны — а) зависит в своей работе от работы аппаратуры и б) сам находится под влиянием объективирующих факторов, в отличие, например, от переводчика-«шептуна», находящегося в зале среди участников конференции.

Есть и еще одно обстоятельство, значительно реже отмечаемое в литературе,* но тем не менее характеризующее синхронный перевод по существу, — крайне сжатые сроки осуществления перевода (перевод в условиях острого дефицита времени) и, следовательно,

* И. И. Ревзин, В. Ю. Розенцвейг. Основы общего и машинного перевода. М., «Высшая школа», 1964, с. 177-179.

малый объем перерабатываемой синхронистом информации. В отличие от письменного переводчика, когда последний в поисках нужного варианта, не будучи ограниченным жесткими временными рамками, может переработать значительный объем дополнительной информации, извлекая ее из словарей, энциклопедий, справочников, ранее сделанных переводов и т. п., синхронист может полагаться лишь на предшествующий опыт и навыки, приобретенные ранее, и знания, хранящиеся в памяти, и то лишь на ту их часть, которую он в состоянии быстро, в доли секунды, извлечь из запасов информации, хранящейся в его долговременной памяти. «...Синхронный перевод требует немедленного перехода от одного языка к другому в отсутствие возможности обратиться к справочнику или спросить совета у коллеги или делегата, или времени на раздумье, или какой-либо возможности привести мысли и высказывания в какой-то логический порядок».*

Итак, добавляем четвертый фактор, характеризующий синхронный перевод:

4. В условиях дефицита времени ограниченный объем перерабатываемой информации на единицу переводимого текста.

Синхронный перевод обычно сопоставляют и сравнивают с последовательным переводом и противопоставляют последнему.

В отличие от синхронного перевода, в последовательном переводе,** который также является видом устного перевода на слух, во-первых, восприятие речи на ИЯ и порождение речи на ПЯ разделены во времени; во-вторых, при последовательном переводе усиленно загружается и работает память, поскольку оказывается необходимым удержать в памяти значительный отрезок оригинала (или перевода); в-третьих, последовательный перевод обычно осуществляется с опорой на специальную краткую запись, на приемы особого вида скорописи;*** и, наконец, последнее, хотя и не столь важное, сколь три первых фактора: при последовательном переводе переводчик, находясь в центре внимания участников конференции, вступает в активные межличностные отношения с участниками конференции.

По признаку сферы применения синхронный и последовательный перевод объединяются понятием «перевода конференций» (conference interpretation, interprétation de conférence, Konferenzdolmetschen). На русском языке иногда говорят о «съездовском» или «парламентском» переводе, чаще в понятие «переводчик-синхронист» включают

* J. Herbert. The Interpreter's Handbook, Genève, 1952, p. 29. (Здесь и далее перевод мой. — Г.Ч.)

** Р. К. Миньяр-Белоручев. Последовательный перевод. М., Воениздат, 1969, с. 9.

*** См. J.-F. Rozan. La prise de notes en interprétation consécutive. Genève, 1956; Р. К. Миньяр-Белоручев. Указ. соч., а также его же. Пособие по устному переводу. М., «Высшая школа», 1969, с. 4; записям о последовательном переводе посвящена также работа: D. Selickovitch. Langage, langues et mémoire. Paris, 1975.

и навыки последовательного перевода, тем самым употребляя этот термин как синоним выражения *conference interpreter*. Кроме сферы применения (международные конференции, конгрессы, сессии международных организаций, встречи, научные симпозиумы и т. д., а также дипломатические и межправительственные встречи и переговоры, публичные выступления и лекции общественных деятелей и крупных специалистов), «перевод конференций» обязательно предполагает, в отличие от других видов устного перевода (например, переводчик-гид и т. п.), высокий профессиональный уровень квалификации переводчика.

Как уже было упомянуто выше, в последнее десятилетие наметилась и некоторая специализация в применении синхронного и последовательного переводов. Если синхронный перевод во все возрастающей степени используется для многостороннего (многоязычного) общения, для многосторонней дипломатии (в рамках международных организаций, конференций и встреч с участием более двух стран), то последовательный перевод все в большей степени применяется для обслуживания двусторонних встреч и переговоров, для целей двусторонней дипломатии и шире — двусторонних межнациональных отношений.

Таким образом, синхронный перевод можно определить как такой профессиональный вид устного перевода конференций, который осуществляется одновременно с восприятием сообщения на языке оригинала с помощью технических средств в специально оборудованной кабине и в процессе которого — в условиях дефицита времени — на единицу текста перерабатывается информация ограниченного объема.

Это предварительное чисто внешнее описание и определение синхронного перевода (СП) достаточно для того, чтобы перейти к рассмотрению внутренних теоретических проблем синхронного перевода, а также к выделению объекта исследования.

Глава 2. ИССЛЕДОВАНИЕ СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДА

It would be wrong to claim that research in simultaneous interpretation is at anything but a preliminary, descriptive stage.

*D. Gerver**

Если синхронный перевод как вид профессиональной деятельности молод, то исследования синхронного перевода еще моложе. Первые экспериментальные и теоретические работы по синхронному переводу появились в середине 60-х годов.

* D. Gerver. A Psychological Approach to Simultaneous Interpretation. *Meta*, vol. 20, No. 2, Montréal, juin 1975, p. 120.

Собственно, первой работой была магистерская диссертация Евы Панет, защищенная в Лондоне в 1957 году.* Первая часть этой работы — очерк истории устного перевода, однако во второй, методической части, уже в этой работе рассматриваются такие вопросы, как вопрос о фазовом сдвиге между оригиналом и переводом и о методике использования этого сдвига синхронистом. На основе наблюдений над работой синхронистов на конференциях Панет указывает и размер фазового сдвига: от 2 до 4 сек. В целом эта любопытная, но сугубо описательная работа не оставила значительного следа в исследованиях синхронного перевода.

Более серьезные экспериментальные работы, посвященные частным вопросам механизма СП и содержащие некоторые выводы по этим вопросам, стали появляться начиная с середины 60-х годов. Число появившихся публикаций на темы синхронного перевода было, однако, крайне невелико, авторы этих публикаций — психологи, а также лингвисты и синхронисты-переводчики. К ним относятся З. А. Кочкина,** Олерон и Нанпон,*** А. Тризман,**** Д. Селескович,***** М. Я. Цвиллинг,***** Ф. Голдман-Эйслер,*****

* E. Paneth. An Investigation into Conference Interpreting. Unpublished M. A. Thesis, London University, 1957.

** З. А. Кочкина. Некоторые особенности деятельности синхронного переводчика. Тезисы докладов на II съезде Общества психологов, вып. 1, М., АПН, 1963.

*** P. Oléron, H. Nanpon. Recherches sur la traduction simultanée. Journal de Psychologie Normale et Pathologique. Paris, 1965, vol. 1, pp. 73-94.

**** A. Treisman. Monitoring and Storage of Irrelevant Messages in Selective Attention. Journal of Verbal Learning and Verbal Behaviour, 1964, vol. 3, pp. 449-459; The Effects of Redundancy and Familiarity on Translating and Repeating Back a Foreign and Native Language. British Journal of Psychology, 1965, vol. 56, pp. 369-379.

***** D. Seleskovich. Colloque sur l'enseignement de l'interprétation. Paris, 1965; L'interprète dans les conférences internationales. Paris, 1968, pp. 1-261. Langage, langues et mémoire, Paris, 1975, pp. 1-272.

***** М. Я. Цвиллинг. Синхронный перевод как объект экспериментального исследования. «Тетради переводчика», № 3, М., «Междунар. отнош.», 1966.

***** F. Goldman-Eisler. Sequential Temporal Patterns and Cognitive Processes in Speech. Language and Speech, 1967, vol. 10, pp. 122-132; Psycholinguistics: Experiments in Spontaneous Speech. Ldn., 1968; Segmentation of Input in Simultaneous Interpreting. Journal of Psycholinguistic Research, 1972, vol. 1, pp. 127-140. См. также: A. I. Henderson, F. Goldman-Eisler and A. Skarbek. Temporal Patterns of Cognitive Activity and Breath Control in Speech. Language and Speech, 1965, vol. 8, pp. 236-242; A. I. Henderson, F. Goldman-Eisler and A. Skarbek. Sequential Temporal Patterns in Spontaneous Speech. Language and Speech, 1966, vol. 9, pp. 207-216.

Б. А. Бенедиктов*, А. Ш. Барик,** Д. Гервер***, Г. В. Чернов,**** О. Каде и К. Картелиери,***** А. Ф. Ширяев.*****

По крайней мере в трех работах по психологии и психолингвистике появились отдельные замечания о механизме синхронного перевода в связи с обсуждением других проблем.*****

* Б. А. Бенедиктов. Основные вопросы психологии устного перевода. *Fremdsprachen*, № 2, Leipzig, 1968; Экспериментальное изучение устного перевода. В сб.: «Вопросы теории и методики преподавания перевода». Материалы Всесоюзной конференции 12-14 мая 1970 г., М., МГПИИЯ, 1970; Психология овладения иностранным языком. Минск, «Высшая школа», 1974, см. гл. IV и V, с. 156-241.

** Н. С. Барик. A Study of Simultaneous Interpretation. Unpublished Ph. D. Dissertation in Experimental Psychology, University of North Carolina, 1969; A Description of Various Types of Omissions, Additions and Errors of Translation Encountered in Simultaneous Interpretation. *Meta*, 1971, vol. 16; Simultaneous Interpretation: Temporal and Quantitative Data. *Language and Speech*, 1973, vol. 16, pp. 237—270.

*** Д. Гервер. The Effects of Source Language Presentation Rate on the Performance of Simultaneous Conference Interpreters. In: E. Foulke (Ed.). *Proceedings of the 2nd Louisville Conference on Rate and/or Frequency Controlled Speech*. University of Louisville, 1969, pp. 162—184; Simultaneous Interpretation and Human Information Processing. Unpublished Ph. D. Thesis, Oxford University, 1971; The Effects of Noise on the Performance of Simultaneous Interpreters: Accuracy of Performance. *Acta Psychologica*, 1974, vol. 38, pp. 159—167; Simultaneous Listening and Speaking and Retention of Prose. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*, 1974, vol. 26, pp. 337—342.

**** Г. В. Чернов. Синхронный перевод: речевая компрессия—лингвистическая проблема. «Тетради переводчика», № 6, М., «Международ. отнош.», 1969.

***** О. Каде, С. Картелиери. Some Methodological Aspects of Simultaneous Interpreting. *Babel*, 1971, vol. 17, No. 2, pp. 12—16.

***** А. Ф. Ширяев. Синхронность синхронного перевода. ВИИЯ. Труды института. «Иностранные языки», № 7, М., 1971; Некоторые результаты экспериментального исследования синхронного перевода. ВИИЯ. Труды института. «Иностранные языки», № 8, М., 1972; Синхронный перевод с французского языка. Проблема единиц перевода. ВИИЯ. Труды института. «Иностранные языки», № 9, М., 1973; Синхронный перевод с французского языка (исследование некоторых аспектов синхронности в связи с особенностями функционирования исходного языка). Автореферат канд. дисс., М., МГИМО, 1973.

***** У. Нейссер. *Cognitive Psychology*. N. Y., 1967. «Ниссер ссылается на синхронный перевод в контексте обсуждения вопроса о «моторной» теории восприятия речи. Ниссер утверждает, что синхронный перевод служит опровержением «моторной теории»...» Цит. по: D. Gerver. A Psychological Approach to Simultaneous Interpretation, p. 120; A. I. Welford. *The Fundamentals of Skill*. Ldn., 1968. «Уэлфорд обсуждает способность синхронных переводчиков одновременно слушать и говорить в рамках обсуждения теорий одноканальной переработки информации у человека. Уэлфорд утверждает, что синхронные переводчики приобретают способность слушать и говорить одновременно потому, что в результате большой практики они научаются игнорировать звук своего собственного голоса...» Цит. по: D. Gerver. A Psychological Approach to Simultaneous Interpretation, p. 120; А. А. Леонтьев. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М., «Наука», 1969. На с. 169—172 этого фундаментального труда рассматриваются вопросы заданности извне внутренней программы высказывания, порождаемого синхронистом, говорится о разрывности этой программы, а также ставится вопрос об инварианте в переводе.

Обзор этих работ, появившихся в 60-е и в начале 70-х годов и посвященных частным проблемам синхронного перевода, удобнее дать не по авторам, а сгруппировать их по проблемам, которые ставятся в указанных публикациях.

Прежде всего следует выделить, как наиболее многочисленные, работы, в которых исследуются некоторые темпоральные характеристики синхронного перевода, вопрос о «запаздывании» речи синхрониста по сравнению с речью оратора, вопрос о синфазности* или о фазовом сдвиге.

Уже в первых работах было выяснено, что переводчик несколько отстает от оратора (как в начале перевода, так и в ходе его развертывания). По первым работам это отставание или фазовый сдвиг регистрировались в широких временных диапазонах: примерно от 1 сек.** до 10 сек.***, а некоторые авторы рассчитывали отставание в количестве слов оригинала. Так, по Герверу,**** при возрастании темпа речи оратора от 95 до 164 слов в минуту отставание также возрастает соответственно от 5 до 8,5 слова. В качестве средней величины «отставания» большинство авторов приводят цифры от 2 до 3 секунд, по крайней мере для англо-французской и франко-английской комбинаций перевода, в рамках которых и проводилось большинство исследований.

В связи с величиной «отставания» был поставлен вопрос о «единице» перевода в СП или о «единице» перекодирования*****, а также о факторах, влияющих на величину «отставания». К таким факторам были отнесены относительная сложность поступающего материала (Олерон и Нанпон), возрастающий темп речи оратора (Гервер), а также позиция, занимаемая в предложении ИЯ некоторым ключевым словом, необходимым переводчику для осуществления перевода. К такому ключевому слову относили глагол (Олерон

* Термин М. Я. Цвиллинга.

** Б. А. Бенедиктов. Основные вопросы психологии устного перевода.

*** Р. Олégон, Н. Напрон. Recherches sur la traduction simultanée.

**** D. Gerver. The Effects of Source Language Presentation Rate on the Performance of Simultaneous Conference Interpreters.

***** Н. С. Барик. A Study of Simultaneous Interpretation, p. 200; ср. также: «Размеры сдвига могут быть соотнесены с единицами перевода, то есть с такими отрезками исходной речевой цепи, по которым происходит последовательное преобразование текста на исходном языке в текст на языке перевода. Поэтому проблема определения размеров сдвига может быть сведена к определению размеров единиц перевода...» (с. 4) «... единицы перевода (французско-русская комбинация. — Г. Ч.) совпадают чаще всего с синтагмами, реже — превышают синтагму...» (с. 7) (А. Ф. Ширяев. Синхронный перевод с французского языка (исследование некоторых аспектов синхронности в связи с особенностями функционирования исходного языка)

и Нанпон), или предикативную группу (Голдман-Эйслер, 1972).*

Было исследовано также влияние темпа речи оратора на процесс синхронного перевода (Селескович, 1965; Гервер, 1969), при этом исследователи пришли к выводу, что оптимальным для синхрониста является темп речи в 100—120 слов в минуту (по крайней мере, для английского и французского языков), причем при темпах речи порядка 150—200 слов в минуту значительно ухудшается качество перевода: появляются пропуски и ошибки.

Исследовалось также влияние шума на процесс синхронного перевода (Гервер, 1974). Автор исследования приходит к выводу, весьма существенному для практики синхронного перевода: ухудшение условий слышимости неизбежно ведет к снижению качества перевода**.

Наиболее полной работой по исследованию временных параметров синхронного перевода можно считать диссертацию А. Ш. Барика (Барик, 1969), первая из двух частей которой полностью посвящена исследованию и систематизации темпоральных характеристик синхронного перевода. Здесь в ряде таблиц излагаются обработанные на ЭВМ данные временных параметров речи на ИЯ (таких как суммарная продолжительность «чистой» речи, суммарная продолжительность пауз, число речевых сегментов на 100 сек. текста, число пауз на 100 сек. текста, средняя продолжительность речевого сегмента и паузы, темп речи, исчисляемый количеством слогов в минуту, и др., в том числе процент и абсолютное число пауз, падающих на конец синтаксической группы), данные по 28 параметрам речи на ПЯ (в том числе те же, которые приводятся для речи на ИЯ) и данные по 23 параметрам, характеризующим собственно процесс перевода, в том числе процентное соотношение четырех возможных ва-

* По поводу роли глагола-сказуемого как ключевого слова в восприятии речи на ИЯ переводчиком см. следующее свидетельство синхрониста-практика из ГДР — юмористическое описание следующей сценки: «(Оратор)... говорит с ударением, обстоятельно... и бесконечно наращивая цепочку придаточных конструкций. С чем-то они что-то сделали. Не могу понять, что они сделали: закончили, подготовили, отклонили или пересмотрели. Напряженно пытаюсь представить, что он хочет сказать, и безнадежно забываю все сказанное. Запоминать не имеет смысла — он уже влез в следующий придаточный оборот. Замолкаю. Оратор сбавляет темп и смотрит на меня. Молчу. Я мог бы сказать, что они осуществили, выполнили или реализовали, а потом сделать замысловатый боевой разворот и пристроить конкретизацию — завершение, подготовку, отклонение или пересмотр. Не хочу. Молчу. Он смотрит выразительно. Набираюсь нахальства и сообщаю, что мне нужен глагол... Публика ехидно улыбается.» (Б. Ш т а й е р. О механизме синхронного перевода. «Тетради переводчика», № 12, М., «Междунар. отнош.», 1975, с. 110).

** Несмотря на очевидную тривиальность вывода, он, к сожалению, до сих пор далеко не всегда учитывается организаторами конференций: примером может служить массовое оснащение новых залов установкой для синхронного перевода «СИНХРОТОН». В установке предусмотрен автоматически регулируемый уровень громкости в наушниках синхрониста, рассчитанный лишь на с л у ш а н и е речи на ИЯ, но никак не на одновременное г о в о р е н и е.

риантов отношения «чистой» речи и пауз на ИЯ к «чистой» речи и паузам на ПЯ.*

Многие исследователи обращали внимание на особую роль, которую, по их мнению, играли паузы как в речи оратора, так и в речи переводчика, поскольку именно паузы указывают на способ сегментации речи переводчиком. Этот вопрос можно разделить на два самостоятельных подвопроса: способ использования синхронистом паузы в речи оратора и способ сегментации собственной речи переводчиком.

Некоторые исследователи указывали на то, что в попытке обойти трудность одновременного слушания и говорения синхронист в максимальной степени стремится использовать паузы в речи оратора для проговаривания своего перевода (Голдман-Эйслер, 1968; Барик, 1973; З. А. Кочкина, 1963), тем самым имплицитно ставя под сомнение сам факт синхронности разных видов речевой деятельности, осуществляемой синхронистом. Эта позиция подверглась критике в работах других исследователей (Ширяев, 1971; Гервер, 1975; Зимняя и Чернов, 1970, 1973**). Поскольку вопрос об истинной синхронности СП будет рассмотрен в следующей главе, мы ограничимся здесь лишь указанием на имеющиеся работы.***

* Более подробный разбор диссертационной работы А. Ш. Барика см. в рецензии автора: Теория без эксперимента и эксперимент без теории. «Теория переводчика», № 10, М., «Международ. отнош.», 1973, с. 102—110.

** И. А. Зимняя, Г. В. Чернов. К вопросу о роли вероятностного прогнозирования в процессе синхронного перевода. В сб.: «Вопросы теории и методики преподавания перевода». Тезисы Всесоюзной конференции 12—14 мая 1970 г., М., 1970, ч. I; и х ж е: Вероятностное прогнозирование в процессе синхронного перевода. В сб.: «Предварительные материалы экспериментальных исследований по психолингвистике», ИЯ АН СССР, М., 1973.

*** Гервер, критикуя утверждения Голдман-Эйслер и Барика, указывает: «...анализ распределения по длительности пауз в речах ораторов на конференциях показал, что имеется очень немного пауз, которыми переводчик может воспользоваться так, как об этом говорит (Барик. — Г. Ч.). Рассматривая паузу в 250 мсек. как минимальную, мы получили следующее распределение пауз по длительности на основе проведенного на ЭВМ анализа 3—5-минутных отрезков, сделанных на конференциях записей выступлений 10 английских ораторов: из общего числа в 804 незаполненных паузы (в секундах):

1/4" — 1/2"	48%	
1/2" — 3/4"	23%	
3/4" — 1 "	12%	83% 1" или менее
1" — 2 "	13%	
2" +	4%	17% свыше 1"

Если переводчик уже говорит при темпе в 96—110 слов в минуту (темп, просчитанный на ряде переводчиков), очевидно, что он вряд ли может сказать многое в течение большинства пауз, хотя, с другой стороны, он и не может избежать их заполнения, поскольку он уже говорит. При этом мы не отрицаем, что время от времени он может воспользоваться паузой и таким образом, как это предполагают...» (D. Gerver. A Psychological Approach to Simultaneous Interpretation, p. 123)

Вопрос о сегментации речевого потока синхронистом рассматривался в нескольких аспектах. Гервер (1971) рассматривал паузацию речевого потока синхронистом как вопрос о соответствии пауз в речи переводчика границе между непосредственно составляющими предложением* в зависимости от нормальной паузации и нормальной интонации речи оригинала по сравнению со специально препарированной речью, лишенной всех пауз длительностью менее 250 мсек. и с максимально возможной невыразительностью интонации и ударения. Исследователь провел специальный эксперимент с участием слушателей курса синхронного перевода, близких к выпуску, на основе теоретических положений, разработанных в психолингвистической школе Осгуда.**

Работа Голдман-Эйслер (1972) посвящена проблеме сегментации речевого потока на ИЯ, производимой переводчиком, и вопросу о зависимости такой сегментации от каких-либо факторов. Автор устанавливает три возможных способа сегментации: в полном соответствии с сегментацией речи на ИЯ («идентичность»), деление речи на более короткие речевые отрезки, или начало перевода до завершения непрерывно звучащего речевого отрезка на ИЯ («деление»), и объединение двух-трех речевых отрезков в речи на ИЯ в единый отрезок в речи на ПЯ («слияние»). Установив в качестве общей закономерности на основе анализа работы шести переводчиков, переводивших в разных комбинациях в пределах английского, французского и немецкого языков, преимущество «деления» (48%), исследователь далее приходит к выводу о том, что случаи «идентичного» разбиения речи растут с ростом темпа речи на ИЯ, а также чаще при переводе с немецкого, нежели с французского и английского языков. Кроме того, исследователь устанавливает, что в большинстве случаев воспринятый отрезок речи должен включать предикативную группу. Последний вывод хорошо согласуется с так называемым «идеальным моментом начала перевода», теоретически устанавливаемым Каде и Картельери (1971).

Мы видим, таким образом, что эта группа работ все в большей и большей степени начинает затрагивать психолингвистические аспекты синхронного перевода и частично может быть отнесена к работам по исследованию механизмов СП, хотя ни в одной из этих работ не предлагается сколь-нибудь цельной модели механизма синхронного перевода в целом.

В работе, опубликованной в 1967 г. (Голдман-Эйслер, 1967), английская исследовательница на основе работы, проведенной ею вместе с другими авторами (см. Гендерсон и др., 1966), устанавливает определенную цикличность в распределении пауз и речевых отрез-

* Психолингвистическую оценку грамматики непосредственно составляющих см. в работе: А. А. Леонтьев. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания, с. 61 и далее.

** Автор ссылается, в частности, на работу: G. J. S u c i. The Validity of Pause as an Index of Units in Language. Journal of Verbal Learning and Verbal Behaviour, 1967, vol. 6, No. 1, pp. 26—32.

ков в речи синхронистов по длительностям, утверждая, что в их распределении имеются периоды относительно длинных пауз и коротких речевых отрезков (периоды «хезитации»)*, которые чередуются с периодами относительно кратких пауз и длинных речевых отрезков. Исследователь связывает первые с периодами «планирования» речи, а вторые — с периодами ее «производства». Однако как выводы автора, так и сами экспериментальные материалы, ставятся под сомнение.**

Наконец, в качестве последней работы этой группы следует указать на работу А. Ф. Ширяева (1973), в которой автор подчеркивает особую роль так называемых «микропауз» в речи синхрониста, переводящего с французского языка на русский язык. Утверждая, что «в речи переводчиков на языке перевода микропаузы между слогами внутри слова и между словами внутри речевого звена составляли 80-160 мсек (то есть до продолжительности звучания одного слога), встречались через каждые 1-2 слога, реже через 3-5 слогов», а «в речи ... студентов (которые еще не овладели синхронным переводом) микропаузы были ... меньше (40-120 мсек) и встречались нерегулярно», автор приходит к выводу о том, что «в механизмах понимания речи оратора во время говорения на языке перевода существенную роль играет произнесение переводного текста с регулярными микропаузами между слогами, во время которых становится возможным восприятие отдельных фрагментов речевых звеньев исходного текста при свободном речедвигательном анализаторе»***

Последний вопрос тесно связан с проблемой механизма СП и будет более подробно рассмотрен в теоретическом плане ниже. Здесь достаточно указать лишь на то, что если справедливо утверждение автора о наблюдаемых микропаузах, то данный вывод вынуждает поставить под сомнение либо пригодность использованной автором аппаратуры, либо компетентность испытуемых, участвовавших в экспериментальных переводах А. Ф. Ширяева, поскольку автор, по приводимым им данным, не анализировал осциллографически никаких записей реальных переводов на конференциях, а среди его испытуемых были не профессиональные синхронисты, а «профессиональные переводчики, владеющие синхронным переводом». Дело в том, что речь, в которой каждый второй или каждый третий слог отделяется от последующих паузой на длительность слога, должна звучать

* Термин, применяемый в психологии речи и методике и означающий период колебания в производстве речи.

** См. работы: J. Schwartz, J. Jaffe. Markovian Prediction of Sequential Temporal Patterns in Spontaneous Speech. *Language and Speech*, 1968, vol. 11, pp. 27—30; J. Jaffe, S. Breskin, L. J. Gertsman. On the Range of Sequential Constraint in Monologue Rhythms. *Psychonomic Science*, 1970, vol. 19, pp. 233—234; D. Gerver. *Empirical Studies of Simultaneous Interpretation: a review and a model*; R. Brislin (Ed.). *Translation: Applications and Research*. N. Y., 1977.

*** А. Ф. Ширяев. Синхронный перевод с французского языка (исследование некоторых аспектов синхронности в связи с особенностями функционирования исходного языка), с. 13.

неестественно, прерывисто,* а такой речи в реальных синхронных переводах, выполняемых на конференциях, никто из авторов, затрагивавших вопросы СП, не отмечал. Такая речь не отмечается на слух в многочисленных реальных записях профессионального синхронного перевода, в том числе переводов с французского на русский язык, имеющих в нашем распоряжении, как не отмечаются и микропаузы указанного типа на осциллограммах магнитной записи СП.** Они не регистрируются и на специальном паузаторе, имеющемся в нашем распоряжении.***

Некоторые психологи затрагивают в своих работах вопрос о распределении внимания переводчика в ходе синхронного перевода (Кочкина, Lawson,**** Гервер) либо используют СП в качестве экспериментального или иллюстративного материала при исследовании проблемы внимания (Тризма, Уэлфорд).

Поскольку вопрос о роли внимания в процессе слушания (и восприятия) речи на ИЯ при одновременном говорении (порождении речи) на ПЯ тесно связан с вопросом о создании психологического модели механизма синхронного перевода, мы вкратце рассмотрим наиболее существенные выводы указанных работ. Их можно свести к двум, наиболее представительным.

Первую позицию изложила З. А. Кочкина (1963), которая приходит к выводу о том, что «понимание чужой мысли и формирование собственной не могут проходить одновременно» и что «эти два вида речевой деятельности связаны с переключением внимания»*****

Следует указать на то, что в современной психологической теории внимания модели, предусматривающие «переключение канала» внимания, уступают место более сильным моделям, предусматривающим различные степени загруженности канала. «Затруднение, связанное с представлением о переключателе, состоит в том, что это

* По данным М. Г. Каспаровой, проводившей специальные исследования по восприятию пауз, максимальная не воспринимаемая на слух микропауза длится до 50 мсек. При наличии временного интервала в слове в 50 мсек 66% испытуемых воспринимают его как искажение, перерыв или паузу; при интервале в 100 мсек — 82%, и лишь 18% испытуемых не воспринимают интервал на слух. (М. Г. Каспарова. Восприятие паузы. Автореферат канд. дисс. М., МГПИИЯ, 1964)

** Осциллографическая запись двух параллельных звуковых кривых, записанных на двухканальный магнитофон оригинала и перевода, общей длительностью в 18 мин., выполнена в феврале—апреле 1970 г. в ЛЭФиПР (Лаборатория экспериментальной фонетики и психологии речи) МГПИИЯ им. М. Тореза на шлейфовом осциллографе Н-105 двумя шлейфами М-004-3,5 кгц.

*** Авторское свидетельство на имя Б. Г. Хоровича и Г. В. Чернова. Описание методики работы на данном аппарате см. в работе: Г. В. Чернов и др. Методика темпорального анализа синхронного перевода на специальной лабораторной установке. В сб.: «Иностранные языки» в высшей школе, вып. 9, М., «Высшая школа», 1974, с. 77—84.

**** E. A. Lawson. Attention and Simultaneous Translation. Language and Speech, 1967, vol. 10, p. 29—35.

***** З. А. Кочкина. Некоторые особенности деятельности синхронного переводчика, с. 109.

прибор, действующий по принципу «все или ничего», — информация либо проходит, либо нет. Но мы уже видели, что какая-то часть информации, поступающей по каналу, на котором не сосредоточено внимание и который, как предполагается, отключен, все же проходит и испытуемый осознает ее наличие. Поэтому можно предположить, что переключатель на самом деле работает как а т т е н ю а т о р, то есть прибор, лишь уменьшающий количество проходящей информации, но не отключающий ее полностью».*

Более интересной позицией представляется другая, более поздняя и в большей степени отвечающая современному состоянию теории внимания.** Основной вывод в применении к синхронному переводу делается представителем этой второй позиции (Гервер, 1975):

«Вопреки одноканальной гипотезе, выдвигаемой Уэлфордом (1968), внимание... может распределяться на несколько выполняемых задач, и распределение внимания — это вопрос степени. Оно контролируется намерениями личности и ее постоянными характеристиками. При больших нагрузках, однако, внимание становится почти полностью неделимым. Так, в процессе синхронного перевода в нормальных условиях (хорошая слышимость, умеренный темп речи, легко воспринимаемое содержание речи на исходном языке) переводчик может без труда распределять свое внимание..., но когда, например, он сталкивается с плохими условиями слышимости и/или трудным содержанием, внимание может концентрироваться на декодировании и кодировании, и при этом может страдать контроль за входом и/или выходом»***

Этот вывод в значительно большей степени соответствует наблюдаемым и установленным ныне фактам СП и может быть, в основном, принят за основу при обсуждении проблем распределения внимания в процессе синхронного перевода.

Наконец, особого упоминания заслуживает статья М. Я. Цвиллинга****, в которой излагаются основы комплексной программы экспериментального исследования процесса синхронного перевода и ставится ряд весьма перспективных вопросов. К сожалению, автор не осуществил эту программу и позднее не выступал с публикациями по теоретическим проблемам синхронного перевода.

Заканчивая обзор ранних публикаций по проблемам синхронного перевода, следует еще раз подчеркнуть, что эти работы ограничены частными, хотя зачастую и важными, проблемами синхронного перевода.

* П. Линдсей, Д. Норман. Переработка информации у человека. (Введение в психологию). Пер. с англ. под ред. А. Р. Лурия. М., «Мир», 1974, с. 349—350. О внимании и теории внимания см. с. 339—354. См. также обзорную публикацию: Н. Ф. Добрынин. О новых исследованиях внимания. «Вопросы психологии», 1973, № 3.

** См.: Н. Ф. Добрынин. Указ. соч.

*** D. G e r v e r. A Psychological Approach to Simultaneous Interpretation, p. 127.

**** М. Я. Цвиллинг. Синхронный перевод как объект экспериментального исследования.

Исследования, в которых предлагаются теоретические модели механизма синхронного перевода, появились лишь в последнем десятилетии и практически единичны.

Глава 3. О «СИНХРОННОСТИ» В СИНХРОННОМ ПЕРЕВОДЕ

"You're thinking about something, my dear, and that makes you forget to talk."

*Lewis Carroll**

Первым шагом к построению теоретической модели является твердое установление фактов изучаемого явления. В 1963 г. психологом З. А. Кочкиной было высказано сомнение относительно истинной синхронности или одновременности процессов, проходящих в синхронном переводе. На основе экспериментальной работы З. А. Кочкина пришла к выводу, что так называемая одновременность в синхронном переводе «достигается путем: 1) сокращения сообщения, 2) более быстрого проговаривания своего текста в сравнении с речью оратора...»**

Поскольку появилось сомнение в том, что синхронный перевод является истинно синхронным, требовалось прежде всего установление или опровержение факта синхронности двух основных наблюдаемых видов деятельности синхронного переводчика: слушания (восприятия речи) и говорения. Для этого требовалось осуществить аппаратное исследование с одновременной фиксацией оригинала и перевода на звукозаписывающую и регистрирующую аппаратуру. Такого рода исследования были проведены независимо и примерно одновременно А. Ш. Бариком, Д. Гервером, Ф. Голдман-Эйслер, И. А. Зимней и Г. В. Черновым, а также А. Ф. Ширяевым.

В нашем исследовании (Зимняя и Чернов, 1970) синхронность процессов слушания речи оратора и говорения переводчика устанавливалась на основе сопоставления параллельной регистрации речи оратора и переводчика, записанных одновременно на магнитную ленту на двухканальном магнитофоне во время перевода. Анализу были подвергнуты материалы, полученные в эксперименте по синхронному переводу, проведенном в декабре 1969 г. в МГПИИЯ им. М. Тореца.

В эксперименте участвовало 11 переводчиков-синхронистов

* Lewis Carroll. Alice's Adventures in Wonderland. Ldn., 1881, p. 131.

** З. А. Кочкина. Некоторые особенности деятельности синхронного переводчика, с. 109.

высшей квалификации.* Для перевода были предъявлены три 20-минутных текста на русском и английском языках в виде магнитной записи речи ораторов (русско-английская и англо-русская комбинации). Для анализа использован 20-минутный текст речи на русском языке и шесть переводов.

При анализе материалов эксперимента сопоставление временных параметров проводилось на основе анализа осциллографических кривых, записанных на шлейфовом осциллографе Н-105 двумя шлейфами М-004-3,5 кгц, обеспечивающими параллельную запись звуковых кривых двух источников речи. В этой серии для каждого из шести переводчиков были проанализированы отрывки перевода общей длительностью звучания примерно в 4 минуты (из 20 мин. перевода по каждому переводчику), что составляет около 20% времени работы переводчика. Результаты анализа были доложены на Всесоюзной конференции, посвященной вопросам теории и методики преподавания перевода в мае 1970 года,** а также в последующей публикации.***

Приведем отрывок из этой публикации:

«Анализ экспериментального материала показал, что, во-первых, время совпадающего звучания двух источников составляет в среднем около 70% времени общего звучания (за вычетом пауз), находясь в пределах от 51 до 82%. Во-вторых, было определено, что время «чистой», одновременной паузы в звучании двух источников составляет в среднем около 7% (от 4% до 10%). В-третьих, эксперимент показал, что среднее время паузы переводчика по отношению ко времени звучания оратора колеблется в пределах от 18% до 35%. Как известно, именно эти паузы рассматриваются часто как единственная возможность аккумуляции слуховой информации, как время настоящего слушания.

Можно предположить, что 35% времени молчания переводчика достаточны для того, чтобы осуществить прием и осмысление речи оратора. Это предположение достаточно правомерно в силу того, что «уровень избыточности в различных языках, по-видимому, колеблется в каких-то очень небольших пределах, так что можно говорить об уровне избыточности в 60—70% как универсальном свойстве языка вообще...» (О. С. Ахманова и др. «О точных методах исследования языка». М., МГУ, 1961, с. 134), и что, следовательно, информативная нагрузка приходится на 35% символов речевого сообщения. Таким образом, если 35% времени звучания оратора, приходящиеся на паузу переводчика, соотносить с 35% информативно ценной части сообщения, то можно сказать, что времени паузы достаточно для того, чтобы понять смысл сообщения и переводить как бы авто-

* Г. В. Чернов. Экспериментальная проверка одной модели. «Тетради переводчика», № 8, М., «Международ. отнош.», 1971.

** И. А. Зиньяя, Г. В. Чернов. К вопросу о роли вероятностного прогнозирования в процессе синхронного перевода, с. 111.

*** И. А. Зиньяя, Г. В. Чернов. Вероятностное прогнозирование в процессе синхронного перевода.

матически без прослушивания избыточных отрезков речи. Это допущение правомерно, конечно, в том случае, если паузы переводчика приходится на наиболее информативные отрезки сообщения, такие, как начало слов, начало суффиксов в слове и т. д.

Но ведь 35% — это в нашем эксперименте верхний предел разброса значения паузации, в большинстве же случаев паузы составляли 20-22% при нижнем пределе в 18%. Ясно, что за это время переводчик не успеет воспринять даже самое информативное, не говоря уже о полном восприятии текста. А данные анализа свидетельствуют о том, что и в случае минимальной паузации может осуществляться полный перевод.

Этот вывод может означать только то, что процесс слушания совпадает по времени с процессом говорения. Косвенным свидетельством одновременности этих процессов является также и то, что переводчик передает смысл высказывания оратора, которое по времени звучания в нашем эксперименте в 70% случаев совпадало со звучанием самого переводчика с большим или меньшим отстоянием во времени... Следовательно, если смысл высказывания оратора был понят переводчиком во время его собственного говорения, то процессы слушания и говорения в условиях синхронного перевода могут протекать одновременно». (с. 112-113)

Анализ двухканальной записи речи оратора и перевода проводился и по второй методике: на основании анализа графиков синфазности перевода.* Анализу был подвергнут перевод дискуссии в Первом комитете Генеральной Ассамблеи ООН** в исполнении одного переводчика — несколько отрезков общей продолжительностью около 13 мин., которые составляют до 40% общего времени имеющейся магнитной записи. Полученные данные принципиально не расходятся с данными, полученными в эксперименте (см. таблицу 1).

Анализ полноты смысловой передачи в данном переводе, а также его стилистического соответствия оригиналу показал очень высокое качество перевода. Полученные данные показывают, что время совпадающего звучания двух источников (оратора и переводчика) составляет в среднем 50% при крайних значениях от 30% до 66%. 29% всей звучащей записи падает на речь переводчика, идущую на паузе в речи оратора. Наиболее интересной в свете предшествующего анализа является средняя цифра совпа-

* Методика изготовления графиков синфазности подробно описана в статье: Г. В. Чернов, А. Е. Гуревич, С. А. Луканина, Ю. П. Старостина, А. В. Усова, Г. В. Филатова. Методика темпорального анализа синхронного перевода на специальной лабораторной установке. В сб.: «Иностранные языки в высшей школе», вып. 9, М., «Высшая школа», 1974.

** Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, двадцать пятая сессия, Первый комитет, 1797-е заседание, 14 декабря 1970 года. Автор приносит глубокую благодарность Г. П. Мейксинсу, бывшему начальнику Секции устных переводов Секретариата ООН, благодаря любезности которого были получены двухканальные магнитные записи устных переводов параллельно с оригиналами.

Таблица соотношения параметров синхронного перевода
(перевод на Генеральной Ассамблее ООН)

Номер отрезка	Продолжительность отрезка и его фаз в мсек. и в % к сумме Р/Р+Р/П+П/Р				
	Р/Р	Р/П	П/Р	= 100%	П/П
1	30000 54%	3860 7%	21420 39%	55280	3200
2	25200 47%	7340 14%	20740 39%	53280	4700
3	21200 45%	10820 23%	15200 32%	47220	7740
4	21700 41%	8180 16%	22160 43%	52040	6460
5	27840 53%	7980 15%	16640 32%	52460	5380
7	17900 43%	14300 34%	9500 23%	41700	10620
8	15780 30%	18200 34%	19260 36%	53240	7980
9	22400 44%	11020 22%	17520 34%	50940	2080
10	27160 54%	9920 19%	13580 27%	50660	8060
13	33920 62%	12240 22%	8580 16%	54740	3440
14	29180 51%	16820 29%	11260 20%	57260	2560
15	26060 47%	12400 22%	17260 31%	55720	6720
16	34500 64%	9700 18%	10040 18%	54240	7840
17	14680 66%	3740 17%	3760 17%	22180	1100
Сумма	347520	146520	206920	700960	77880
Средн. %	50%	21%	29%		10% от общего времени записи

**Скорректированная таблица
соотношения параметров синхронного
перевода**

Номер отрезка	Р/Р	Р/П
1	30000 89%	3860 11%
2	25200 77%	7340 23%
3	21200 66%	10820 34%
4	21700 73%	8180 27%
5	27840 78%	7980 22%
7	17900 56%	14300 44%
8	15780 46%	18200 54%
9	22400 67%	11020 33%
10	27160 73%	9920 27%
13	33920 73%	12240 27%
14	29180 63%	16820 37%
15	26060 68%	12400 32%
16*	34500 78%	9700 22%
17	14680 80%	3740 20%
Средн.	70,5%	29,5%

Примечания: 1. Общая продолжительность анализируемых отрезков записи составила 778840 мсек. \approx 780000 мсек. или 13 мин., что составляет около 40% общего времени имеющейся в нашем распоряжении записи дискуссии на Генеральной Асамблее ООН и ее перевода.

2. Р/Р — речь оратора на речь переводчика. Р/П — речь оратора на паузу переводчика и т. п.

дающего времени «речь оратора — пауза переводчика» в 21% при крайних значениях от 7% до 34%. Особенно интересно полное совпадение как средней цифры, так и верхнего предела в 34% (ср. 35% для верхнего предела этого параметра, полученные в эксперименте). Из подсчета при этом исключалось время совпадающих пауз в речи оратора и переводчика, составившее 10% от времени прохождения ленты.

Имея в виду непосредственную задачу анализа, а именно выяснение синхронности процессов слушания и говорения переводчика при синхронном переводе, еще больший интерес представляет следующий анализ. Если из подсчетов исключить время чистой паузы оратора, во время которой, естественно, переводчик ничего не воспринимает, и оставить в анализе только время чистого звучания речи оратора, то есть то время, когда переводчик может реально слушать и воспринимать текст, приняв его за 100%, то мы получим следующие данные (см. таблицу 2).

В этой таблице мы получаем две цифры: 70,5% — среднюю цифру совпадающего слушания и говорения (Р/Р), или точнее — объективно совпадающего

звучания речи оратора и речи переводчика — при крайних пределах от 46% до 89%; и цифру в 29,5% от времени чистого звучания оратора, которые приходятся на паузы в речи переводчика на фоне речи оратора (Р/П), при крайних пределах от 11% до 54%. Именно это время и можно рассматривать как время, когда переводчик может воспринимать речь оратора без помехи, если по мысли З. А. Кочкиной «проговаривание своего текста» рассматривать как помеху для восприятия речи оратора. Сделав такое допущение, попробуем провести следующее рассуждение.

Как свидетельствуют данные психологии речи,* которыми успешно пользуются связисты, речь может сохранять разборчивость «при некоторых условиях», даже когда голос говорящего «выключен более, чем на половину»** общего времени его звучания. Нельзя ли считать, поскольку рассматриваемая нами «помеха» (фаза Р/Р) разбита на небольшие речевые отрезки и поскольку рассматриваемая цифра в 70,5% распределяется по всей речи в виде мелких [отрезков, что речь оратора должна сохранять разборчивость для переводчика в силу достаточности «того числа различительных признаков, которые сохраняются в краткие промежутки звучания речи»?***

По экспериментальным данным Миллера и Ликлайдера,**** разборчивость речи зависит от частоты прерываний в секунду. Рассмотрим случай, когда слушающий получает 50% речи, как вариант, наиболее близкий к полученной нами средней цифре в 29,5%, учитывая также крайнее значение в 54%. В соответствии с приводимым Миллером графиком***** в этом случае разборчивость речи сохраняется на уровне 80-90% при частоте прерываний ее от 10 до 100 в секунду. При числе перерывов (пауз), меньших 10, скажем, при трех в секунду, разборчивость падает до 60%; при одном в секунду — до 40%. Исходя из этих данных, мы должны были бы предположить, что воспринимаемые переводчиком от 30% до 50% речи оратора должны перебиваться паузами с большой частотой для того, чтобы могла быть воспринята вся речь в целом. Еще раз напомним, что 70,5% чистого времени звучания оратора, которое приходится на говорение переводчика или осуществляется одновременно с речью переводчика, мы рассматриваем, исходя из нашего предположения о правильности гипотезы З. А. Кочкиной, как помеху. Напомним также известный уже нам факт о полном высококачественном переводе всей речи в целом. Чтобы удовлетворить требованию, необходимому для восприятия речи при ее перерывах, экспериментально установленному американскими психологами, общую продолжительность анализируемого звучащего отрезка речи оратора в 500 000 мсек. разделим на две части: 70,5%, округленно составляющих 353 500 мсек. («помеха»), и 29,5%, составляющих округленно 146 500 мсек.

* G. A. Miller. Language and Communication. N. Y., 1963.

** Op. cit., p. 70.

*** Op. cit., p. 70.

**** Op. cit., pp. 70—71.

***** Op. cit., p. 71.

(«полезный сигнал»). Чтобы обеспечить полное восприятие текста, 29,5% речи оратора (Р/П) должны прерываться «помехой» с частотой прерывания не менее 10 раз в сек.

При соотношении между «полезным сигналом» и «помехой» в 146 500 мсек. к 353 500 мсек. каждая из 500 сек. должна быть поделена на отрезки в пропорции (100 мсек. («полезный сигнал», в нашем случае — Р/П) + 240 мсек. («помеха», или Р/Р) + 100 мсек. + 240 мсек. + 100 мсек. + 220 мсек. = 1000 мсек. = 1 сек.) (3 перерыва) или (150 мсек. + 120 мсек. + 50 мсек. + 120 мсек. + 50 мсек. + 120 мсек. + 50 мсек. + 120 мсек. + 50 мсек. + 110 мсек. + 50 мсек. + 110 мсек. = 1000 мсек. = 1 сек.) (6 перерывов) или (25 мсек. + 60 мсек. + 25 мсек. + 60 мсек. ... + 25 мсек. + 55 мсек. + 25 мсек. + 55 мсек. + ... + 25 мсек. + 55 мсек.) (12 перерывов — число перерывов, ближайшее к минимально допустимой Миллером и Ликлайдером цифре в 10 перерывов). Только в этом случае, по Миллеру и Ликлайдеру, будет обеспечено восприятие речи на 80%, конечно, при допущении правильности гипотезы З. А. Кочкиной, так как данные Миллера и Ликлайдера относятся к восприятию серий односложных слов. При этих условиях, минимально необходимых для получения полного перевода (на 80-90%), мы должны были бы получить в нашем тексте около 6000 отрезков «полезного сигнала» (Р/П) по 25 мсек. и столько же отрезков «помехи» (Р/Р) по 60 и 55 мсек.

Фактически в нашем материале имеется их в 25 раз меньше — 220 сегментов, на которые делится «полезный сигнал» (Р/П) общей длительностью в 146 500 мсек. Что касается отрезков Р/Р — «помех», то есть отрезков, когда согласно нашему предположению не осуществляется никакого восприятия, то их 350. Даже если мы утроим эту цифру, учитывая, что в реальной анализируемой речи-переводе имеются еще отрезки совпадающих пауз у переводчика и оратора, а также отрезки, когда на паузу оратора приходится речь переводчика, то и в этом случае мы получим всего лишь 1050 возможных отрезков-помех вместо 6000, которые нам были нужны, чтобы удовлетворить поставленным условиям. В этом случае картина прерывания речи в среднем получается следующая: 666 мсек. («полезный сигнал») прерывается отрезком «помехи» в 603 мсек., затем снова следует отрезок «полезного сигнала» в 666 мсек. и т. д. Другими словами, мы получаем перерыв один раз в сек., что по Миллеру и Ликлайдеру соответствует правильному восприятию лишь 40% текста оригинала.

До сих пор в нашем рассуждении мы, однако, исходили из того, что все отрезки, на которые мы делим речь, являются равными в пределах каждого типа (Р/Р и Р/П). Фактически картина совершенно иная, доводящая наше предположение до абсурда. На самом деле полезный сигнал делится на 220 кусков или отрезков, которые по времени звучания распределяются следующим образом: 132 отрезка общей длительностью в 46 080 мсек. или 31% от общего времени Р/П представляют собой отрезки длительностью звучания до 600 мсек., а 88 отрезков — это отрезки, большие 600 мсек. Таким образом,

при Р/П, составляющем 146 500 мсек., в среднем мы получаем лишь 132 отрезка средней длительностью в 344 мсек.: ($\frac{146500 \times 31}{100}$: 132). Фактически мы имеем лишь 9 отрезков продолжительностью менее 100 мсек., которые распределяются следующим образом.

Таблица 3

Пауза	20 мсек.	40 мсек.	60 мсек.	80 мсек.	Итого число отрезков
Число отрезков	1	3	1	4	9

Общий вывод, к которому приходят Миллер и Ликлайдер, следующий: «Когда речь слышна 75% времени и не слышна 25%, частота прерывания не оказывает сколько-нибудь заметного влияния, разборчивость не снижается заметно. Однако, когда речь слышна только $\frac{1}{8}$ часть времени, разборчивость является плохой до тех пор, пока частота прерываний не достигнет нескольких тысяч в секунду (разрядка моя. — Г. Ч.).*»

Напомним, что в нашем материале «речь слышна» (Р/П) в 30% времени, или $\frac{2,4}{8}$ ($= \frac{1}{8} \times 2,4$) времени, — величина вполне сопоставимая с величиной, упоминаемой Дж. Миллером.

Рассмотрим теперь вопрос об информативности или неинформативности тех отрезков речи, которые получает переводчик, вновь исходя из предположения о том, что говорение служит помехой для восприятия речи оратора.

В проанализированной части текста общее число отрезков типа Р/П составляет 220, их общая продолжительность — 146 520 мсек. Эти отрезки распределяются по длительности следующим образом.

Таблица 4

Распределение речевых отрезков типа Р/П по длительности

от 1 до 3 слогов (до 600 мсек.)		4 слога		5 и более слогов	
Число отрезков	% от 220	Число отрезков	% от 220	Число отрезков	% от 220
132	60%	20	9%	68	31%
Общая длительность в мсек.	% от 146520 мсек. (=100%)	Общая длит. в мсек.	% от 146520 мсек. (=100%)	Общая длит. в мсек.	% от 146520 мсек. (=100%)
46080	31%	14460	10%	85980	59%

* G. A. Miller. Op. cit., p. 71.

Классификация данных отрезков по числу слогов исходит из того, что отрезки продолжительностью до 3 слогов, то есть до 600 мсек., должны представлять собою часть слова. Отрезки длительностью свыше 5 слогов не могут представлять собою часть слова. Это либо целое слово, либо больше слова — два слова или целая фраза. Отдельно выделены отрезки длительностью в 4 слога, которые могут представлять собою в некоторых случаях часть слова. Для того чтобы рассмотреть более внимательно, что представляют собою 132 отрезка (P/П), по длительности составляющие 31% от общей длительности звучания этой части текста, приведем два примера.

Первый пример представляет собой параллельный транскрипт тех частей, которые получает переводчик в отрезках типа P/П с транскриптом (стенограммой) текста перевода. Для примера выбраны отрывки 3 и 4, в которых процентное отношение отрезков типа P/П, то есть интересующего нас типа, близко к среднему, составляя соответственно 34% и 27%. Номера, предшествующие отрезку текста в транскрипте, представляют собою номер речевого сегмента, автоматически выделенный с помощью специальной лабораторной установки. По ряду соображений текст транскрибировался без знаков препинания. В параллельном тексте перевода номера отрезков выпущены. Отрезки отделяются друг от друга двумя косыми чертами. В заключение примера дается полный транскрипт отрывков 3 и 4.

(45) let me explain further
Mister Chairman

(46) ... (47) ... (48) ... dual efforts

(49) ... (50) ... the ... the collec-

tive efforts (51) of the UN Sec...

(52) ... (53) ... the manner in

which (54) Security ... tion two

two seven (55) on the Middle East

question (56) was ... (57) ... (58)...

by practically the-e (59) ... (60)...

(61) ... (62) ... (63) ... (64) ...

iative taken (65) ... (66) ... SSR

(67) in conform ... (68) ... (69) ...

ing at Tashkent (70) ... (71) ...

(71a) ... (72) an (73) resulted

in ... (74) ... remains a land

(75) ... (76) ... (77) ... (78) ...

(79) ... (80) ... (81) ... [-z] (82) ...

[-geiʃn] ...

(83) ... (84) ... the Sec ... ty

Council (85) to int- intensify

(85a) ...

(86) ... (87) ... [-z] (88) where

they are most critically affected

//я хотел бы далее объяснить
господин Председатель намере-
ния моей делегации//когда мы
говорим о коллективных и//ин-
дивидуальных усилиях//наибо-
лее яркий пример коллективных
действий со стороны Совета Бе-
зопасности включая постоян-
ных и непостоянных его членов//
это//осуществление проекта//
принятие//резолуции двести
двадцать семь Совета Безо-
пасности по Ближнему Востоку//
в дальнейшем она была// под-
держана практически подавляю-
щим большинством членов Ор-
ганизации//что касается инди-
видуальных мер то мы до сих
пор//с благодарностью вспоми-
наем об инициативе//принятой//
правительством Советского Со-
юза в соответствии с Уставом
нашей Организации//для того
чтобы добиться созыва в Таш-

(89) ... (90) ... (91) entertains
some hope (92) ...

кенте встречи между руководи-
телями//Индии и Пакистана//эта
встреча//стала//итогом Ташкент-
ской декларации которая до
сих пор является//исторической
вехой в области мирного урегу-
лирования конфликтов между
членами Организации Объеди-
ненных Наций//господин Пред-
седатель таковы//те меры кото-
рые имела в виду моя делега-
ция//и//мы//мы//призываем чле-
нов Совета Безопасности акти-
визировать усилия//по поддер-
жанию международного мира и
безопасности особенно в тех об-
ластях где они затрагиваются
самым серьезным образом//моя
делегация господин Председа-
тель надеется//на//то что...

Полный транскрипт оригинала:

(45) let me explain further Mister Chairman (46) what my delega-
tion has in mind (47) when we refer to collective (48) and individual
efforts (49) ... (50) the prime example of the collective efforts (51) of
the UN Security Council (52) comprising both permanent and non-
permanent members (53) is the manner in which (54) Security Council
resolution 227 (55) on the Middle East question (56) was adopted (57)
and subsequently endorsed (58) by practically the (59) practically by
the entire membership (60) of the United Nations (61) as for individu-
al efforts (62) we still recall (63) with great admiration (64) the ini-
tiative taken (65) by the Government (66) of the USSR (67) in conform-
ity with the Charter (68) in bringing about (69) the meeting at Tash-
kent (70) between the leaders (71) of the Governments of India (71a)
and Pakistan (72) that meeting (73) resulted in the Tashkent declara-
tion (74) which still remains a landmark (75) in the history of peace-
ful (76) resolution of disputes (77) between state members (78) of the
United Nations (79) Mister Chairman (80) these (81) are the measures
(82) that my delegation envisage (83) and we owe it to ourselves (84)
to urge the Security Council (85) to intensify (85a) their efforts
(86) to promote peace (87) and security in areas (88) where they are
most critically affected (89) Mister Chairman (90) my delegation
(91) entertains some hope (92) that

В виде второго примера приводится параллельный транскрипт
отрывка № 8.

(162) ... and all those who (163)...
 [-ɪd] with him (164) ... [ˈ-u:siɪd]
 (165) the draft the [d-] ... (166)
 but what [rez-] ... (167) ... perfect
 (168) ... understand the (169)
 reasons that drove [təsʌbm-] ...
 (170) with- e (171) his permission
 I may (172) [p-] (173) ...
 [ˈeɪkəriˈmɑ:-] (174) ... [-ð] regard
 to [h-] ... (175) ... amend ...
 (176) ... will ... (177) e- the
 amend- ment (178) to conform
 with the realities of situations in
 any given [ˈri:-] ... (179) ... [əns]
 (180) ... (181) permanent Mem-
 bers (182) of the Security Council
 play in questions (183) [əvˈpi:-]...

//мы должны поблагодарить его//
 и всех тех//кто сотрудничали с
 ним//в разработке этого текста//
 проект не является совершен-
 ным//но есть ли вообще совер-
 шенные резолюции//я могу по-
 нять//причины которые побуди-
 ли коллегу из Таиланда предста-
 вить поправку//и с его позволе-
 ния//я//хотел бы// высказать
 замечание//в отношении его
 поправки// которое приведет
 поправку//чтоб пр//привести
 поправку в соответствие с реаль-
 ностью положения в любом дан-
 ном районе//разумеется все мы
 придаем огромное значение//ро-
 ли//которую играют постоянные
 члены Совета Безопасности в
 вопросах мира и безопасности//

Примечание. В отрывке № 8 процент текста типа Р/П составляет отме-
 ченный максимум — 54%.

Полный транскрипт оригинала:

(162) we must thank him and all those who (163) cooperated with
 him (164) in producing this text (165) the draft the draft is not perfect
 (166) but what resolution (167) is indeed perfect (168) I can understand
 the (169) reasons that drove our colleague from Thailand to submit
 his amendment (170) and-e with-e (171) his permission I may (172)
 perhaps (173) make a remark (174) with regard to his (175) e-amendment
 (176) which will bring (177) e-the amendment (178) to conform with
 eh realitjes of situations in any given region (179) of course we all
 attach great importance (180) to the role that the (181) permanent
 members (182) of the Security Council play in questions (183) of peace
 and security

Безусловно воспринимаемые переводчиком отрезки речи ориги-
 нала можно разделить на три категории, которые будут соответст-
 вовать, грубо говоря, трем категориям, приводимым в таблице 4.

Во-первых, это 68 отрезков длительностью в 5 слогов и выше. В
 основном, хотя и не полностью, они попадают в категорию отрезков
 предложения, содержащих предикацию (например, ...where they are
 most critically affected... ... entertains some hope understands
 the reasons that drove permanent members of the Security Coun-
 cil play in questions of... ... with his permission I may...).

Во-вторых, это переходная категория длительностью в 4 слога, в которую попадают, в основном, отдельные многосложные слова или односложные слова в окружении служебных частей речи. Например, *by practically the... at Tashkent... resulted in... but what... perfect... [-d] regard to... the draft the... .*

В-третьих, это 132 отрезка длительностью до 3 слогов (до 600 мсек.). Сюда попадают отдельные служебные слова и части слов, которые можно разбить примерно пополам на два вида: начало полнозначного многосложного слова, суффиксы и флексии. Известно, что начало полнозначного слова наиболее информативно, тогда как суффикс и флексия, при отсутствии информации об основном значении слова, воспринимаемые вне вербального контекста, практически не несут никакой полезной информации.*

Таким образом, информативными оказываются только первая категория — фразы, содержащие предикацию, и в меньшей мере отдельные полные слова и начала полнозначных слов. Грамматическая информация, передаваемая отдельными служебными частями речи (союзы, предлоги, служебные глаголы), а также суффиксами и флексиями, оказывается совершенно недостаточной вне вербального контекста.

Полученный материал, однако, не позволяет сделать вывод о наличии какой-либо закономерности в информативном содержании воспринимаемых без помех отрезков звукового потока. Кстати, наличие такой закономерности могло бы свидетельствовать только о сознательном или подсознательном выборе отрезков типа Р/П со стороны переводчика, а это должно было бы предполагать восприятие всего текста полностью, что противоречит сделанному нами допущению. Такое предположение могло бы найти отражение в том, что отрезки типа Р/П были бы одними и теми же для различных переводчиков. На самом деле этого не происходит. Приводимый ниже материал опровергает и это допущение.

Для анализа был взят специально изготовленный график синфазности,** на котором были поставлены в соответствии с сохранением временных соотношений оригинал — речь оратора, предложенная для синхронного перевода в эксперименте нескольким переводчикам, и три перевода, выполненные разными переводчиками. Анализировался отрезок длительностью в 116 сек. При приведении полученных результатов к форме таблицы 2 оказалось, что отрезки типа Р/П для переводчиков № 2, 9 и 11 составили соответственно 43%, 23% и 42%. При этом по общему графику синфазности были выявлены отрезки типа Р/П, о б щ и е для всех трех переводчиков. Они составили в с е г о л и ш ь 6% от общей продолжительности звучания речи оригинала. В этих отрезках, так же как и в предыдущем материале, не обнаруживается какой-либо закономерности, кроме того, что

* Р. Г. П и о т р о в с к и й. Информационные измерения языка. Л., «Наука», 1968; его же. Текст, машина, человек. Л., «Наука», 1975.

** См. сноску* к с. 25.

максимальная длительность такого отрезка составляет всего лишь 4 слога (2 случая), в остальном это один или два слога (отдельные односложные слова, предлоги, артикли, союзы, местоимения, суффиксы и флексии). Приводим полученный материал — отрезки типа Р/П, общие для трех переводчиков, в сопоставлении с соответствующим полным текстом оригинала.

(2) Mister ...
 (3) ... [-ɪt] ...
 (4) ... (5) ...
 (6) on the problem
 (7) ...
 (8) ... [-lɪz]
 the [dr'vələp-] ...
 (9) ... (10) ... (11) ...
 (12) this ...
 (13) ... (14) ... (15) ...
 (16) ... (17) ... (18) ...
 (19) ... (20) ... (21) ...
 (22) ... pledge
 (23) ... this [p-] ...
 (24) ... (25) ... (26) ...
 (27) the [mæ'fi:-] ...
 (28) ... [-ʃn-] ... [-sɪ]
 (29) ... (30) ... (31) ...
 (32) ... (33) ... (34) ... (35)
 (36) ['æ-] ...
 (37) ...
 (38) ... Secretary ...
 (39) ...
 (40) ... [-eɪd] and ...
 (41) ...
 (42) ... [-dɪd] ...
 (43) ... (44) ... (45) ...
 (46) ... of the ... (47) ...
 (48) ... face ...

(2) Mister President (3) distinguished ladies and (4) and gentlemen (5) I would like to touch (6) on the problem (7) which in many ways (8) bedevils the developing countries in Asia (9) Africa and Latin America (10) since the adoption of the resolution (11) on the Development Decade (12) this Assembly (13) has increasingly turned its attention (14) to the great problem (15) of disparity between the standards of living (16) of the developing (17) and the developed countries (18) the turning point came (19) in nineteen sixty four (20) when at the first session of the UN Conference on Trade and Development (21) the international community (22) took a pledge (23) to tackle this problem (24) in a systematic (25) and concerted manner (26) and gave to itself (27) the machinery and the framework (28) of a dynamic international policy (29) for achieving this purpose (30) the United Nations Conference (31) on Trade and Development (32) has completed (33) two years of existence (34) the (35) progress in the implementation of the recommendations adopted (36) at the first session of the Conference (37) has been disappointing (38) the annual report of the Secretary General (39) of UNCTAD (40) to the Trade and Development Board (41) which (42) has just concluded its session in Geneva (43) shows that (44) the developed countries lack the will (45) to implement the recommendations (46) of the first UNCTAD (47) the crisis of rising expectations (48) in the face of diminishing will...

Сопоставление воспринимаемых переводчиком без помех отрезков текста оригинала типа Р/П с полученным переводом свидетельствует о том, что информация, содержащаяся в части текста Р/П, сама по себе совершенно не достаточна для осуществления полного перевода, а перевод все-таки происходит. Эти материалы с очевидностью опровергают мысль З. А. Кочкиной о «фиктивности одновременности» процессов синхронного перевода. Для сравнения с полученными нами данными о «синхронности» СП будет интересно привести две таблицы, составленные нами по данным о временных параметрах СП, приводимых А. Ш. Бариком.

Таблица 5

**Соотношение временных параметров речи оратора и переводчика
(по данным А. Ш. Барика)**

I. Англо-французская комбинация

Характер оригинала	Общая продолжительность речи оратора в сек.	Р/Р	Р/П
Перевод речи оратора	122,3	72,9 сек. 60%	49,4 сек. 40%
Перевод письменного текста, начитанного диктором	148,8	103,7 70%	45,1 30%
Перевод лекции	145,2	101,1 70%	44,1 30%
Среднее		67%	33%
<i>II. Французско-английская комбинация</i>			
Перевод речи оратора	144	94 65%	50 35%
Перевод письменного текста, начитанного диктором	145,6	107,9 74%	37,7 26%
Перевод лекции	155,5	108,9 70%	46,6 30%
Среднее		70%	30%

Примечание. Из данных Барика использованы сведения, касающиеся только профессиональных переводчиков-синхронистов.

Данные Барика (67% и 33% для англо-французской комбинации и 70% и 30%, соответственно, для французско-английской комбинации) весьма близки к полученным нами данным.

Аналогичные данные приводит и Гервер (1975): «В эксперименте при изучении влияния шума в условиях хорошей слышимости некоторые из испытуемых правильно передали свыше 85 % текста исходного языка, хотя при этом на протяжении свыше 75 % общего времени записи они одновременно слушали и говорили.

Проведенный на ЭВМ анализ (применялся критерий паузы в 250 мсек.) произнесенных на конференциях 14 речей продолжительностью от 5 до 20 мин. в переводе шести разных синхронистов с французского на английский язык показал, что в среднем они говорили и слушали одновременно в 65 % общего времени».*

К тому же категорическому выводу: «Синхронный перевод является действительно синхронным: наибольшую часть своего текста (79,3% в среднем для обработанного нами материала) переводчик проговаривает во время говорения оратора», — приходит и Ширяев в работе 1971 г.** , хотя позднее*** он и начинает говорить об использовании переводчиком «микропауз» для слушания речи оратора.****

Как уже упоминалось, Голдман-Эйслер и Барик высказали мысль о том, что переводчик в максимальной степени стремится использовать паузы в речи оратора для проговаривания своего текста. При этом, однако, оба исследователя отнюдь не отрицали тот факт, что в ходе синхронного перевода осуществляется не только проговаривание текста перевода в паузу, но и о д н о в р е м е н н о е слушание (восприятие) текста и проговаривание перевода.

Например, в своей книге английская исследовательница Голдман-Эйслер приводит график параллельных записей оригинала и перевода, полученных автоматически с двухканальной магнитной записи на чернильном осциллографе,***** на котором демонстрируются отрезки параллельной речи источника и синхрониста. Создается впечатление, что, не будучи знакомыми с серьезными возражениями против истинной синхронности СП, они, по-видимому, считали этот факт самоочевидным и бесспорным, а о стремлении переводчика использовать паузу в речи оратора (время П/Р) говорили в контексте стратегии действий синхрониста.

* D. G e r v e r. A Psychological Approach to Simultaneous Interpretation, p. 124.

** А. Ф. Ш и р я е в. Синхронность синхронного перевода, с. 301.

*** А. Ф. Ш и р я е в. Синхронный перевод с французского языка.

**** Если принять за основу приводимую А. Ф. Ширяевым продолжительность и частотность микропауз (80—160 мсек. через 1—2, реже 3—5 слов), при гипотезе высвобождения на время длительности микропаузы речедвигательного анализатора переводчика, можно построить схему распределения отрезков речи и пауз в пересчете на секунду, аналогичную приводимой выше. Тогда получаем: (160 мсек. (Р/П)+80 мсек. (Р/Р — «помеха»)+160 мсек.+80 мсек.+160 мсек.+80 мсек.+280 мсек.) три перерыва в сек. или (300 мсек.+160 мсек.+80 мсек.+160 мсек.) два перерыва в сек. при примерно 50% «прохождения» текста, что по Миллеру и Ликлайдеру соответствует уровню разборчивости всего лишь в 50—55% случаев.

***** F. G o l d m a n - E i s l e r. Psycholinguistics: Experiments in Spontaneous Speech, p. 145.

Полученные нами в ходе анализа материалов реального профессионального СП (в условиях ООН) и экспериментальных переводов данные, а также данные, полученные другими исследователями, позволяют, как нам представляется, дать однозначный и окончательный ответ на вопрос о так называемой «синхронности» синхронного перевода.

При этом необходимо вспомнить и данные о «запаздывании», о временном сдвиге речи на ПЯ по сравнению с речью на ИЯ, обусловленном определенным временем протекания реакций в нервной (сенсорной и центральной) системе человека. Само строение человеческого мозга, физиологические процессы, протекающие в сенсорной и центральной нервной системе, время, необходимое для прохождения импульса по нейрону, время, необходимое для реакций, идущих в мембранных структурах нейронных окончаний, — исключают возможность абсолютной синхронности перевода. Перевод — это процесс, и сколь бы быстро он ни протекал, он идет во времени. Поэтому понятие синхронности перевода является относительным.

Временной сдвиг в выдаче результата перевода по сравнению с оригиналом, по данным разных исследователей, а также по нашим собственным экспериментальным данным, можно определить как величину, которая в зависимости от индивидуальной манеры работы переводчика, а также в зависимости от характера материала и от темпа речи оратора колеблется от нескольких сотен миллисекунд* до 4-5 сек. и даже более. В этом смысле синхронность СП является относительной.

Однако, говоря о синхронности, мы говорим об одновременности протекания двух видов речевой деятельности переводчика-синхрониста — слушания речи оратора и собственно говорения, т. е. «проговаривания текста перевода». Аппаратурные исследования и последующий анализ указывает на то, что эти два вида деятельности в большей части времени всего процесса перевода, во всяком случае, значительно выше 50%, осуществляются действительно синхронно. В этом смысле понятие «синхронности» является понятием абсолютным.

Факты, получаемые при анализе на различной аппаратуре (анализ двухканальных параллельных записей оригинала и перевода проводился на осциллографических кривых, полученных с помощью приспособления многоканального кардиографа, — А. Ф. Ширяевым; на сопоставлении временных параметров речевых сигналов оригинала и перевода, конвертированных на генераторе звука специально

* Б. А. Бенедиктов в качестве времени «реакции» синхрониста на речевой «стимул» — слово, словосочетание и предложение оригинала, что, по-видимому, можно приравнять к временному сдвигу в СП в экстремальных условиях (высокий темп чтения оригинала) — приводит цифры от 520 до 1360 мсек. при «перевод» с русского на немецкий и французский языки и от 660 до 1420 мсек. — в обратном направлении. (См.: Б. А. Бенедиктов. Психология овладения иностранным языком, с. 223)

обученным оператором в тон определенной частоты, с последующим анализом на ЭВМ—А. Ш. Бариком; на осциллографических кривых, отражающих параллельную запись речевого сигнала двух источников, — И. А. Зимней и Г. В. Черновым; и, наконец, на графиках синфазности, изготовленных по данным временных параметров речевого сигнала оратора и переводчика, полученных автоматически на специальной лабораторной установке — Г. В. Черновым), показывают, что, во-первых, значительная часть речи оригинала воспринимается переводчиком на фоне собственного говорения (Р/Р). Она составляет по разным данным в среднем от 60% до 70%, достигая крайних пределов в 87%. Во-вторых, оставшаяся часть речи оратора (Р/П), воспринимаемая «без помехи», не удовлетворяет условию регулярного распределения по информативным частям речевого сигнала оригинального выступления, что можно было бы теоретически предполагать, исходя из данных о языковой избыточности в 60-70%.

Но тогда возникает вопрос о том механизме, который способен обеспечить одновременность слушания и говорения в синхронном переводе, и, следовательно, делает возможным синхронный перевод как явление сложной речевой коммуникативной деятельности.

Глава 4. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ МОДЕЛИ И ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Дэвид Гервер, пришедший к тем же выводам об одновременности слушания и говорения, задает естественный вопрос: как же в таком случае «все это может получаться»? Отвечая на вопрос «как», он предлагает психологическую модель механизма синхронного перевода.*

Основываясь на модели восприятия речи Халле и Стивенса,** модели «анализа через синтез»,*** Д. Гервер рассматривает в своей модели проблемы памяти и ее видов, включающихся при осуществлении синхронного перевода, проблемы распределения внимания (см. выше, гл. 2) и указывает на важный, по его мнению, этап контроля за порождаемым переводчиком текстом на ПЯ. Доказательство существования этого этапа Гервер видит в наблюдаемых поправках, которые переводчик в нормальных условиях работы (хорошая слы-

* D. Gerver. A Psychological Approach to Simultaneous Interpretation.

** M. Halle, K. Stevens. Speech Recognition: a Model and a Programme for Research. The Structure of Language, Englewood Cliffs, 1964.

*** Как указывает А. А. Леонтьев, «московская психолингвистическая группа... в основном разделяет теорию «анализа через синтез». (А. А. Леонтьев (ред.). Основы теории речевой деятельности. М., «Наука», 1974, с. 180)

шимость, оптимальный темп речи, доступный для данного переводчика уровень сложности текста на ИЯ) иногда вставляет в свою речь на ПЯ.

Описывая свою модель, Гервер указывает: «Синтезировав сообщения на исходном языке..., переводчик может таким образом породить свой перевод. Правда, при этом положение более сложно, чем при наличии одного языка. Переводчику потребуются не только знать правила анализа на различных уровнях по каждому из языков, вовлеченных в этот процесс, но также и то, на каких уровнях они соответствуют друг другу. Тогда процесс перевода будет связан с непрерывным синтезом и анализом возможных переводов сообщения источника, непрерывным порождением, контролем и проверкой перевода по сравнению с исходным сообщением, как оно понимается переводчиком... Контроль и возможный пересмотр являются скорее неотъемлемой частью процесса, нежели дополнительными видами деятельности, осуществляемыми после перевода».*

В психологическом описании механизма синхронного перевода, предлагаемом Гервером, этот процесс выглядит так.**

Синхронист получает определенную порцию исходного сообщения до заполнения кратковременной «буферной» памяти (в этом случае дальнейшая порция сообщения отвергается). По мере поступления в буферную память частей сообщения, начинается их обработка по схеме: декодирование части сообщения ИЯ и переход с поверхностного на глубинный уровень,*** после чего декодированная часть сообщения поступает в промежуточную оперативную память на временное хранение; следующим шагом является перекодирование с глубинного уровня на поверхностный уровень ПЯ и вновь сохранение результата в оперативной памяти. После этого полученный результат проходит сверху на соответствие глубинного уровня ПЯ глубинному уровню ИЯ, и либо, при удовлетворительном соответствии, разрешается подача результата на выход системы, либо вновь повторяется процесс обработки данной части сообщения. В этом случае возможны переполнение буферной памяти на входе системы, отказ от получения дальнейшей порции поступающего сообщения и в результате пропуск в переводе. Для того чтобы могли осуществляться контроль и сверка результата перекодирования с глубинным уровнем ИЯ, то есть смыслом сообщения на ИЯ, вводится еще одна кратковременная буферная память на выходе системы.

Модель, довольно подробно рассматривающая различные этапы хранения поступающих и частично обработанных частей сообщения,

* D. Gerver. A Psychological Approach to Simultaneous Interpretation, p. 127.

** Описание основано на схеме процесса, приводимой в цитированной работе: D. Gerver. Op. cit., p. 124.

*** Автор модели уточняет: «Я употребляю термины «поверхностный» и «глубинный», имея в виду не конкретную лингвистическую модель, а для отличия звуков, слов и предложений, которые слышит переводчик, от его понимания их смысла». (D. Gerver. Op. cit., p. 126)

то есть различных «кладовых» памяти, в то же время не только почти полностью игнорирует этапы обработки речевой информации при ее восприятии и порождении,* но — даже говоря о контроле — и такие важные для анализа синхронного перевода чисто психологические моменты, как уровни осознаваемости контроля над отдельными операциями. Поэтому эту модель следует признать весьма «слабой» моделью, то есть моделью, не имеющей достаточной объяснительной силы. И в самом деле, эта чисто психологическая модель игнорирует многие речевые механизмы, хорошо известные современной психологии.

Например, американский психолог Т. Бевер указывает: «Если бы механизм восприятия речи мог действовать без каких-либо временных ограничений, то единственным устройством, необходимым для понимания предложений, была бы «грамматика». Одним из таких «независимых от времени» механизмов могла бы быть модель восприятия «анализ через синтез», в которой «грамматика» используется для порождения синтезируемых предложений, с которыми «сопоставляется» то, что поступает на вход. Когда порождается такое потенциальное предложение, которое соответствует имеющемуся на входе (по какому-то критерию), устройство приписывает последовательности на входе конкретную порожденную структуру. При наличии неограниченного запаса времени на выдвижение ложных догадок о том, что представляет собой последовательность на входе, такое устройство в конечном счете припишет все грамматические структуры, которые должны быть приписаны конкретной последовательности. Однако у реальных говорящих и слушающих нет неограниченных запасов времени для выдвижения неправильных предположений о структуре того, что они слышат. Признавая этот факт, различные исследователи предложили включить в модель «анализа через синтез» «устройство предварительной обработки», которое осуществляет грубую оценку последовательности на входе для того, чтобы по возможности самым эффективным образом сузить круг тех «предположений», которые выдвигает грамматика. Такое устройство предварительной обработки может (гипотетически) нацелить грамматику на предположение о структуре предложения на основании некоторых качеств, как, например, определенная длина.

Недавние исследования приводят к мысли о наличии трех основных черт процесса восприятия речи, осуществляемого в устройстве предварительной обработки: 1) первичной единицей восприятия является «предложение»**; 2) внутри каждого «предложения» пря-

* См., например: Н. И. Ж и н к и н. Механизмы речи. М., Акад. пед. наук РСФСР, 1958; е г о ж е. Внутренние коды языка и внешние коды речи. «To honour Roman Jakobson», The Hague — Paris, 1967; А. А. Л е о н т ь е в. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания; И. А. З и м н я я. Психология слушания и говорения. Автореферат докт. дисс., М., 1973; и др.

** В значении: «clause» — «элементарное» предложение, простое предложение или составная часть сложного.

мые правила проецирования приписывают основным составляющим семантические отношения между ними; 3) после обработки каждого «предложения» оно перекодируется в относительно абстрактную форму, тем самым высвобождая непосредственную память для обработки следующего «предложения».*

Такого предварительного устройства вообще не предусмотрено в модели Гервера. Игнорируются и многие другие психологические теории и данные психологии речи. Фактически все объяснение сложного процесса СП сводится к указанию на многоканальный характер обработки поступающей информации. Но главное не в этом. Главный недостаток, слабость модели заключается в том, что само устройство «декодирования и перекодирования», так же как и устройство для сравнения «смысла» отрезка ИЯ со «смыслом» («глубинной структурой») отрезка ПЯ и контроля, остаются по сути дела пустыми. Автор лишь указывает на трудность снятия многозначности фраз типа** *flying planes can be dangerous = 1) to fly planes.; 2) planes that fly..*, не предусматривая никаких процедур перекодирования поступающего сообщения.

Таким образом, кроме психологической «неполноты», слабость этой модели проявляется в полном отсутствии каких-либо лингвистических процедур. Несколько утрируя, можно было бы сказать, что данная модель с равным успехом может быть отнесена к процессу «синхронного перевода», скажем, с кода морского ручного семафора (сигнализация с помощью флажков) в код азбуки Морзе. Бессодержательность модели объясняется игнорированием факторов, относящихся к лингвистике, к языку, речи, речевой деятельности, к переводу как таковому.

Здесь мы подошли к весьма существенному моменту в определении предмета исследования. Поскольку мы имеем дело с синхронным переводом речевого сообщения, закодированного средствами языка и переводимого на другой язык, мы не можем не обращаться к лингвистике и, точнее, к лингвистической теории перевода. За последние полтора десятилетия в рамках лингвистической теории перевода было создано несколько моделей,***

* T. G. Bever. Perceptions, Thought, and Language. In: "Language Comprehension and the Acquisition of Knowledge", ed. by R. O. Freedle and John V. Carroll. V. H. Winston & Sons, Inc., 1972, p. 104.

** Кстати, Т. Бевер, ссылаясь на многочисленные эксперименты, проведенные с его участием между 1968 и 1972 гг., указывает в цитированной работе: «...время на придумывание завершения фрагмента предложения-стимула увеличивается за счет двусмысленности (разрядка моя. — Г. Ч.) фрагмента только тогда, когда фрагмент представляет собою незавершенное «предложение»... Другими словами, к моменту, когда позади осталась граница «предложения», тот факт, что (подаваемая) последовательность двусмысленна, не релевантен (разрядка моя. — Г. Ч.), поскольку решение об одном из двух смыслов уже принято». (T. G. Bever. Op. cit., p. 106)

*** См.: А. Д. Швейцер. Перевод и лингвистика. М., Воениздат, 1973, Гл. I, а также В. Н. Комиссаров. Слово о переводе. М., «Международ. отнош.», 1973; Я. И. Рецкер. Теория перевода и перевод-

в зависимости от своих особенностей в разной степени применимых к исследованию синхронного перевода; в первую очередь речь идет о дихотомии: перевод как процесс — перевод как результат процесса.*

Говоря о предмете лингвистической теории перевода, Л. С. Бархударов видит его в научном описании процесса перевода как межъязыковой трансформации или в моделировании процесса перевода.** Пожалуй, наиболее последовательно принцип моделирования в применении к языковедческим дисциплинам изложен Ю. Д. Апресяном: «Необходимость в моделировании возникает во всех тех научных областях, где объект науки недоступен непосредственному наблюдению. В таких случаях он обычно уподобляется некоему «черному ящику»..., о котором известно только, какие начальные материалы он получает «на входе» и какие конечные продукты он выдает «на выходе». Задача состоит в том, чтобы узнать содержимое «черного ящика» — тот скрытый от исследователя механизм, который осуществляет переработку исходных материалов в конечные продукты...»*** И далее: «Построение модели предполагает: 1) фиксирование фактов, требующих объяснения, 2) выдвижение гипотез для объяснения фактов, 3) реализацию гипотез в виде моделей, не только объясняющих исходные факты, но и предсказывающих новые, еще не наблюдавшиеся факты, 4) экспериментальную проверку модели.

Все начинается с опыта, и все кончается им, и если между предсказаниями и фактическим положением вещей имеется расхождение, то, в зависимости от того, насколько оно велико, модель уточняется, перестраивается или отвергается вовсе, и тогда надо все начинать сначала...»****

Разрабатывая модель синхронного перевода, нельзя не помнить, что синхронный перевод в его естественном виде сам по себе представляет процесс,* некоторые стороны которого получают материальное воплощение в виде наблюдаемого речевого (акустического) ряда, развивающегося во времени. В то же время осуществление СП в устной форме приводит к тому, что в норме продукт синхронного перевода идеален, будучи воплощенным в некоторый смысл сообщения, воспринятый аудиторией.*****

ческая практика. М., «Междунар. отнош.», 1974; Л. С. Бархударов. Язык и перевод.

* Л. С. Бархударов. Указ. соч., с. 6.

** Там же, с. 6.

*** Ю. Д. Апресян. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М., «Просвещение», 1966, с. 78.

**** Там же, с. 98—99.

***** Конечно, современная техника позволяет осуществить магнитную запись как речи оратора, так и полученного перевода — продукта деятельности синхрониста. Далее существует возможность транскрипции магнитной записи — получения письменного текста. При исследовании СП так и делается, но при этом всегда следует помнить, что значительная часть характеристик, присущих собственно СП, утрачивается, в том числе фонотактические и просодические характеристики речи на ИЯ и ПЯ — интонация и ритм,

Из сказанного ясно, что к исследованию СП прежде всего применимы модели перевода, подходящие к переводу как к процессу.

В рамках моделей этого класса выработан ряд понятий, которые по широте их применимости к различным видам и типам перевода, по-видимому, могут быть отнесены к своего рода «переводческим универсалиям». К ним относятся понятия инварианта, эквивалентности,* необходимости макролингвистического подхода к исследованию процесса перевода, рассмотрения текстов как речевых произведений—в отличие от языковой системы,** принципиальной переводимости, множественности порождения текстов при переводе при наличии селекторов в виде функциональных доминант речевого произведения,*** подхода к переводу как коммуникативному акту и другие.

Именно наличие таких «универсалий», применимых ко всем видам перевода, делает необходимым обращение к лингвистической теории перевода при исследовании синхронного перевода.****

Рассмотрим вопрос о том, какие направления лингвистической теории перевода наиболее плодотворны при исследовании СП. Характеристики синхронного перевода подсказывают ответ на этот вопрос: очевидно, наибольшее богатство идей, применимых к исследованию СП, следует черпать в тех моделях и теориях перевода, которые подходят к переводу как к процессу. Пожалуй, первыми подошли к переводу как к процедуре преобразования текстов на одном языке в тексты на другом языке лингвисты, работавшие в школе машинного перевода. Сюда следует отнести прежде всего работу И. И. Ревзина и В. Ю. Розенцвейга «Основы общего и ма-

играющие в синхронном переводе первостепенную роль. Например, в случае двусмысленных предложений, приводимом Д. Гервером: *J'ai trouvé ce fruit délicieux*=(1) I found that delicious fruit. (2) I found that that fruit tasted delicious, — ритмико-интонационные характеристики снимают двусмысленность: *J'ai trouvé/ce fruit délicieux*, но *J'ai trouvé ce fruit/délicieux*. (D. G e r v e r. A Psychological Approach to Simultaneous Interpretation, p. 126)

* Следует заметить, что эти понятия фактически заменили собой более раннюю «универсалию» — понятие адекватности. Как указывает М. Я. Цвиллинг, «... принятые определения этого понятия (адекватности. — Г. Ч.)... не отличаются строгостью, вследствие чего установление степени адекватности реальных переводов на их основе не осуществимо... В реальной жизни проверка перевода на адекватность осуществляется прагматически, то есть в процессе совместной деятельности людей, языковое общение которых опосредовано переводом. Эффективность этой деятельности и есть подтверждение адекватности перевода». (М. Я. Ц в и л л и н г. О возможности прагматического (социально-психологического) подхода к проблеме адекватности. В сб.: «Вопросы теории и методики преподавания перевода». Тезисы Всесоюзной конференции, ч. II, М., 1970, с. 126)

** Л. С. Бархударов. Язык и перевод.

*** А. Д. Швейцер. Перевод и лингвистика.

**** Конечно, это отнюдь не исключает обращения исследователя СП непосредственно к лингвистике, к ее данным и ее теоретическим положениям, как это делает лингвистическая теория перевода.

шинного перевода»*. В рамках этой школы родилось много идей и направлений, имеющих большое значение для исследования СП, особенно модели семантического анализа и семантического синтеза. С другой стороны, этот подход, совершенно правильный в применении к автоматической обработке текстов и машинному переводу, оказывается чересчур формализованным и замкнутым в рамках так называемой микролингвистики. Например, уже авторы книги «Основы общего и машинного перевода» объявили интерпретацией в отличие от перевода любое обращение к действительности, без чего, как мы увидим дальше, отнюдь не всегда возможен синхронный перевод.

Моделирование процессов анализа и синтеза текста, особенно их синтаксической и семантической стороны — вот то рациональное зерно этой школы, которое нельзя не учитывать при разработке теории синхронного перевода.

Ценные идеи для исследования СП содержатся в ряде более поздних моделей перевода и прежде всего в динамической модели, разрабатываемой А. Д. Швейцером.** В его трудах, учитывающих также работы Ю. Найды и О. Каде, отражается уже вся широта круга факторов, релевантных для процесса перевода, выходящих за рамки «микролингвистических» проблем и затрагивающих области социологии и психолингвистики.

Итак, современная теория перевода все чаще и чаще обращается к рассмотрению перевода как процесса преобразования текста на ИЯ в текст на ПЯ,*** к изучению того, «как... в действительности протекает процесс перевода»****. Автор динамической модели перевода А. Д. Швейцер указывает: «В какой-то мере этот процесс характеризуется теми же закономерностями, что и речевая деятельность вообще»*****. Поскольку речевая деятельность есть «реализация взаимодействия людей в процессе вербального общения»*****, а в процесс перевода вовлекаются два языка и речевое общение опосредуется участием переводчика, всякий перевод можно определить как двуязычную коммуникативную деятельность.*****

* И. И. Ревзин, В. Ю. Розенцвейг. Основы общего и машинного перевода.

** А. Д. Швейцер. К проблеме лингвистического изучения процесса перевода. «Вопросы языкознания», № 4, 1970, с. 30; его же. Перевод и лингвистика.

*** И. И. Ревзин, В. Ю. Розенцвейг. Основы общего и машинного перевода. На с. 21, говоря об объекте теории перевода как науки, авторы указывают: «Таким объектом является сам процесс перевода., при котором совершается переход от одной системы знаков к другой и который может быть описан в семиотических терминах». См. также: Ю. А. Найда. Наука перевода. «Вопросы языкознания», № 4, 1970; А. Д. Швейцер. Перевод и лингвистика.

**** А. Д. Швейцер. Указ. соч., с. 59—60.

***** Там же, с. 60.

***** И. А. Зимняя. Психология слушания и говорения, с. 10.

***** А. Д. Швейцер. Указ. соч., с. 61.

Характеризуя акт перевода как акт коммуникативной деятельности, А. Д. Швейцер указывает на следующие его характерные стороны: «1) акт перевода по существу распадается на два взаимосвязанных коммуникативных акта — коммуникацию между отправителем и переводчиком и коммуникацию между переводчиком и получателем; 2) переводчик, будучи одним из участников процесса коммуникации, попеременно (разрядка моя. — Г. Ч.) выступает то в роли получателя, то в роли отправителя, и эта смена ролей оказывает существенное влияние на процесс перевода».*

Поскольку одной из важнейших характерных черт синхронного перевода является то, что процесс его осуществляется одновременно с восприятием сообщения на языке оригинала,** или, другими словами, что в роли получателя сообщения и в роли отправителя сообщения синхронный переводчик выступает не попеременно, а одновременно, это не может не составлять его существенного принципиального отличия от процесса письменного перевода, рассматриваемого в большинстве работ по общей теории перевода. Особенность синхронного перевода, отличающая его от всех остальных видов перевода, заключается именно в том, что его основная и в сущности единственная цель — обеспечить общение между разноязычными участниками акта коммуникации в момент совершения этого акта.

Именно эта «мимолетность», как бы встроенная процессуальность синхронного перевода, и привели к тому, что первоначально наибольший интерес к нему был проявлен со стороны психологов.*** А вопрос о том, как этот процесс осуществляется, вызвал к жизни попытки дать объяснение или предложить модель механизма синхронного перевода.****

Перечислим еще раз основные особенности синхронного перевода, отличающие его от перевода письменного, который и служит обычно реальным объектом лингвистической теории перевода. Эти особенности следующие.

* Там же, с. 63.

** См. выше, гл. 3.

*** Любопытно отметить, что в рамках лингвистической теории перевода практически не было попыток реально включить в рассмотрение синхронный перевод, хотя, давая общую классификацию видов и типов перевода, все лингвисты, работающие в области общей (лингвистической) теории перевода, непременно указывают (именно указывают — не более) на синхронный перевод как на одну из разновидностей перевода вообще, никак не рассматривая его специфику. См., например, следующие работы: Е. А. Нида. *Science of Translation. Language*, vol. 45, № 3, 1969; И. И. Ревзин, В. Ю. Розенцвейг. *Указ. соч.*, с. 59, 177—179; В. Н. Комиссаров. *Слово о переводе*, с. 5, 19; А. Д. Швейцер. *Указ. соч.*, с. 60; А. Д. Швейцер. *К проблеме лингвистического изучения процесса перевода*, с. 41; Л. С. Бархударов. *Язык и перевод*, с. 47.

**** Интересно отметить, что, рассматривая вопрос об объекте и предмете лингвистики, психологии и психолингвистики, А. А. Леонтьев подчеркивает, что «стык» языка как способности (речевой механизм) и языка как процесса (речь) является традиционным предметом психологии. (А. А. Леонтьев. *Язык, речь, речевая деятельность*. М., «Просвещение», 1969, с. 103)

1) Осуществление перевода после однократного предъявления отрезка текста оригинала.

2) Необходимость осуществлять перевод до завершения не только сообщения (текста), но зачастую и высказывания — предложения.

3) Ограниченность процесса перевода (перекодирования сообщения) строгими временными рамками (средней величиной отставания, то есть несколькими секундами).

4) Одновременность процессов слушания и говорения (или одновременность совершения двух коммуникативных актов), что можно рассматривать как совершение каждого из двух коммуникативных актов в условиях «шума», «помех».

В этих условиях данных чисто лингвистического анализа становится явно недостаточно, ибо такой анализ уже не может объяснить, каким образом в процессе синхронного перевода, в котором исключается «последовательное приближение к оптимальному варианту путем перебора нескольких возможных вариантов и отклонения тех, которые не соответствуют определенным функциональным критериям»,* все же оказывается возможным акт общения и сохранение инварианта — «смысловой стороны (как семантической, так и прагматической)», определяемой «коммуникативной установкой и функциональными характеристиками переводимого высказывания и... соотношением между ними».** О том, что это возможно, свидетельствует практика издания стенографических отчетов на основе стенограммы синхронного перевода в Организации Объединенных Наций.

Таким образом, в той мере, в какой исследователь СП имеет дело с двумя текстами, текстом на ИЯ и текстом на ПЯ, он имеет дело с языковыми закономерностями, проявляющимися в тексте, и тогда к исследованию СП правомерен подход с позиций лингвистической теории перевода и ряда разделов самой лингвистики.

В той мере, в какой исследователь должен учитывать однократность предъявления текста на ИЯ, незавершенность предъявляемого сегмента речи, быстроту процесса и одновременность двух коммуникативных актов, он вынужден выходить за пределы строго лингвистических рамок и обращаться к другим наукам, исследующим речевую деятельность. Такой наукой, наукой, занимающейся исследованием стыка «язык как система... — язык как способность (речевой механизм)», является психолингвистика.***

В той мере, в какой мы должны учитывать, что синхронный перевод является двуязычной коммуникацией, мы не можем игнорировать и данные современной теории коммуникаций.

Не менее важна и опора на данные и теории современной психологии речи — конечно, на модель большей объяснительной силы, чем та, которая была изложена выше. Такая модель создается в

* А. Д. Швейцер. Указ. соч., с. 60.

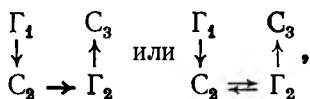
** Там же, с. 69—70.

*** А. А. Леонтьев. Указ. соч., с. 103—104.

трудах советских психологов и психолингвистов Н. И. Жинкина, А. А. Леонтьева, И. А. Зимней.*

Рассматривая вербальное общение как «основную форму общественно-коммуникативной деятельности», как «специфически человеческую форму взаимодействия членов общности»,** И. А. Зимняя рассматривает несколько схем взаимодействия слушания (С) и говорения (Г), реализующихся в процессе вербального общения между людьми: «Схема «говорит первый» (G_1) → «слушает второй» (C_2) или «говорит второй» (G_2) → «слушает первый» (C_1) представляет собой межсистемное интерпсихологическое взаимодействие, если под системой понимать человека. Она является схемой коммуникативного акта — элементарной единицы вербального общения. Схема $C_2 \rightarrow G_2$ (или $C_1 \rightarrow G_1$) отражает внутрисистемное, интрапсихологическое взаимодействие слушания и говорения. Причем цель этого уровня внутрисистемного взаимодействия $C_{1,2} \rightarrow G_{1,2}$ заключается в понимании вербального воздействия для ответного действия. Но внутрисистемное взаимодействие слушания и говорения может осуществляться и по другой схеме, а именно, $G_{1,2} \rightarrow C_{1,2}$, то есть от говорения к собственному слушанию и обратно с целью контроля и корригирования собственного речевого действия по слуховому эффекту, и по схеме $C_{1,2} \rightarrow G_{1,2}$, то есть от собственного слушания к моторной встречной активности в случае затруднения слухового приема. Схемы $C_{1,2} \rightarrow G_{1,2}$ и $G_{1,2} \rightarrow C_{1,2}$ представляют схемы взаимодействия слушания и говорения, находящегося **внутри** основной схемы коммуникативного акта $G_1 - C_2$ »***

Акт синхронного перевода можно в этом случае представить как схему коммуникативного акта значительно большей степени сложности:

в которой нас прежде всего будет интересовать часть $C_2 \rightarrow G_2$ или $C_2 \rightleftharpoons G_2$.

Таким образом, комплексное исследование синхронного перево-

* Н. И. Жинкин. Развитие письменной речи учащихся III—VII классов. «Изв. АПН РСФСР», вып. 78, М.—Л., 1956; ег о же. Механизмы речи; ег о же. О кодовых переходах во внутренней речи. «Вопросы языкознания», № 6, 1964; ег о же. Внутренние коды языка и внешние коды речи; ег о же. Грамматика и смысл. В сб.: «Язык и человек», М., МГУ, 1970; А. А. Леонтьев. Психолингвистика. Л., «Наука», 1967; ег о же. Язык, речь, речевая деятельность; ег о же. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания; и большое число статей. И. А. Зимняя. Психология слушания и говорения. (Полная библиография трудов И. А. Зимней, в которых развивается ее модель, приводится в автореферате.)

** И. А. Зимняя. Указ. соч., с. 5.

*** Там же, с. 5.

да неизбежно выходит за рамки какой-либо одной науки о языке, речи и речевой деятельности и, как мы попытались показать, находится на стыке лингвистической теории перевода и психолингвистики и должно развиваться в рамках именно этого стыка — с большой опорой на психологию.*

Такое направление исследований определяет не только понятийный аппарат, используемый при исследовании синхронного перевода, но и в значительной мере методы, в число которых неизбежно должен войти метод экспериментального исследования. Можно сказать, что сказанное столь эмфатично по поводу модели речевой деятельности А. А. Леонтьевым: «... если модель языка можно в принципе построить почти без опоры на эксперимент, почти чисто дедуктивно, то дедуктивная модель речевой деятельности есть нонсенс»** — полностью относится и к модели механизма синхронного перевода.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. СИНХРОННЫЙ ПЕРЕВОД: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЪЕКТА ИССЛЕДОВАНИЯ

Подводя итоги сказанному в предыдущих главах, было бы полезно дать характеристику объекта исследования — синхронного перевода — в сравнении с другими видами перевода, а также с подвидами собственно синхронного перевода. В целях экономии места сведем эту сравнительную характеристику в таблицу.

Таблица 6

Сравнительная характеристика видов перевода

синхронный (с текстом)	синхронный («напечатыва- ние»)	синхронный	устный после- довательный	«с листа»	письменный	Вид перевода		
						Характерис- тика (фактор)		
+			(+)	+	+	зрительно	способ восприятия со- общения на ИЯ	1
+	+	+	+			на слух		
					+	письменно	способ воспроизведения сообщения на ПЯ	2
+	+	+	+	+		устно		

* Ср. подход М. Я. Цвиллинга, который, намечая пути экспериментального исследования синхронного перевода, предлагает объединить силы лингвистов, психологов и кибернетиков (М. Я. Ц в и л л и н г. Синхронный перевод как объект экспериментального исследования).

** А. А. Леонтьев. Объект и предмет психолингвистики и ее отношение к другим наукам о речевой деятельности. В кн.: «Теория речевой деятельности», М., «Наука», 1968, с. 35.

синхронный (с текстом)	синхронный («напечатыва- ние»)	синхронный	устный после- довательный	«с листа»	письменный	Вид перевода	Характеристи- ка (фактор)	
+	+	+	+	+		однократно	характер предъявления сообщения на ИЯ	3
+				(+)	+	многократно		
+	+	+		(+)		одновременно	одновременность/разно- временность двух коммуникативных ак- тов	4
+			+	+	+	последовательно		
					+	неограничен	ограниченность/неогра- ниченность процесса перевода во времени	5
+			+	+		нестрого ограничен		
+	+	+				строго ограничен		
+	+	+	+	+		ограничен	объем перерабатывае- мой информации на единицу текста	6
				(+)	+	неограничен (словари и т. д.)		
+	(+)	+	(+)	(+)	(+)	массовая комму- никация	коммуникативная сфера применения	7
	+		(+)	(+)	(+)	межличностная коммуникация		
	+		+			наличие	наличие/отсутствие меж- личностных отноше- ний переводчика в коммуникативном акте	8
+		+		+	+	отсутствие		

Вид перевода						Характеристика (фактор)			
синхронный (с текстом)	синхронный («нашептывание»)	синхронный	устный последовательный	«с листа»	письменный				
	(+)		(+)	(+)	(+)	без технических средств	Технические средства и специальные приемы	Наличие /отсутствие технических средств	9
				(+)	(+)	пишущая машинка			
				(+)	(+)	диктофон			
			+			специальная скоропись			
+	(+)	+				эл.-тех./радиоустановка			

Примечания: 1. + означает наличие необходимой и существенной характеристики данного вида перевода.

2. (+) означает факультативность данной характеристики.

3. ++ и т. д. означает одновременное наличие данных характеристик в процессе перевода.

4. (+) (+) и т. д. означает «либо.., либо...».

Таким образом, мы дали сравнительную характеристику основных видов перевода по девяти параметрам, наиболее существенным для синхронного перевода, совокупность которых и определяет индивидуальность синхронного перевода как вида перевода, требующую его самостоятельного исследования и характеризующую специфику его психолингвистического механизма. Степень относительной близости синхронного перевода и других видов перевода (письменного, «с листа» и последовательного), с одной стороны, и его подвидов (СП-«нашептывание» и СП с текстом), с другой стороны, становится наглядной из таблицы № 7, в которой приводится число общих характеристик из девяти возможных. Таблица № 7 составлена на основе таблицы № 6, и за основу подсчета в ней берутся характеристики в нумерованных девяти колонках. Основанием для подсчета служит совпадение обязательных, факультативных и нерелевантных характеристик у данных двух видов (подвидов) перевода, причем в девятой колонке основанием для подсчета служит сочетание факультативной или нерелевантной характеристики в первой подколонке с одной или более обязательными, факультативными или нерелевантными характеристиками в последующих четырех подколонках.

Общность характеристик по видам перевода

	Вид перевода	1	2	3	4	5	6
		письмен- ный	«с листа»	последо- вательный	синхрон- ный	синхрон- ный «на- шептыва- ние»	синхрон- ный (с текстом)
1	письменный		4	2	1	1	1
2	«с листа»	4		3	2	2	3
3	последовательный	2	3		3	4	2
4	синхронный	1	2	3		6	5
5	синхронный («на- шептывание»)	1	2	4	6		2
6	синхронный (с тек- стом)	1	3	2	5	2	

Часть II. ВЕРОЯТНОСТНО-ПРОГНОСТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ

Глава 5. ИЗБЫТОЧНОСТЬ РЕЧИ И ВЕРОЯТНОСТНОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ КАК ОСНОВА МЕХАНИЗМА СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДА

...Если следующие друг за другом единицы в сообщении взаимосвязаны, если вероятность появления какой-либо единицы зависит от предшествующих единиц, эти взаимосвязи сокращают количество информации, которое может нести одна единица...; контекстуальные зависимости означают, что источник сообщения повторяется... Мы отмечаем этот факт, говоря, что большинство языков являются избыточными...

*Дж. Миллер**

Как уже было показано, реальный синхронный перевод осуществляется, во-первых, при одновременности процессов слушания и говорения и, во-вторых, часто до завершения поступающего к переводчику предложения-высказывания. Типичная картина временной соотнесенности слушания (точнее: говорения оратора) и говорения синхрониста в процессе СП приводится на рис. 1 и 2, на которых

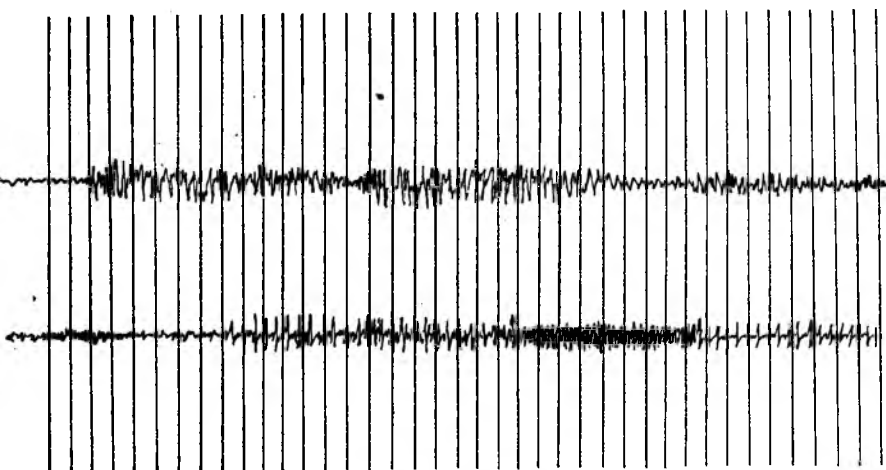

Рис. 1

* G. A. Miller. Language and Communication. N. Y., p. 103.

2 2.160 мсек	НАМИ	WHATEVER
	НАМЕРЕНИЯ	SPECIAL
	ДАЛЕКИ	STATUS
	ОТ ЭТОГО	
3	КАКОВ БЫ	THEY MAY PRESENTLY HAVE
4	НИ БЫЛ ИХ НЫНЕШНИЙ СПЕЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС	IS ALREADY ENUNCIATED IN THE CHARTER
5	ОБ ЭТОМ УЖЕ ДОСТАТОЧНО ЯСНО СКАЗАНО	AND IT IS RELATED 7 TO THE REALITIES OF INTERNATIONAL

воспроизводятся соответ-
ственно параллельная осцил-
лограмма речи оратора и
речи переводчика и график
синфазности речи оратора
и переводчика, изготовлен-
ный на основе анализа
темпоральных характерис-
тик речи на ИЯ и ПЯ, про-
веденного на специальной
полуавтоматической лабо-
раторной установке.

Каким же при этих ус-
ловиях может быть психо-
лингвистический механизм,
обеспечивающий синхрон-
ный перевод в основном и
главном? Мы полагаем, что
таким механизмом может
быть механизм так называ-
емого вероятностного про-
гнозирования поступающе-
го к переводчику сообще-
ния* и механизм упреж-
дающего синтеза при по-
рождении переводчиком со-
общения на языке перево-
да.**

* И. А. Зимняя, Г.
В. Чернов. К вопросу о
роли вероятностного прогнози-
рования в процессе синхрон-
ного перевода; и х ж е. Вер-
оятностное прогнозирование
в процессе синхронного пере-
вода; Г. В. Чернов. Экспериментальная проверка
одной модели; е г о ж е. Мно-
гоуровневая структура вер-
оятностного прогнозирования
в синхронном переводе. «Учеб-
но-методические разработки к
курсу теории перевода», М.,
МГПИИЯ, 1972, с. 146—157;
е г о ж е. К построению пси-
холингвистической модели
синхронного перевода. Lin-
guistische Arbeitsberichte, Nr.
7, Leipzig, 1973.

** Н. И. Жинкин.
Механизмы речи; З. А. Коч-

Рис. 2

Постулируя гипотезу о действии механизма вероятностного прогнозирования в процессе синхронного перевода, мы исходим из положений психологии деятельности* о встречной активности мозга при восприятии. В основе понятия вероятностного прогнозирования лежит фундаментальное методологическое понятие опережающего отражения действительности, событий внешнего мира в живой протоплазме, которое было выдвинуто в советской физиологической школе** и определяется как «основная форма приспособления живой материи к пространственно-временной структуре неорганического мира, в котором последовательность и повторяемость являются основными временными параметрами»***

В ряде работ советских физиологов и психологов было показано, что механизм вероятностного прогнозирования лежит в основе многих сторон психической деятельности человека, в том числе в основе речевой деятельности.****

к и а. Некоторые особенности деятельности синхронного переводчика; И. А. З и м н я я. Психология слушания и говорения; е е ж е. Опережающее отражение в речевом поведении. «Иностранные языки в высшей школе», вып. 8, М., «Высшая школа», 1974.

* А. Н. Л е о н т ь е в. Проблемы развития психики. М., «Мысль», 1972; А. Н. Л е о н т ь е в. Деятельность. Сознание. Личность. М., Политиздат, 1975; А. В. Запорожец, Л. А. Венгер, В. П. Зинченко, А. Г. Рузская. Восприятие и действие. М., «Просвещение», 1967.

** П. К. А н о х и н. Биология и нейрофизиология условного рефлекса. М., «Медицина», 1968. Как указывает П. К. Анохин, понятие «предупредительной» деятельности было выдвинуто еще академиком И. П. Павловым в 1903 г.: «Третьим характерным и динамическим признаком условного рефлекса является его сигнальный характер. Он развивается как «предупредительная», по выражению И. П. Павлова, деятельность, то есть деятельность, предвосхищающая ход последовательно развертывающихся внешних событий». В самом деле, слона, выделяющаяся в ответ на звонок, как условный раздражитель, появляется совсем не для того, чтобы «переварить» звонок. Она «предупредительно» подготавливает условия для переваривания хлеба, который, однако, появится только еще в будущем. Именно на основе этого характерного и динамического признака И. П. Павлов сформулировал «принцип сигнализации» как основной принцип, регулирующий приспособительное значение условного рефлекса (И. П. Павлов, 1903). ...Но что такое сигнализация по самой своей сути? Мы знаем, что сигнализировать — значит предупредить о чем-то предстоящем. Именно в этом смысле формулировал принцип сигнализации сам И. П. Павлов». (с. 13)

*** П. К. А н о х и н. Указ. соч., с. 24.

**** П. К. А н о х и н. Проблема центра и периферии в современной физиологии нервной деятельности. В сб.: «Проблема центра и периферии в физиологии нервной деятельности». Под ред. П. К. Анохина. Горький, 1935; е го ж е. Биология и нейрофизиология условного рефлекса. М., «Медицина», 1968; Н. А. Б е р н ш т е й н. Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М., «Медицина», 1966; И. М. Ф е й г е н - б е р г. Вероятностное прогнозирование в деятельности мозга. «Вопросы психологии», 1963, № 2; е го ж е. Вероятностное прогнозирование и преднастройка к действиям. XVIII Международный психологический конгресс. Кибернетические аспекты интегральной деятельности мозга. М., 1966; е го ж е. Мозг, психика, здоровье. М., «Наука», 1972; е го ж е. Память и вероятностное прогнозирование. «Вопросы психологии», 1973, № 1;

Суть нашей гипотезы сводится к тому, что в процессе слухового восприятия речи оригинала мозгом переводчика выдвигаются гипотезы о том или ином смысловом или вербальном развитии или завершении намерений автора. Выдвижение таких гипотез осуществляется на основе подсознательной субъективной оценки априорных (объективных) вероятностей дальнейшего развития данной вербальной или смысловой ситуации.

1. ИЗБЫТОЧНОСТЬ СООБЩЕНИЯ

Прогнозирование вероятностей появления следующих друг за другом речевых единиц, очевидно, возможно только в том случае, если речевой поток состоит из взаимозависимых единиц, что, в свою очередь, означало бы, что «источник сообщения повторяется».* Поскольку повторяющиеся элементы любой взаимосвязанной цепи событий не несут новой информации, а лишь повторяют уже известную информацию, их принято называть избыточными, а само явление взаимосвязанности, взаимозависимости, повторяемости элементов в цепи событий получило название избыточности. Термин, появившийся в теории информации и связанный с именем ее создателя Клода Шеннона, в настоящее время широко проник в лингвистику, психологию и смежные дисциплины.** Проведенные рядом исследователей вслед за Шенноном исследования языка и речи действительно показали, что большинство языков являются избыточными. Избыточность языка можно наглядно проиллюстрировать на простых примерах.

1) На уровне сочетаний звуков речи (фонем).

А. Н. Леонтьев, Е. П. Кричичк. О применении теории информации в конкретно-психологических исследованиях. «Вопросы психологии», 1961, № 5; Л. Арана. Восприятие как вероятностный процесс. «Вопросы психологии», 1961, № 5; Е. Н. Соколов. Вероятностная модель восприятия. «Вопросы психологии», 1966, № 2; Р. М. Фрумкина. Вероятность элементов текста и речевое поведение. М., «Знание», 1971; Вероятностное прогнозирование в речи. Сб. статей. Отв. ред. Р. М. Фрумкина. М., «Наука», 1971; Р. М. Фрумкина, А. П. Василевич, П. Ф. Андрукович, Е. Н. Герганов. Прогноз в речевой деятельности. М., «Наука», 1974; И. А. Зимняя. Вероятностное прогнозирование в смысловом восприятии речи. В сб.: «Планы и модели будущего в речи», Тбилиси, Ин-т психологии им. Д. Н. Узадзе АН Груз. ССР, 1970; е е ж е. Психология слушания и говорения; И. А. Зимняя. Опережающее отражение в речевом поведении. «Иностранные языки в высшей школе», вып. 8, М., 1974.

* G. A. Miller. Language and Communication. N. Y., p. 103.

** Более строгое определение избыточности (по Шеннону) приводится

А. М. Ягломом и И. М. Ягломом: «...Разность $R = 1 - \frac{H_{\infty}}{H_0}$, показывающая, насколько меньше единицы отношение «предельной энтропии» H_{∞} к величине $H_0 = \log n$, характеризующей наибольшую информацию, которая может содержаться в одной букве алфавита с данным числом букв». (А. М. Яглом, И. М. Яглом. Вероятность и информация. М., «Наука», 1973, с. 245)

Для русского языка, например, характерно такое распределение гласных и согласных в речи, при котором через каждую одну или две согласных (в зависимости от их типа) будет обязательно появляться гласная — такова структура слога в русском языке. Вероятность появления русского слова типа армянской фамилии *Мкртчян* настолько мала, что ее практически можно принять равной нулю.

2) На уровне грамматических, категориальных значений.

В написанной выше в тексте фразе: «Поскольку повторяющиеся элементы любой взаимосвязанной цепи событий не несут новой информации...» мы многократно встречаемся с явлением согласования слов в роде, числе и падеже, то есть, другими словами, с повторением указания на род, число и падеж в нескольких взаимосвязанных словах: *-щиеся -енты* (повторение муж. р., мн. ч. и им. пад.)... *несут* (повторение мн. числа); с четкой взаимосвязанностью предшествующего и последующего (но не обязательно идущего непосредственно за первым) слова по форме, то есть с управлением: *не несут новой информации* и т. д.; с более сложными синтаксическими зависимостями: появление в речи союза *поскольку*, вводящего упоминание причины, предполагает обязательное (с вероятностью, близкой к единице) появление предложения, выражающего следствие.

Для чистой иллюстрации явления избыточности в речи этих тривиальных примеров достаточно, но они иллюстрируют только принцип и отнюдь не достаточны для вычисления избыточности конкретного языка. Избыточность языка вычисляется, в основном, по методике побуквенного угадывания (методика Шеннона), или же по модифицированным формулам, связывающим значения энтропии языковых знаков. Трудность заключается в том, что еще не найдено надежного способа вычисления семантической информации.*

Но поскольку факт избыточности естественных языков не вызывает сомнений и в лингвистике принято полагаться на теоретико-информационный подход к вычислению избыточности языка, мы можем на данном этапе принять имеющиеся данные.

Расчеты Ленинградской группы статистики речи под руководст-

* Ю. А. Шрейдер указывает на то, что «обычная ситуация в теории информации состоит в том, что та или иная формальная количественная теория в конкретной ситуации интерпретируется так, что соответствующее количество информации оказывается оценкой некоторой содержательной информации. Например, при вероятностном подходе (теория Шеннона или второй подход по А. Н. Колмогорову) количество информации, приписываемое некоторому сообщению x относительно y , оказывается численной характеристикой «неожиданности» или «непредсказуемости» сообщения y при условии, что мы получили сообщение xБыла сформулирована точка зрения, состоящая в том, что степень неожиданности не описывает некоторых важнейших свойств информации и что семантическую теорию информации необходимо строить принципиально иными средствами». (Ю. А. Шрейдер. Информация и метainформация в тезаурусе. В сб.: «Проблемы создания и развития Международной системы научной и технической информации», вып. 1, М., Междунар. центр. научн. и техн. инф., 1974, с. 140)

вом Р. Г. Пиотровского показали, что «избыточность развитого языка находится, очевидно, в пределах между 70 и 85%». * По более детальным оценкам избыточность русского языка находится в пределах 72,1-83,6%, английского языка — 71,9-84,5%, французского — 70,6-83,4%. ** О надежности этих данных можно судить по тому, что в независимых исследованиях Н. Бертон и Дж. Ликлайдера значение избыточности английского языка находится между 67% и 80%. *** Это значение весьма близко к данным Пиотровского.

Эти оценки касаются языка в целом. Нужно, однако, указать на то, что избыточность «подъязыков» или отдельных функциональных стилей, как правило, выше средней избыточности данного языка. Р. Г. Пиотровский и его сотрудники, проведя статистическое обследование некоторых стилей, для делового стиля речи получили данные выше средних данных для соответствующего языка: 83,4-90,1%, 82,9-92,1% и 83,9-90,4%, соответственно, для русского, английского и французского языков. В силу большей тематической, контекстуальной и ситуативной обусловленности каждого символа в конкретном сообщении количество информации, приходящейся на каждый символ, на каждую единицу сообщения, снижается, что неизбежно приводит к росту избыточности сообщения по сравнению с избыточностью данного языка в целом. А. М. Яглом и И. М. Яглом указывают, **** что «любой специальный язык» (например, научный или технический текст по определенной специальности...) будет, как правило, иметь избыточность выше средней из-за меньшего количества употребляемых слов и наличия часто повторяющихся терминов и оборотов», а Дж. Миллер ссылается на язык военных уставов (язык повышенной избыточности в силу повторяемости формул и введения стандартных формулировок). В качестве примера высокоизбыточного «подъязыка» приводят язык переговоров по радио между пилотом самолета и диспетчером аэропорта (по Фрику и Самби избыточность в таких переговорах приближается к 96%). *****

В информационных измерениях языка и речи, проводимых в последние годы, ряд исследователей начинает выделять еще один аспект, представляющий существенный интерес для исследователя синхронного перевода. Речь идет о том, что следует проводить различие между объективной избыточностью сообщения и субъективной его избыточностью для получателя сообщения, то есть той реальной информативностью, которую имеет данное сообщение для конкретного получателя. Именно это стремление проанализировать то смысловое содержание, которое конкретный получатель способен извлечь из данного сообщения, привело Ю. А. Шрейдера к попытке

* Р. Г. Пиотровский. Информационные измерения языка, с. 58.

** Там же, с. 59, табл. 9.

*** Приводится по книге: А. М. Яглом, И. М. Яглом. Вероятность и информация, с. 253.

**** Там же, с. 267.

***** Там же, с. 269.

создать модель «семантической теории информации» и учесть с у б ъ е к т и в н у ю избыточность сообщения.

«Ясно, что смысловой анализ текста можно описывать с точки зрения различных наблюдателей, обладающих различным «представлением о мире». Так, текст очень содержательной математической статьи не содержит, по существу, никакой информации для человека, который не является специалистом в данной области математики. Поэтому формальная модель должна содержать описание «представления о внешнем мире» некоторого наблюдателя.

Это «описание» мы ... будем называть т е з а у р о м.

Сам процесс смыслового анализа текста мы будем интерпретировать как изменение тезауруса («представления о внешнем мире») под влиянием данного текста...

...Мы будем называть количеством семантической информации, содержащейся в тексте T , относительно тезауруса θ , $I(T, \theta)$, степень изменения тезауруса θ под воздействием оператора, соответствующего тексту T ...

...Человек, выучивший некоторую отрасль науки, извлечет из специального текста по этой отрасли, вообще говоря, больше, чем до обучения. Заметим, что эта особенность модели семантической информации существенно отличает ее от классической теории информации... Дело в том, что в теории связи не ставится вопрос о степени «понимания» приемником сообщения. Считается, что приемник заранее правильно «настроен». В семантической теории информации существенную роль играет сама возможность правильной «настройки» приемника.

...Данное выше определение количества информации, содержащейся в тексте T , относительно тезауруса θ , по существу, отражает не столько семантику текста, сколько его прагматику (воздействие на тезаурус). Однако отделять прагматические характеристики информации от семантических вряд ли целесообразно...»*

Мы привели подробную цитату из Ю. А. Шрейдера** потому, что

* Ю. А. Шрейдер. Об одной модели семантической теории информации. В сб.: «Проблемы кибернетики», вып. 13, М., «Наука», 1965, с.233—235.

** Как указывает Р. Г. Пиотровский, «процедура Шрейдера может быть использована для измерения информации, содержащейся в компрессированных и закрытых лингвистических системах типа машинной грамматики или автоматического словаря...

Что же касается измерения смысловой информации в текстах естественного языка, то здесь процедура Шрейдера встречает ряд затруднений теоретического и технологического порядка.

...Однако, несмотря на ...неясности, лингвистическая ценность концепции Ю. А. Шрейдера состоит в том, что здесь четко сформулирована идея не прямого, но косвенного измерения семантики текста, — измерения, осуществляющегося через количественную оценку тех изменений и реакций, которые обнаруживает языковая система под воздействием перерабатываемого ею текста». (Р. Г. Пиотровский. Текст, машина, человек, с. 195)

В указанной работе Р. Г. Пиотровский пытается найти выход из за-

учет сведений, содержащихся в памяти переводчика (в «тезаурусе»), весьма существенным образом влияет на процесс вероятностного прогнозирования, осуществляемый синхронистом в процессе перевода. Даже при переводе сообщений, имеющих высокую априорную избыточность и относящихся к избыточным «специальным языкам», о которых говорилось выше, реальная избыточность сообщения для синхрониста полностью зависит от его знаний в данной специальной области и от его опыта перевода специальных сообщений. Практика перевода конференций показывает, что успешный СЛ таких сообщений осуществляется только тогда, когда его ведет специалист данной области науки или техники (естественно, обладающий также навыками и умениями синхронного переводчика) или синхронист-профессионал, прошедший специальную подготовку (обучение) для перевода данного вида сообщения.*

Объективно избыточное сообщение (например, доклад на химическом симпозиуме) субъективно (для данного синхрониста) может иметь очень низкую степень избыточности, что нарушает механизм вероятностного прогнозирования, то есть становится препятствием для синхронного перевода.

Психолингвистическую сущность субъективной избыточности или информативности сообщения для синхрониста как основы для вероятностного прогнозирования последовательно поступающих к переводчику единиц сообщения, по-видимому, можно связать с вопросом об ассоциативной или парадигматической организации словаря естественного языка в памяти человека. «Каждая лингвистическая единица представляет собой многомерную систему, входя одновременно в несколько парадигм или ассоциативных рядов», — указывает Пиотровский;** и далее: «Примером такого ассоциативного пучка может служить словоформа ш е п ч у т, стоящая на пересечении многих парадигм...

...Эти парадигмы могут быть образованы не только на основе морфологических, словообразовательных, лексических и лексико-морфологических связей данного слова (ср. ряды 1-4 на рисунке), они могут отражать тонкие семантические отношения (ср. синонимические — ряд 5 — или антонимические — ряд 6 — группы); наконец, они могут быть построены на основе общности акустических образцов (ср. аллитерационные и рифмообразующие группы слов — ряды 1, 7, 8) и т. д.»***

трудней при измерении семантической и прагматической информации в тексте естественного языка на основе все той же методики побуквенного угадывания (там же, с. 198—207) с привлечением достаточного количества информантов. Процедура эта достаточно трудоемка и в настоящее время вряд ли применима к исследованию информационных процессов в СП.

* Такое обучение может не иметь формального организованного характера, может сводиться лишь к определенному опыту перевода таких сообщений, но при этом оно все равно остается обучением.

** Р. Г. Пиотровский. Указ. соч., с. 21.

*** Там же, с. 21—22.

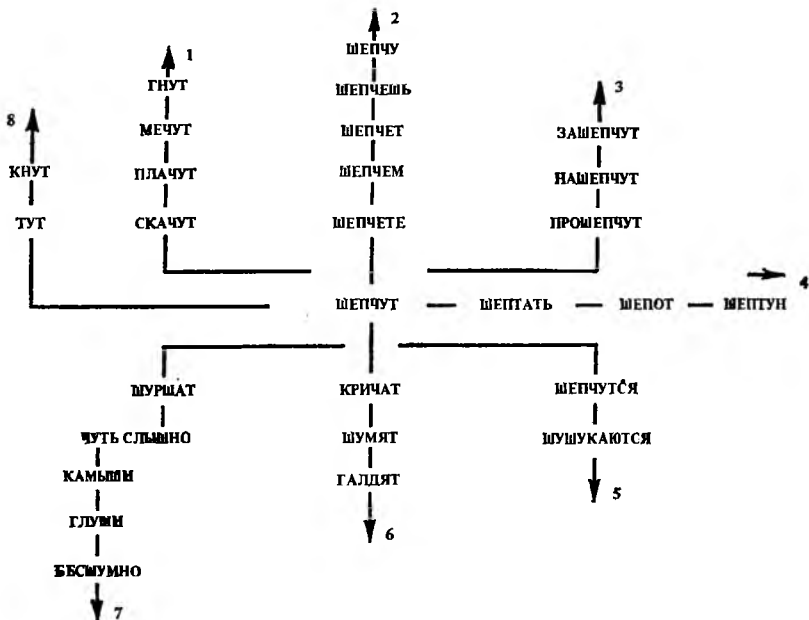

Рис. 3. Схема Пиотровского

Достаточно ясно, что смысловые, тематические ассоциативные ряды в памяти человека существенно зависят от тех знаний, которые хранятся вообще в памяти человека и являются результатом процесса обучения.

На роль антиципации в синхронном переводе указывают некоторые авторы,* однако в литературе можно встретить и недооценку этой роли. Приведем пример: «Иногда говорят (и даже пишут), что опытный синхронный переводчик может упреждать своим переводом аудируемую речь. Но тогда это не перевод, так же как речь, которую можно точно предвидеть, не есть средство коммуникации, ибо она ничего не сообщает. Поэтому мы рассматриваем процесс перевода речи с избыточностью, не выходящей за пределы нормальной».**

В этом рассуждении допускается ряд неточностей.

* E. Saugy. *Noblesse de la parole*. Babel, 1962, vol. 8, No. 1; З. А. Кочкина. Некоторые особенности деятельности синхронного переводчика; O. Kade, C. Cartellieri. *Some Methodological Aspects of Simultaneous Interpreting*.

** Б. А. Бенедиктов. Основные вопросы психологии устного перевода. *Fremdsprachen*, Leipzig, 1968, № 2, с. 101. Ср. также более позднее и несколько более осторожное высказывание того же автора, по существу, однако, не отличающееся от приведенного выше: «Опытный переводчик в случае, если переводимая речь ничего нового не сообщает, то есть язык не является средством общения, может иногда предугадывать в своем переводе содержание еще невоспринятой речи. Поэтому при изучении перевода... имеется в виду речь с избыточностью, не выходящей за пределы нормы».

Во-первых, когда говорят и пишут,* что опытный переводчик может у пре ж д а т ь с в о и м п е р е в о д о м аудируемую речь, имеют в виду не процесс восприятия речи, а п е р е в о д, то есть те отдельные моменты, когда переводчик способен по прогнозу (правильному или иногда неправильному) завершить перевод фразы до окончания проговаривания соответствующей фразы в оригинале оратором. Такие случаи встречаются, как правило, в местах высокой избыточности сообщения, примерами которых являются, например, начало выступления оратора, обращение к аудитории или председательствующему, конец выступления, когда оратор благодарит аудиторию за внимание, и ряд других стандартных ситуаций.**

Во-вторых, очевидно, автор имеет в виду, что «речь, которую можно точно предвидеть», не является информативной, «ибо она ничего не сообщает». Дело в том, что и неинформативная речь может служить средством коммуникации. Для примера можно упомянуть фатическую функцию речи, диалог между двумя собеседниками, в котором и с той и с другой стороны ничего не сообщается, однако общение или коммуникация происходит.***

Что касается нормальной избыточности сообщения, то следует, вероятно, указать на то, что норма, по-видимому, колеблется в зависимости от вида и типа текста и коммуникации (Р. Г. Пиотровский, 1968; Яглом и Яглом, 1973). Надо сказать, что пределы избыточности, в которых происходит общение, вообще находятся не между значениями 0 и 100%, а где-то между цифрами, находящимися между 60-70% (это показатель избыточности языка, приводимый для европейских языков), и цифрой, находящейся между 95-96%. Поэтому вопрос о нормальной избыточности сообщения, являющегося предметом синхронного перевода, не так прост и требует дополнительных исследований. Б. А. Бенедиктов указывает на верхний уровень избыточности сообщения, при котором, по его мнению, уже нет перевода, так же как нет коммуникации в оригинальной речи. Этот вопрос представляется, однако, не релевантным для синхронного перевода. Для теории перевода гораздо важнее вопрос о нижнем уровне избыточности, при котором в принципе оказывается возможным осуществление синхронного перевода. В соответствии с нашей моделью необходимый полный уровень избыточности в синхронном переводе обеспечивается за счет включения всех ярусов

(Б. А. Бенедиктов. Психология овладения иностранным языком, с. 172)

* По-видимому, автор имеет в виду уже указанную статью Эдмона Кари. (E. Сагу. *Noblesse de la parole*)

** См. ниже, гл. II.

*** Примеры см. у А. А. Леонтьева: А. А. Леонтьев. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания, с. 138. Ср. у А. М. Яглома и И. М. Яглома: «...Слишком низкая избыточность языка литературного произведения неизбежно будет восприниматься как нарочитая усложненность речи. Еще более низкую избыточность будет иметь «заумь...» (А. М. Яглом, И. М. Яглом. Вероятность и информация, с. 269)

вероятностного прогнозирования, включая уровни верхнего яруса коммуникативной ситуации.*

Но даже включение уровня коммуникативной ситуации не всегда может обеспечить необходимый уровень избыточности оригинального сообщения, и тогда синхронный перевод оказывается невозможным. Так, было бы нетрудно экспериментально показать невозможность осуществления синхронного перевода поэтического произведения даже на уровне «реферативного» изложения смысла такого сообщения, в силу того что уровень избыточности в поэтическом произведении тем ниже, а количество информации на каждый символ тем выше, чем больше самобытность и оригинальность автора поэтического произведения. Вряд ли можно представить себе сколько-нибудь качественный синхронный перевод и прозаического художественного текста.

Известно, что синхронный перевод даже художественного кинофильма только тогда бывает качественным, когда переводчик заранее подготовился либо по монтажному листу, либо путем предварительного просмотра фильма и подготовки перевода.**

2. ВЕРОЯТНОСТНОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ — МАРКОВСКИЙ ПРОЦЕСС?

Автор термина «вероятностное прогнозирование» И. М. Фейгенберг определяет его так:

«Возникновение ситуации А является сигналом для подготовки системы организма к реакции, адекватной такой ситуации Б, условная вероятность возникновения которой вслед за А является максимальной. ... Чем шире круг событий, одинаково часто следовавших в прошлом за А (то есть чем более неопределенным является прогноз), тем более широкий круг физиологических систем мобилизуется в ответ на сигнал А. Такая преднастройка к действиям в предстоящей ситуации, опирающаяся на вероятностную структуру прошлого опыта, может быть названа вероятностным прогнозированием***.

Основной трудностью для распространения понятия вероятностного прогнозирования на речевые процессы, в том числе на СП, является то, что вероятностное прогнозирование применяется к стохастическим процессам, к линейной последовательности случайных независимых величин, то есть к так называемым марковским цепям.****

* См. ниже, гл. 11

** М. Я. Цвиллинг. Кино на уроке перевода. «Тетради переводчика», № 9, М., «Международ. отнош.», 1972.

*** И. М. Фейгенберг. Вероятностное прогнозирование и преднастройка к действиям, с. 127—128.

**** В аннотации к работе (И. М. Фейгенберг. Память и вероятностное прогнозирование. М., «Мир», 1973) специально указывается, что «модель способна учитывать не только частотность событий, но также и условные вероятности их появления при условии, что последовательность является марковской...» (с. 47, разрядка моя. — Г. Ч.)

Как показали Миллер и Хомский,* а затем ряд других авторов,** при рассмотрении речи как марковской последовательности возникает ряд затруднений, из которых основное сводится к тому, что «грамматическая структура в принципе не поддается описанию при помощи марковской модели любого типа»***

Вероятностные модели речевой деятельности, рассматривающие речь как марковскую последовательность в чистом виде, «не удовлетворяют современному состоянию наших знаний»**** о языке и речи. Выдвигаются убедительные соображения о том, что на определенных этапах порождения речевого высказывания (на этапе возникновения внутренней программы) мы имеем дело с матричной схемой*****

Выход из этого затруднения, по нашему мнению, может быть найден, если ввести ряд ограничений на модель вероятностного прогнозирования в понимании Фейгенберга. Главное из этих ограничений заключается в том, что механизм вероятностного прогнозирования как механизм, лежащий в основе процесса восприятия речи оригинала при одновременном порождении речи на языке перевода синхронистом, является механизмом многоуровневым, иерархически организованным. Другими словами, условными вероятностями в таком механизме связываются уже не только последовательные элементы речевой цепи (фонемы, закодированные в слогах*****, морфемы и словоформы, следующие друг за другом в предложении), но и единицы каждого уровня в иерархии структуры вероятностного прогнозирования при синхронном переводе (точнее, при восприятии речи на ИЯ в условиях синхронного перевода). Последнее замечание означает, что применимость вероятностных моделей, по-видимому, значительно больше в отношении речевого восприятия, нежели в отношении процесса порождения речи.

Поскольку применимость вероятностных моделей к восприятию фонемных цепочек в речи (фонемных и слоговых ансамблей, по Жинкину*****), а также лексических единиц в

*N. Chomsky, G. A. Miller, *Finitary Models of Language Users*. In: R. D. Luce, R. R. Bush, & E. Calanter (Eds.). *Handbook of Mathematical Psychology*, vol. 2, N. Y., 1963.

** См., например, А. А. Леонтьев. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания; его же: *Язык, речь, речевая деятельность*; Dan I. Slobin. *Psycholinguistics*. Glenview, Illinois, London, 1971.

*** А. А. Леонтьев. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания, с. 58.

**** А. А. Леонтьев. *Язык, речь, речевая деятельность*, с. 118.

***** Ср. предполагаемый физиологический субстрат акцептора действия — «образа результата» у П. К. Анохина в виде циклического возбуждения на коллатералях от аксона (П. К. Анохин. *Биология и нейрофизиология условного рефлекса*, с. 258—259) как физиологический коррелят матричной схемы внутренней программы речевого высказывания.

***** Н. И. Жинкин. Внутренние коды языка и внешние коды речи, с. 2371.

***** Там же, с. 2367.

принципе не оспаривается,* представляется важным установить границы применимости вероятностных моделей к восприятию грамматических и семантических явлений. Эти границы следует, по нашему мнению, искать в модифицированной схеме Осгуда, в которой при представлении предложения в терминах грамматики непосредственно составляющих** условными вероятностями связаны не только единицы «нижнего этажа» дерева структуры предложения, но и узлы его «верхних этажей», то есть «не только единицы, но и о п е р а ц и и, образующие последовательные «шаги» в структуре предложения»***

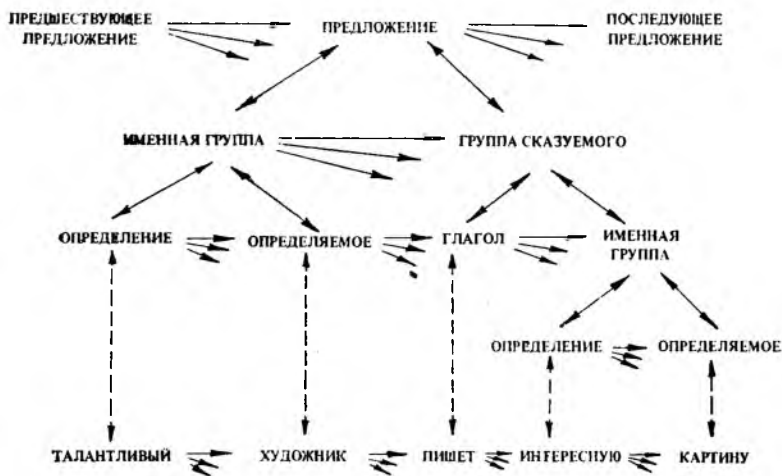

Рис. 4. Схема Осгуда — по А. А. Леонтьеву

Особенно важно исследовать условно-вероятностные зависимости на семантическом уровне восприятия. Эти вопросы более подробно будут рассмотрены в последующих главах настоящей книги. Пока же достаточно привести высказывание Герберта Рубенстайна, уже давно занимающегося исследованиями вероятностных зависимостей в речи.

* А. А. Леонтьев. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания.

** Схема была предложена Осгудом в работе: Ch. E. Osgood. On Understanding and Creating Sentences. American Psychologist, 1963, vol. 18, No. 12, p. 743, а нами приводится в варианте А. А. Леонтьева (А. А. Леонтьев. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания, с. 69).

*** А. А. Леонтьев. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. Ср. также: А. А. Леонтьев. Язык, речь, речевая деятельность, с. 119; «Теория речевой деятельности. Часть II. Психолингвистические проблемы». Отв. ред. А. А. Леонтьев. М., «Наука», 1968, с. 84.

Рубенштейн указывает, что все возражения против вероятностных моделей восприятия речи «недостаточны для объяснения одной из наиболее поразительных черт речевого поведения, а именно того, что понимание произносимого предложения — это процесс, развертывающийся в реальном времени, то есть происходящий одновременно со слушанием. Отнюдь не типично, чтобы кто-то выслушал предложение, а понял его спустя минуту. Напротив, обычно к тому времени, когда предложение окончено, понимание достигнуто. Более того, у каждого из нас бывали случаи понимания предложения еще до его завершения. Такое понимание в реальном масштабе времени, по-видимому, зависит от нашей способности упорядочивать результаты применения грамматических и лексических правил в соответствии с вероятностью их встречаемости в данном контексте.

Когда я говорю здесь о вероятности, я не говорю о вероятности встречаемости букв или слов в зависимости от фактического порядка их появления в предложениях. Я говорю о вероятности с о в м е с т н о й встречаемости понятий на уровне глубинной структуры предложения (разрядка моя. — Г. Ч.). Давайте вернемся к предложению, которое было приведено как пример выше: *The old man we used to meet at the concerts you enjoyed so much died.* Глубинную структуру этого предложения можно примерно представить в виде следующих более простых предложений: *The man died. The man was old. We used to meet the man at concerts. You enjoyed the concerts very much.* Понятия, встречающиеся в первых двух — *The man died* и *The man was old*, — часто в нашем опыте употребляются вместе, образуя при этом отношения причины и следствия: «Человек был стар, и поэтому он умер». Если дать наше предложение без последнего слова ряду людей (*The old man we used to meet at the concerts you enjoyed so much...*) и попросить их закончить его, будет весьма разумно предположить, что предложенные ими окончания будут содержать слово *died*. В ходе чтения предложения наши читатели обнаружат синтаксические отношения и решат, что слова *old man* должны иметь сказуемое. Они увидят, что придаточное *we used to meet at the concerts you enjoyed so much* не имеет прямого отношения к делу, и поэтому, вероятно, выберут такие сказуемые, как *retired, was ill, died* и так далее — на основе своих общих знаний о том, что обычно происходит со старыми людьми.

Но каким образом могут облегчить задачу слушателя такого рода вероятностные отношения? Во-первых, они ускоряют распознавание слов по мере того, как слова произносятся. Слушатель — всегда предсказатель. Результаты применения синтаксических и семантических правил к уже услышанной части предложения вводятся в виде концептуального содержания в его внутренний лексикон.* Это концептуальное содержание определяет круг понятий, которые

* Под «внутренним лексиконом» автор понимает «репертуар фонем и правил их комбинирования и фонд знаний о словах языка».

могут последовать, и приписывает им определенные вероятности. Распознавание слова, которое в данный момент слышит слушатель, облегчается тем фактом, что уже в тот момент, когда происходит сегментация акустического сигнала и сегментам приписываются определенные фонемы, эти цепочки фонем сравниваются с лексическими единицами, которые к этому времени уже были разграничены в контексте в порядке следования вероятностей, которые ранее уже были приписаны лексическим единицам. Эта процедура облегчает распознавание и тогда, когда из-за наличия шума или невнимания возникает неуверенность в отношении точной фонемной формы того, что услышано.

Во-вторых, упорядочивание по вероятностям упрощает слушателю задачу рассмотрения амбивалентных единиц. Амбивалентность, которая обычно разрешается далее в предложении, — очень частое явление в языке. Если бы слушающий даже подсознательно рассматривал все возможные истолкования каждого многозначного предложения и считал их равновероятными, ему пришлось бы, в соответствии со своей практикой предсказания, обрабатывать и хранить в памяти каждое из своих истолкований. Необходимость такой процедуры вряд ли способствовала бы эффективности процесса. Гораздо разумнее полагать, что, если возникает более одного варианта истолкования, в качестве основы для дальнейшего предсказания выбирается только наиболее вероятное из этих истолкований. *

Например, в многозначной фразе *The lamb was ready to eat* наиболее правдоподобным истолкованием глубинной структуры будет такое, при котором *lamb* станет дополнением глагола *to eat*, и тогда слушающий с готовностью будет прогнозировать продолжение типа (*The lamb was ready to eat*) *so we sat down to dinner*. Он не будет готовиться к восприятию маловероятного завершения (*The lamb was ready to eat*) *so I fed it*. Другой пример: выслушав фразу *We would have taken the plane to Washington*, слушающий, прогнозирующий продолжение только на основе наиболее вероятного истолкования, будет ожидать чего-то вроде *but all the seats were taken*. В обычном случае он не будет готовить предсказания трех других возможных истолкований фразы *We would have taken the plane to Washington*, предсказания типа *but it was too heavy* или *but the carpenter was using it*, или *but Washington didn't want it*. *

В оправдание длинной цитаты хотелось бы указать на то, что мы привели ее потому, что Рубенштейн в простой и доступной форме

* H. R u b e n s t e i n. *Language and Probability*. In: George A. M i l l e r (Ed.). *Communication, Language, and Meaning*, p. 192—194.

Следует также указать на то, что в последние годы, когда прошел период повального увлечения трансформационной грамматикой, делаются попытки разработать и более «сильные» статистические модели в применении к речи, чем марковская цепь в чистом виде. К таким попыткам относятся, например, работы: F. J. D a m e r a u. *Markov Models and Linguistic Theory*. An experimental study of a model for English. The Hague — Paris, 1971; R. N. S m i t h. *Probabilistic Performance Models of Language*. The Hague — Paris, 1973.

выдвигает существенные возражения по большинству выводов, к которым пришли сторонники трансформационной теории в своей критике вероятностных подходов к языку и речи, хотя некоторые вопросы, рассматриваемые автором, как это будет показано ниже, нуждаются в более глубокой трактовке.

3. МНОГОУРОВНЕВАЯ СТРУКТУРА ВЕРОЯТНОСТНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ В СП

В предлагаемой модели постулируется механизм вероятностного прогнозирования при восприятии речи оратора в синхронном переводе в виде сложного иерархически организованного многоуровневого механизма. На низших вербальных уровнях, которые в настоящей работе не рассматриваются, можно выделить такие вспомогательные уровни, как фонотактический, слоговой и морфотактический. Далее следуют уровни наиболее важные, обеспечивающие такое восприятие речи на ИЯ, которое позволяет в условиях синхронного перевода строить динамическую внутреннюю программу* (план **) высказывания на ПЯ: это уровни, составляющие семантико-смысловый ярус всего механизма. К ним относятся просодический***, вербальный уровень лексической сочетаемости, уровень лексико-семантической сочетаемости, уровень семантико-синтаксической сочетаемости. Вторым ярусом иерархии уровней вероятностного прогнозирования в синхронном переводе является ярус текста и уровни смысловых (предикативных) отношений внутри текста: от уровня элементарной предикации до уровня прогноза цели сообщения. Наконец, на высшем ярусе — уровнях коммуникативной ситуации синхронного перевода — выявляется высший уровень вероятностного прогноза — уровень мотива сообщения.

Каждый более высокий уровень вероятностного прогнозирования повышает надежность прогноза на центральных уровнях механизма, где и происходит «порождение» внутренней программы высказывания или «задание ее извне».

В ходе слушания, проходящего, в основном, одновременно с проговариванием уже «готового» перевода предыдущих частей переводимого сообщения, постоянно и параллельно на ряде уровней идет восприятие некоторых ключевых, опорных, вербальных и семантических элементов,**** как-то: некото-

* А. А. Леонтьев. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания.

** Дж. Миллер, Е. Галантер, К. Прибрам. Планы и структура поведения. Пер. с англ., М., «Прогресс», 1965.

*** В настоящей работе не рассматривается.

**** Ср. у Р. Г. Пиотровского: «... Как показывают данные русского, английского и отчасти французского, испанского и румынского языков..., распределение информации в тексте имеет квантовый характер. Начала слов несут максимумы информации... Квантовый характер распределения статистической информации связан, очевидно, с теми особенностями, которые характери-

рый набор фонем, слоговые сегменты, морфемы, просодические характеристики, семантические компоненты и их конфигурации, отдельные слова и элементы синтаксической структуры. По этим элементам на основе реконструирования в мозгу переводчика предикативно-смысловой структуры сообщения, а также на основе знания экстралингвистической ситуации синхронного перевода и/или некоторых ее компонентов возникает внутренняя программа речевого высказывания у переводчика. Эта программа постоянно корректируется по мере дальнейшего развертывания оригинального сообщения, то есть по мере восприятия переводчиком дальнейших элементов и единиц сообщения.

Суть идеи о многоуровневой иерархически построенной структуре механизма вероятностного прогнозирования сводится к тому, что необходимая для восприятия в затрудненных условиях СП степень избыточности не может быть достигнута на каком-то одном уровне и что каждый более высокий уровень в иерархии способствует повышению степени избыточности воспринимаемого синхронистом сообщения в целом, а также повышает избыточность на низших уровнях иерархии.

Высказанные предположения находят свое подтверждение в выводах, к которым приходит в результате информационных измерений, проводимых на текстах, Р. Г. Пиотровский. «Исследованный материал показывает, — пишет он, — что вероятностно-статистические связи и ограничения, характеризующие сочетаемость фигур (букв, фонем, слогов), действуют на коротких начальных участках текста., не превышающих длины кратчайшего знака (чаще всего морфемы), в который входят данные фигуры. Как только следующие друг за другом по синтагматической оси фигуры сформируют знак, на сцену выступают вероятностно-статистические закономерности сочетаемости знаков. Эти закономерности накладываются на вероятностные спектры сочетаемости последующих фигур, отбирая из этих спектров лишь такие сочетания, которые соответствуют правилам сочетаемости знаков, образованных из этих фигур».* (разрядка моя. — Г. Ч.). Хотя эти выводы и сделаны на основе анализа письменных текстов и в них не учитываются многие факторы, играющие значительную роль в вероятностном прогнозировании в условиях СП, эти факты сами по себе чрезвычайно показательны. Не менее интересным с точки зрения возрастания избыточности сообщения для синхрониста при включении большего числа уровней прогнозирования является замечание Пиотровского о том, что, «попадая в контекст, русская словоформа теряет

зуют работу головного мозга человека в ходе переработки им лингвистического текста». (Р. Г. Пиотровский. Информационные измерения языка, с. 73)

* Р. Г. Пиотровский. Информационные измерения языка, с. 88—89.

в среднем 1.60 дв. ед. грамматической информации... Это составляет около 69% от всей грамматической информации, содержащейся в формах внетекстового слова...»*

При синхронном переводе мозг воспринимает и оценивает (прогнозирует) вероятность появления последующих единиц речи на ряде уровней одновременно. Если каждую опорную ключевую точку принимаемого сообщения мы будем рассматривать как сигнал А в модели вероятностного прогнозирования Фейгенберга, то увеличение количества уровней механизма будет способствовать общему росту числа воспринимаемых сигнальных компонентов и тем самым повышению избыточности получаемой информации, а повышение «этажности» уровня или последовательное укрупнение воспринимаемой единицы означает понижение количества статистической информации** на символ. Другими словами, при переходе с каждого низшего уровня на более высокий происходит повышение избыточности принимаемого сообщения***. Повышение уровня избыточности (снижение количества статистической информации на символ) вызывается также ограничениями оперативной памяти числом 7 ± 2 .****

Если учесть, что скорость переработки информации мозгом человека составляет не более 45 дв. ед./сек.,***** такое укрупнение воспринимаемых единиц, представляющее собою общую закономерность восприятия речевого материала,***** тем более необходимо в затрудненных условиях восприятия в синхронном переводе.

Сказанное выше позволяет уточнить вопрос об ограниченном объе-

* Там же, с. 92.

** Напомним, что 1 бит статистической информации (1 дв. ед.) означает один выбор из двух возможностей.

*** Пиотровский, в частности, указывает: «Предположим, что каждая буква русского текста изображается набором из 200 черных точек. Тогда светочувствительные рецепторы нашего глаза при чтении шестибуквенного слова принимают $6 \times 200 = 1.200$ дв. ед. информации... Для кодирования одной буквы русского 32-х буквенного алфавита требуется всего лишь 5 дв. ед. информации... Поэтому при побуквенной записи информация, получаемая от рецепторов, сильно компрессируется: эта запись обходится нервной сети всего лишь в $5 \times 6 = 30$ дв. ед. Если же учесть, что в словарном (внетекстовом) русском слове на одну букву приходится около 2 дв. ед. информации..., то станет ясным, что для структурно-семантического кодирования шестибуквенного слова мозг использует не более 12 дв. ед.». (Р. Г. Пиотровский. Текст, машина, человек, с. 22)

**** Дж. А. Миллер. Магическое число семь, плюс или минус два. О некоторых пределах нашей способности перерабатывать информацию. В сб.: «Инженерная психология», М., 1964 (Пер. с англ. публикации 1956 г.).

***** Р. Г. Пиотровский. Текст, машина, человек, с. 23.

***** Дж. А. Миллер. Магическое число семь, плюс или минус два; Н. И. Жинкин. Внутренние коды языка и внешние коды речи.

Следует учитывать также, что «семантико-прагматическая» информация (см. выше: Ю. А. Шрейдер. Об одной модели семантической теории информации) будет, несомненно, отличаться от статистической информации. Поскольку «семантико-прагматическая» информация в принципе должна исчисляться исходя из изменений состояния приемника информации и его обогащения, при укрупнении единицы в терминах «семантико-прагматической» информации количество ее на символ должно, наоборот, повышаться.

ме (количестве) перерабатываемой синхронистом информации при переводе. Принимая за образец нормы, существующие в Организации Объединенных Наций, и зная предельную скорость переработки информации человеческим мозгом, можно произвести простой расчет. При норме перевода порядка 8 машинописных страниц в смену и семичасовом рабочем дне письменный переводчик Секретариата ООН при переводе на русский язык в идеале переработает 45 дв. ед. \times (60 \times 60 \times 7) сек. : 8 = 141.750 дв. ед. информации при переводе каждой страницы текста, в то время как синхронист, при среднем темпе речи в 120 слов/мин.* и среднем объеме машинописной страницы в 400 слов, переработает примерно 45 дв. ед. \times (60 \times 3) сек. = 8.100 дв. ед. на ту же страницу текста, то есть приблизительно в 17 раз меньшее количество информации при переводе одной страницы текста или устного сообщения соответствующего объема. Этот факт и объясняет, почему для достижения приемлемых результатов «система синхронного перевода», то есть мозг синхрониста вынужден прибегать к многоканальному восприятию и «работать» одновременно на ряде уровней с целью повышения избыточности воспринимаемого сообщения.

Можно вполне согласиться с Пиотровским в том, что «только ассоциативная организация нашей памяти, использующей многоканальный и многоуровневый эвристический поиск, в ходе которого нужные с точки зрения заданной стратегии сведения подкрепляются дополнительным возбуждением, а ненужные погашаются торможением, дает возможность человеку почти мгновенно распознавать смысл получаемых им речевых сообщений».** Факты синхронного перевода вполне подтверждают эту мысль.

Глава 6. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ УРОВНЯ СОЧЕТАЕМОСТИ СЛОВ

Вероятностно-прогностическая модель механизма синхронного перевода выделяет уровень прогноза вероятности сочетаемости слова в качестве одного из ведущих вербальных уровней. Поскольку это один из центральных уровней всей иерархии (высший уровень низшего лингвистического яруса), а также в силу того, что на стыке двух слов возникают многие кардинальные психолингвистические проблемы, представляется целесообразным начать рассмотрение модели именно с этого уровня.

Для подтверждения гипотезы о действии механизма вероятностного прогнозирования на вербальном уровне сочетаемости слов был проведен эксперимент по синхронному переводу текста, содержащего

* D. Gevver. A Psychological Approach to Simultaneous Interpretation (см. гл. 2 настоящей работы).

** Р. Г. Пиотровский. Текст, машина, человек, с. 23.

словосочетания разной степени связности. Для эксперимента были подготовлены тексты устных выступлений ораторов: 1) серия выступлений представителей развивающихся стран в прениях на Генеральной Ассамблее ООН на английском языке — для перевода на русский язык; 2) адаптация статьи Ю. Найды на лингвистические темы в виде популярной лекции по языкознанию на английском языке — для перевода на русский язык; 3) адаптация отрывка из работы В. А. Звегинцева в виде популярной лекции на темы языкознания на русском языке — для перевода на английский язык. Каждый из трех текстов был записан с помощью соответствующих дикторов (студенты из стран Азии и Африки и из Англии) на магнитную ленту в виде примерно двадцатиминутного отрывка, что соответствует продолжительности одной смены в кабине при синхронном переводе. В каждый из текстов были заложены контрольные предложения двух типов. В одном типе предложений «подсказывалась» высокая степень вероятности определенного вербального завершения его начала, но реальное завершение было иным. Во втором типе фраз, при грамматической оформленности их в предложение, каждое последующее слово в смысловом отношении не сочеталось с предыдущим словом и с последующими словами. Предполагалось, что в первом случае переводчики будут переводить не в соответствии с реальным завершением заданного высказывания, а по «подсказанной» гипотезе его завершения. Во втором случае предполагалась невозможность построить гипотезу смыслового развития высказывания и в связи с этим ожидалось нарушение механизма процесса, внешним выражением которого должны были явиться паузы хезитации, ошибки и искажения в переводе. При этом бессмысленные или парадоксальные фразы помещались в соответствующий контекст, оправдывающий появление соответствующей фразы в тексте, что облегчало задачу переводчика и создавало максимальное приближение обстановки эксперимента к реальной обстановке конференции.

В таблицах 8 и 9 приводятся списки контрольных фраз первого и второго типа в экспериментальных текстах.

Проблемы, которые возникают при СП предложений первого и второго типов, различны. Поэтому и результаты по первому и второму типу фраз также следует обсудить отдельно.

Рассмотрим подробно пример первого типа и результаты его перевода.

Кислая сладость вскрикнула наземь от ожирения.

Этот речевой отрезок имеет все признаки синтаксически оформленного предложения с сохранением как частей речи, так и членов предложения. Кроме того, он состоит из нормальных слов русского языка, каждое из которых получит в словаре подробное описание и определение. Трудности возникают ввиду нарушений лексической сочетаемости слов.

В чем суть вопроса о сочетаемости слов? В ряде работ последнего десятилетия (Чейф, Филмор, Макколи, Лаков, Шэнк, Гак,

Бессмысленные фразы в экспериментальных текстах

№ п/п	№ текста № контрольной фразы	Контрольные фразы в минимальном контексте
1	1/5	... Besides, Mr President, previous to the advent of Europeans on our continent and contrary to preconceived ideas Africans were educated after their own fashion. They had their peace and all necessary institutions of learning and government. They built kingdoms and empires and had an impeccable standard of communal life and morality. They had the empires of SOKOTA, GANDA, KAHNU, GHANA, MALI, SOMBOI, BANYU, HARAR, GONDAR, and many more.
2	2/1	However, before we continue our analysis of the problem so vividly revealed by Bible translating we must slightly digress to briefly deal with an extreme case of translation difficulties. A sentence: THE UGLY BEAUTY RATTLED UP TO THE TOP OF THE SOUR VALLEY — could provide an appropriate example. This is a perfectly correct sentence grammatically, and since it is so it may be translated at least into languages with certain similarities in syntactical structure. At the same time, at least hypothetically, it might become a stumbling block for an interpreter.
3	2/2	The following example may serve as a proof of my idea. Suppose, in the following sequences I am making a certain point, trying to bring home to my audience the idea of the importance of form and structure in a language. I say:
4	а	THE GREEN NIGHTS WOKE STRONGLY ON THE LOGICAL ARMCHAIR and further:
5	б	THE SQUARE CIRCLE WALKED READILY ALONG THE STEAMY BEAST or another one:
5	в	THE ROUND KNIFE FLEW SQUARELY INSIDE THE BOTTOM OF SMOKE— the interpreter will have to deal with completely illogical but perfectly correct grammatical sequences. He will immediately recognize them as SENTENCES of the English language, yet they will not make much sense to him, though he will undoubtedly realize that they are meant for the audience and should therefore somehow be rendered to bring home my point about illogical sentences.
6	2/3 а	Their illogical nature may go to extremes, as in previous examples, or, on the other hand, may be only partial, as, for instance, in THE YELLOW SYMPOSIUM OF IRON TREES WILL BE DEEPLY HELD YESTERDAY — where at least the sequence... SYMPOSIUM... WILL BE... HELD makes some sense; as to the rest, the interpreter will have

№ п/п	№ текста / № контрольной фразы	Контрольные фразы в минимальном контексте
7	2/4	<p>to render the form to preserve at least some semblance of a sentence in each case, since they are meant as sentences though illogical.</p> <p>It might be of interest to experimentally show which is a greater difficulty, a sentence like... or THE LIVELY GLOOMY MACHINERY DROPPED THE MOON WITH HEAVY PLEASURE where the perfect syntactical form and an equally perfect absence of any logic makes it stand in sharp contrast to the previous one.</p>
8	3/1 а	<p>Ниже приводятся фразы: КИСЛАЯ СЛАДОСТЬ ВСКРИКНУЛА НАЗЕМЬ ОТ ОЖИРЕНИЯ.</p>
9	б	ПРОХОДНОЙ БУКЕТ ВЫТЕК С ХОЛОДНЫМ ШУМОМ.
10	в	КРУГЛЫЙ КВАДРАТ ПОЛА ЛЕТЯ ПОД ПОЛОМ.
<p>Попробуем проанализировать эти речевые отрезки с точки зрения их семантической структуры. Они однородны: все они лишены смысла в сочетании, хотя каждый элемент любой из трех структур вполне осмыслен.</p>		
11	3/2	<p>В то же время некоторая часть из этих сочетаний может рассматриваться как осмысленная при условии ее появления в соответствующем контексте или для наших целей лучше сказать ситуации. Например, во фразе ПРОХОДНОЙ БУКЕТ ВЫТЕК С ХОЛОДНЫМ ШУМОМ элементы «вытек с ... шумом» в такой именно последовательности являются вполне осмысленными. То же самое можно сказать о попарном сочетании элементов «...квадрат пола ...» Такое сочетание вполне возможно в целом ряде контекстов и ситуаций. Не исключена и осмысленность сочетания «...летя под полом...», если, например, речь идет о летучей мыши и известно, что под полом имеется полое пространство.</p>
12	3/3 а	<p>Другие примеры, которые можно было бы привести: ЯРКИЙ ГРАД ЧЕРНОТЫ ПЛЕСКАЛ В ГОРУ ТРЕУГОЛЬНИК ТРЕВОГИ или</p>
13	б	<p>СЛАДКОЕ В ПОЛОСКУ СОБРАНИЕ НЕСОВМЕСТИМОСТИ ПРОХОДИЛО ПОД ГЛАДЬ РЕЗКИХ КВАДРАТОВ — начинают приобретать какую-то семантическую информацию в рамках повышено-эмоциональной речи.</p>

№ п/п	№ текста		Контрольные фразы в минимальном контексте
	№ контрольной фразы		
14	3/4		Прагматические элементы разного рода начинают ... в соответствующей ситуации перекодироваться в семантическую информацию. Например, в речи поэта, говорящего о технике стихосложения, фразы «ЗУБНАЯ БОЛЬШЕ НАС ВОЛНУЕТ, ЧЕМ ВСЯКАЯ ИНАЯ БОЛЬ» или ЯРКИЙ ГРАД ЧЕРНОТЫ ПЛЕСКАЛ В ГОРУ ТРЕУГОЛЬНИК ТРЕВОГИ — приводятся как примеры аллитерации.
15	3/5		УГРЮМЫЙ ДОЖДЬ СКОСИЛ ГЛАЗА — фраза, которая, казалось бы, ничем не отличается от предыдущего примера. Между тем это цитата из одного из ранних стихотворений Владимира Маяковского.

Таблица 9

Контрольные фразы с «подсказанной» гипотезой в экспериментальных текстах

№ п/п	№ текста		Контрольные фразы в минимальном контексте
	№ контрольной фразы		
1	1/1		INDIA: Reports on World Economic Trends submitted by our distinguished Secretary General, the World Bank Report, the Report of the Director-General of FAO, and most recently the Report submitted by THE SECRETARY-GENERAL OF THE UNCTAD on the implementation present a picture of an all-round deterioration in the economic situation of the developing countries.
2	1/2		INDIA: ... We are trying to transform subsistence economies into modern societies with modern industry and modern agriculture. VERY OFTEN WE ARE TOLD THAT ROME WAS NOT BUILT IN A DAY. Of course, we realize that ROME WAS NOT BUILT IN A DALE, that it was built on seven hills, that the road of progress is more often than not a very bumpy business.

№ п/п	№ текста / № контрольной фразы	Контрольные фразы в минимальном контексте
3	1/3	BOURADI: Nowadays I always seem to be running into trouble. And I think I know why it happens. It is very simple, as simple as a door-nail. I am getting old. I AM ON THE WRONG SIDE OF FORTIFICATIONS — as far as my anglo-saxon friends are concerned.
4	1/4	BOURADI: ... In the times of the League of Nations a very good friend of mine, the young Mr Balfour, the famous lord Balfour always regarded me as a very patient young man. He believed me to be one of the pillars of his country's policy in the arab world. HE ALWAYS TOOK ME FOR GRANTED. He always seemed to know what to expect of me. He was a very great politician and an excellent diplomatist. HE ALWAYS TOOK ME FOR GRANIT, but, alas, granit I was not. At that time I was much more of a piece of softwood than that of hard rock.
5	1/6	LIBERIA: ... THEY SAY THAT THE FIRST STROKE MEANS HALF THE BATTLE. We are all engaged in a battle for human dignity and liberty, for a better future of African nations who want a chance to develop on their own, under the conditions of independence and freedom. May I again remind you that the FIRST STROKE MEANS HAVE THE BATTLE LOST, if you do not deal the second.
6	1/7	CEYLON: Another problem closely connected with the problem of neocolonialism is the one that has recently plagued a number of African states where THE LEGAL CONSTITUTIONAL GOVERNMENTS elected by the peoples of those countries have been overthrown by the Army. The military have conspired AGAINST THE GOVERNED. This is the only way we can describe these coups. By overthrowing the democratically elected Government of the country, the military, often prompted by certain powers outside the country, have violated the will of the people, betrayed them in favour of vested interests outside the country.
7	3/4	прагматические элементы разного рода начинают... в соответствующей ситуации перекодироваться в семантическую информацию. Например, в речи поэта, говорящего о технике стихосложения, фразы «ЗУБНАЯ БОЛЬШЕ НАС ВОЛНУЕТ, ЧЕМ ВСЯКАЯ ИНАЯ БОЛЬ» или ЯРКИЙ ГРАД ЧЕРНОТЫ ПЛЕСКАЛ В ГОРУ ТРЕУГОЛЬНИК ТРЕВОГИ — приводятся как примеры аллитерации.

№ п/п	№ текста		Контрольные фразы в минимальном контексте
	№ контрольной фразы		
8	3/6		В популярной телевизионной передаче недавно прозвучала фраза ЛУЧШЕ МЕНЬШЕ, ДА «ЛУЧ».
9	3/7		Интересно, что семантическая информация, содержащаяся в этом каламбуре, почти полностью остается скрытой и непонятной вне соответствующей ситуации, когда команда, участвующая в конкурсе, преподносит другой команде телевизор марки «ЛУЧ».
10	3/8		Возьмем другой пример: «ДЕКАБРЬ, ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ — САМЫЕ СУРОВЫЕ МЕСЯЦЫ ГОДА; МАРТ, АПРЕЛЬ, МАЙ — МЕСЯЦЫ ВЕСНЫ, ТЕПЛА, НО, ПРАВДА, НЕТ НЕПОСТОЯННОГО НАСТРОЕНИЯ; ИЮНЬ И ЮЛИНА ПЯТЕРКА ЗАТО ВСЕГДА СОЗДАВАЛИ ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ».
			Это из воспоминаний известного писателя, и это высказывание, когда оно попало в руки литературоведов, оказалось для них кладом, так как объясняло происхождение одного из ранних рассказов писателя «Вторая ночь».
			Несколько ниже в тех же воспоминаниях писатель Н. пишет: «ВО-ПЕРВЫХ, ЭТО НЕ ИМЕЛО НИКАКОГО ЗНАЧЕНИЯ ДЛЯ СТРАНЫ; ВО-ВТОРЫХ, НИКТО ЭТОГО НЕ ЗНАЛ ДО ПУБЛИКАЦИИ МАТЕРИАЛА; В ТРЕПЕТ ТОЛПЫ, УСЛЫШАВШЕЙ ОБ ЭТОЙ НОВОСТИ, Я НЕ ВЕРЮ...»

Апресян) значение рассматривается не как нечто цельное и неделимое, как это делается в традиционной словарной статье толкового или двуязычного словаря, а как сложное образование, состоящее как бы из мельчайших элементарных частиц, «атомов» смысла — «элементарных сем», «элементарных смыслов», «семантических компонентов или составляющих», «семантических множителей». В наиболее полно разработанных семантических моделях (Филмор, Чейф, Шэнк, Гак, Апресян) семантические составляющие организуют значение слова не в виде простого сложения или набора, а иерархически: они различаются по степени абстракции; в некоторых моделях (Апресян) они взаимно включают друг друга. Именно с этих позиций, исходя из понимания сложной (иерархической) структуры значения, следует рассматривать процесс восприятия словосочетаний в СП. По мнению ряда лингвистов, сочетание двух значений становится возможным тогда, когда у значений двух слов, входящих в словосочетание, есть общая сема; даже если сочетающиеся слова

№ контрольной фразы	Полный перевод — переводчик №	Перевода нет — переводчик №	При отсутствии полного перевода переведено полнозначных слов из N возможных:							Переведено 1-е словосочетание	
			N=								
			8	7	6	5	4	3	2		1
			переводчиками №								
1/5	—	4	9:	1, 9	5	2, 3, 7	10	11		—	
2/1	—	2, 4, 10	6:	—	—	—	3, 7, 8, 9, 11			9	
2/2:a	—	1, 2, 4, 7	6:	—	—	—	—			8	
		9, 10, 11								3	
б	—	2, 4, 8, 9,	6:	—	—	3	7		1, 11	1, 3, 7, 11	
		10									
в	7(12,5%)	2, 3, 4,	6:	—	—	—	1, 8			1, 8, 9	
		10, 11									
2/3	11(12,5%)	4	7:	—	1	2, 3, 7	8		10	1, 2, 3, 7, 9, 10	
2/4	—	4, 9, 10	7:	—	—	1, 3	2, 8		7	1, 2, 3	
3/1:a	3(12,5%)	1, 4	5:	—	—	—	—	2, 7, 10, 11	9	3, 7, 9, 10, 11	
б	—	4, 9, 10	5:	—	—	—	1, 3	2, 11	7	1, 2	
в	1, 7, 10 (37,5%)	3, 4	5:	—	—	—	2, 9, 11			9, 11	
3/2	1, 2, 7, 9 (50%)	4	5:	—	—	—	10, 11	3			
3/3 а	—	4, 9, 10	7:	—	1, 2, 7, 11			3		1, 2, 7, 11	
б	7(12,5%)	4	8:	—	3	11	1, 2	9	10	9	
3/4	3(20,0%)	4, 9, 10	7:	—	—			11			
3/5*	1, 2, 3, 7, 10, 11	4, 9								—	
Всего в анализе 112 переводо-фраз	10,71%	35,71%	потеря 1 слова, 2 слов, 3 слов, 4 слов, 5 слов и более 11,61%, 20,54%, 7,14%, 8,04%, 4,46%, 1,79%						28,57%		53,58%

* Не учитывалось в общем результате.

расположены дистантно, «итеративная сема» может быть выражена не обязательно в целом слове — достаточно и морфемы (ср. пример Гака — перевод двух русских глаголов *вылететь* и *выползти* на французский язык одним глаголом *sortir*, где фактически релевантен лишь суффикс *вы-*, содержащий сему, которую в данном случае условно можно обозначить французским глаголом).*

Возвращаясь к нашему примеру, укажем, что по гипотезе, лежавшей в основе эксперимента, мы считали, что перевод несочетающихся слов будет затруднен или вообще окажется невозможным. Результаты в общем подтвердили гипотезу,** однако возникло два непредвиденных обстоятельства. Во-первых, все переводчики-испытываемые успешно перевели сочетание *кислая сладость*. Это было бы необъяснимо без привлечения к анализу семантических компонентов. В самом деле, *кислая сладость* вошла в экспериментальную фразу явно по недосмотру, но зато она дала дополнительные данные для понимания механизма ВП в СП.

В самом деле: в значение слов *кислая сладость*, казалось бы логически взаимоисключающих друг друга, входит общая сема или семантический компонент — «вкус», обеспечивающий их сочетаемость (ср. «кисло-сладкое яблоко», «кисло-сладкое мясо» и т. п.). В то же время пары: *сладость вскрикнула, вскрикнула наземь, наземь от ожирения* или дистантно: *сладость...наземь, сладость...от ожирения* — не имеют общей семантической составляющей. Именно здесь процент потерь в СП оказался наибольшим.

Результаты эксперимента при переводе грамматически правильных, но бессмысленных предложений сведены в таблицу 10.

Анализ данных таблицы свидетельствует о серьезных затруднениях, появляющихся в переводе, который до этого шел в нормальном темпе, был полным и осмысленным.

В анализ было включено 112 возможных переводов 14 фраз. 35% от этого количества фраз оказались полностью непереуведенными, 54% переведены неполностью, с большими искажениями. Переведенными оказались лишь 11% от 112 возможных переводов. При этом из анализа исключается контрольная фраза № 3/5 «УГРЮМЫЙ ДОЖДЬ СКОСИЛ ГЛАЗА» (Маяковский), которая представляет собой не бессмысленную фразу, а поэтический образ, хотя и взятый вне контекста. При рассмотрении темпоральных характеристик контрольных мест в переводе бросается в глаза появление продолжительных пауз хезитации, больших пропусков, большое количество ошибок.

Приведем примеры полученных переводов по контрольным фразам 3/1 (а, б, в).

* В. Г. Га к. К проблеме семантической синтагматики, с. 387—388.

** И. А. З и м н я я, Г. В. Ч е р н о в. Вероятностное прогнозирование в процессе синхронного перевода; Г. В. Ч е р н о в. Экспериментальная проверка одной модели.

Текст ПЯ (переводчик № 3):

The following sentence: "The sour sweet... eh... jumped down to earth from fat the... eh... flower... bunch went... banged, banged the door..."

Текст ПЯ (переводчик № 7):

The following speeches: "The sweet sour... screamed from... the cold... the flowers... the square circle of the floor flowing... flying under the floor..."

Текст ПЯ (переводчик № 2):

Now we're given some sentences: "The sour s-s-s... eh-eh-eh... in e-exclaimed... The passing bouquet flowed out with the... eh-eh... the... square... sex flowed beneath..."

Текст ПЯ (переводчик № 9):

...if you take the... take the phrase "The... sour... sweetness ... The square... the round... square of the floor... flying above the floor..."

Текст ПЯ (переводчик № 1):

Here are some examples... I missed that..."... a passing bouquet flowed out with noise... A round circle of sex... eh... flying under the floor".

Интересно отметить, что в ряде случаев в переводе (вопреки оригиналу) появляется переосмысленное (допустимое) сочетание:

jumped down to earth (вскрикнула наземь...)
screamed from... the cold (вскрикнула от ожирения)
flowed beneath (летел под полом)
flying above the floor (летел под полом)
flowed out with noise (вытек с холодным шумом)

Для иллюстрации темпоральных характеристик перевода приведем график синфазности перевода, осуществленного переводчиком № 3 (рис. 5).

На графике наглядно видно возрастание фазового сдвига по мере перевода контрольных фраз. Если в начале анализируемого отрезка фазовый сдвиг составляет примерно 2,5-3 сек., то в конце имеющегося перевода он достигает уже 6 сек. Отметим также, что после окончания контрольного отрезка фазовый сдвиг резко сокращается и составляет лишь 0,5 сек. (см. график синфазности, рис. 5).

Рассмотрим теперь некоторые особенности полученных переводов, которые можно наблюдать по таблице 10. Контрольная фраза № 1/5 представляет собою перечисление серии древних африканских империй, в большинстве своем не известных переводчикам. Как правило, в переводе появляются названия, которые сохранились в

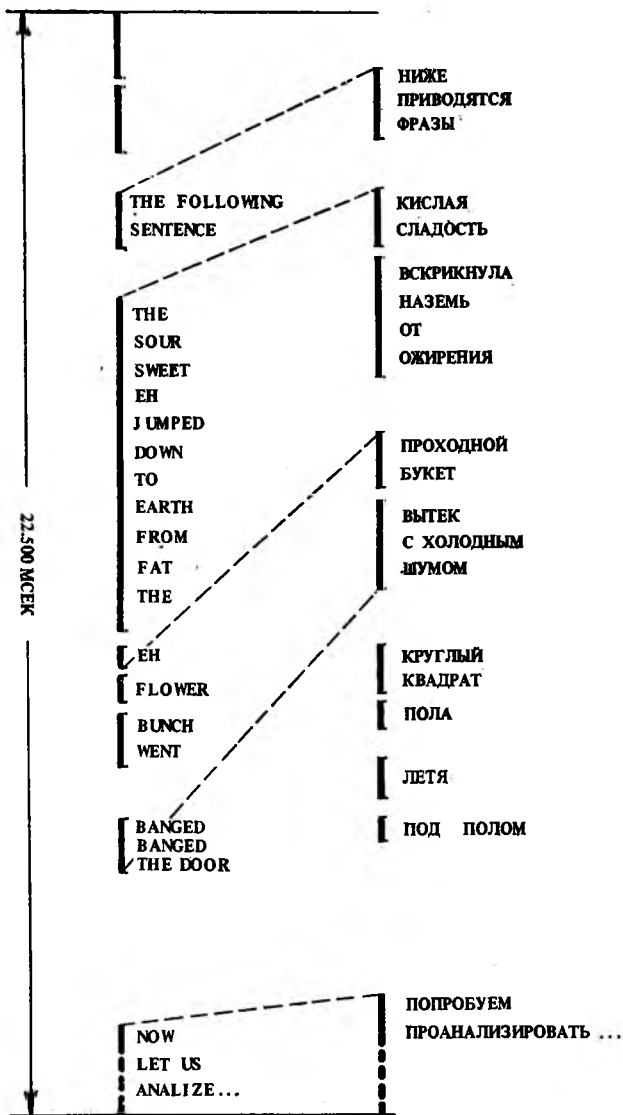

Рис. 5. На графике представлен отрезок длительностью в 22,5 сек. На перевод двух контрольных фраз затрачено 8000 мсек., то есть по 600 мсек. на произнесение одного слога (при средней длительности слога примерно в 200 мсек.). (Косой пунктир указывает на рост фазового сдвига).

современных африканских географических названиях, как-то: Гана, Мали, Харар (название эфиопского города, ср. кофе «харари»). Для перевода значительной части этих названий был необходим не только пословный, но и пофонемный прием и соответствующая транслитерация по законам звуковых соответствий, принятых при транслитерации географических и исторических названий. Контрольная фраза 2/1 дает больший процент перевода, чем стоящие рядом три контрольных фразы 2/2 (а, б, в), в которых наблюдается наибольший процент полного отсутствия переводов. В последнем случае это объясняется невозможностью осуществить последовательный прием сразу трех неосмысленных предложений.

Сравнительно высокий процент полного перевода фразы 3/2 (50%) объясняется тем, что эта контрольная фраза появляется в тексте повторно. Результат перевода контрольной фразы 3/5 прокомментирован выше.

Таким образом, в эксперименте полностью подтвердилось то предположение, что при отсутствии опорных элементов для прогнозирования в синхронном переводе появляются сбои, пропуски и искажения, другими словами, нарушение собственно перевода.

Эксперимент подтвердил и положение о том, что переводчик может «работать» по «подсказанной» гипотезе, не замечая ее отличия от реального развития или завершения высказывания.

В следующей таблице приводятся результаты переводов контрольных фраз с «подсказанной» гипотезой.

Таблица 11

№ контрольной фразы	Правильный перевод	Перевод по подсказанной гипотезе	Отсутствие перевода
1/1	4, 8, 9, 10	1, 2, 7, 11	
1/2		7, 9, 10, 11	1, 2, 3, 4, 8
1/3	1, 2, 10	7	3, 4, 8, 9, 11
1/4			1, 2, 3, 4, 7, 8, 9, 10, 11
1/6	4, 7, 8, 9, 10, 11	3	1, 2
1/7		1, 4, 7, 9, 11	2, 3, 8, 10
3/4	2, 4, 10		1, 11
3/6	7, 11	1, 2, 3, 4, 9, 10	
3/7		1, 2, 3, 7, 10, 11	4
3/8	11	1, 2, 3	4, 7, 10

Прокомментируем полученный результат. Напомним, что фраза 1/1 предполагала подсказку всего лишь одного слова. Этим объясняется наличие правильного перевода в 50% случаев. Наличие 6 правильных переводов из 9 контрольной фразы 1/6 объясняется главным

образом ошибкой диктора, который при прочтении текста сделал интонационное выделение ключевого места в контрольной фразе.

В целом в таблице можно заметить некоторую разницу в результате при переводе с английского языка на русский язык (для большинства переводчиков, кроме одного, родным языком являлся русский язык — контрольные фразы с № 1/1 по 1/7) и в переводе контрольных фраз с русского языка на английский язык (контрольные фразы № 3/4—3/8). В первом случае наблюдается значительно большее число случаев полного отсутствия перевода, во втором случае преобладает перевод по «подсказанной» гипотезе. Полученный результат может свидетельствовать о том, что процесс прогнозирования увереннее идет при восприятии речи на родном языке, чем при восприятии речи на втором языке даже при высокой квалификации испытуемых.

Эта тенденция подтверждается также и следующим исключением. При общей тенденции к «работе» по «подсказанной» гипотезе при переводе с русского на английский язык переводчик № 7 (английский язык — родной), как видно из таблицы, при переводе с английского языка на русский язык 4 раза переводит по «подсказанной» гипотезе и один раз дает правильный перевод, а при переводе с русского языка на английский лишь один раз «работает» по «подсказанной» гипотезе. Для сравнения показательны результаты переводчиков № 1, 2, 3: при переводе с английского языка на русский язык переводчик № 1 работает по «подсказанной» гипотезе два раза, № 2 и 3 — по одному разу, а при переводе с русского на английский язык переводчики № 1, 2 и 3 переводят по «подсказанной» гипотезе три раза из четырех возможных.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что при переводе предложений типа «В популярной телевизионной передаче... недавно прозвучала фраза: «Лучше меньше, да «ЛУЧ»...» — переводчик-синхронист, слушая оратора, только подтверждает свою гипотезу вероятности появления последующего слова, опираясь на некоторые опорные критические точки и не проводя дальнейшего анализа слухового сигнала. В приведенной фразе переводчики сличали свою гипотезу о наиболее вероятном в смысловом отношении завершении фразы «л у ч ш е» с первыми элементами реального звучания и не обращали внимания на то, что слог «ше» отсутствует. По данным эксперимента в 75% случаев переводчики «шли» по своей гипотезе, обусловленной высокой лингвистической и смысловой вероятностью прогнозируемого завершения фразы.

Приведем примеры.

Пример I. Текст ИЯ:

В популярной телевизионной передаче... недавно прозвучала фраза: «Лучше меньше, да «ЛУЧ»...»

Текст ПЯ (переводчик № 9) :

In a recent ... in a recent television... programme, television

show ... the phrase "Better... fewer... better fewer than... better fewer... eh... than better..."

Здесь после колебаний, несмотря на искажение смысла, переводчик пытается передать поговорку, которая соответствует «подсказанной» гипотезе. Второй переводчик выдает подсказанный вариант уже без колебаний.

Текст ПЯ (переводчик № 1):

In a popular television programme., a Soviet programme, we heard the phrase recently: "Better less but better".

Пример II. Текст ИЯ:

Возьмем другой пример: «Декабрь, январь, февраль — самые суровые месяцы года: март, апрель, май — месяцы весны, тепла, но, правда, нет непостоянного настроения; июнь и Юли-на пятерка зато всегда создавали хорошее настроение»...

Текст ПЯ (переводчик № 3):

Let's take another example: "December, January, February... are the most eh ... severe months... in a year., March, May, April are the months of spring... and warmth..., but of varying mood... June, July are the fifth, but they always created good mood."

Текст ПЯ (переводчик № 7):

For instance: "December, January, February... are the most severe months of the year... March, April, May... are the spring months... the months of warmth... but of not constant emotions... June and July have always been months of good moods..."

Текст ПЯ (переводчик № 11):

Let's take another example: "December, January, February... are the sternest months of the year; May, April and May are the months of spring and warmth... June... eh... July have always been congenial to a happy mood..."

Последний переводчик колеблется перед словами June, July, у него появляются огромные паузы хезитации; по-видимому, осознается ошибочность гипотезы, но восстановить оригинал переводчик уже не в состоянии — перевод идет «по гипотезе».

Полученные в эксперименте результаты (как «отрицательный» результат — нарушения синхронного перевода при переводе бессмысленных фраз, так и «положительный» результат — перевод по «подсказанной» гипотезе) позволяют сделать ряд выводов о механизме вероятностного прогнозирования как на уровне прогноза вероятности сочетаемости слов, так и на более высоком смысловом уровне.

Полученные результаты в то же время позволяют сделать и ряд дополнительных выводов.

Рассмотрение результатов эксперимента мы начнем с обсуждения вопроса об уровне сочетаемости слов. Перевод первой серии контрольных неосмысленных фраз показывает, что важнейшим фактором вероятностного прогнозирования на вербальном уровне вероятностного прогноза является сочетаемость слов, то есть наличие в сочетающейся паре слов общей семы, позволяющей образовать смысл при их сочетании. Таким образом, рассматривая высший уровень лингвистического яруса, уровень сочетаемости слов, в вероятностном прогнозе при восприятии речи в синхронном переводе мы сразу же сталкиваемся с двойственным характером этого уровня, ибо уже на этом уровне ведущую роль, как показывает проанализированный материал, играет уровень смыслообразования. Возможность образования, формирования смысла при сочетании двух слов, а это, в свою очередь, возможно при наличии у них общей семы (Гак, Апресян), свидетельствует о том, что смысловой уровень является ведущим, играет своего рода роль фильтра, позволяющего сочетать два слова или же, наоборот, ставящего запрет для сочетания конкретной словесной пары. Указанное соображение приводит к необходимости, прежде чем закончить обсуждение результатов данного эксперимента, рассмотреть, что такое смысл и смысловые уровни организации текста.

Глава 7. СМЫСЛ. ГРАММАТИЧЕСКОЕ И СЕМАНТИЧЕСКОЕ СОГЛАСОВАНИЕ — ОСНОВА ВЕРОЯТНОСТНОГО ПРОГНОЗА НА СМЫСЛОВОМ УРОВНЕ

“...and the moral of *that* is — ‘Take care of the sense, and the sounds will take care of themselves’.”

*Lewis Carroll**

Уже беглый и поверхностный взгляд на результаты эксперимента по переводу текстов, содержащих предложения с «несочетающимися» комбинациями слов, свидетельствует о том, что основные затруднения переводчики испытывают тогда, когда они встречаются с «бессмысленными» сочетаниями слов. Более глубокий уровень анализа должен дать ответ на вопрос, что такое «бессмысленная» или «осмысленная» цепочка слов — как на уровне словосочетания, так и на уровне предложения — и, в конечном счете, каков механизм образования «смыслов» в речи. Только на этой основе возможен убедительный анализ механизма вероятностного прогнозирования при

* L. Carroll. *Alice's Adventures in Wonderland*, p. 133.

восприятию речи в процессе синхронного перевода на смысловых его уровнях.

Понятие смысла в речи разработано Н. И. Жинкиным,* который указывает, что «в речи кроме алфавита слов есть еще алфавит смысловых сочетаний двух слов».** Смыслом Н. И. Жинкин называет «такой информационный ряд, который может быть преобразован в последовательность синонимически заменяемых слов, но сам не является рядом слов, и такой, который ограничивает информацию определенными рамками, в пределах которых начатый ряд может быть продолжен. ... Так как слова могут быть преобразованы в смысл и наоборот, то смысл — это код. Минимальная единица смысла перекодируется в два слова, про которые говорят, что они связаны по смыслу...»*** «... Мера изменения информации в двух сочетающихся словах является минимальной единицей смысла.»****

Для того чтобы разобраться в действии механизма вероятностного прогнозирования в синхронном переводе, этого определения, однако, оказывается недостаточно. Необходимо сделать еще один шаг и выяснить, как, по каким законам происходит сочетание слов в речи и, следовательно, образование смыслов.

Как и во всяком алфавите,***** элементы, составляющие его, неоднородны и могут сочетаться не в любых вариантах. Взятые случайно два слова любого языка вовсе не обязательно могут составить осмысленное сочетание. Для того чтобы сочетаться, слова должны удовлетворять определенным условиям.

Прежде всего следует уточнить, что, говоря о сочетании «двух слов» как элементарной единице смысла, Н. И. Жинкин вводит существенное ограничение, связывая такую сочетаемость прежде всего с их «информационным содержанием» или языковыми значениями слов. Другими словами, несколько уточняя определение, мы можем говорить о смысле как сочетании не слов, а их значений. Таким образом, выражение «сочетание слов по смыслу» предполагает наличие таких закономерностей в значениях сочетающихся слов, которые позволяют образовать «информационный ряд, который может быть преобразован в последовательность синонимически заменяемых слов, но сам не является рядом слов».

Семантические исследования в лингвистике последних полутора десятилетий***** привели, во-первых, к выделению семантиче-

* Н. И. Ж и н к и н. Четыре коммуникативные системы и четыре языка. В сб.: «Теоретические проблемы прикладной лингвистики». М., МГУ, 1965; е г о ж е. Внутренние коды языка и внешние коды речи; и особенно: Грамматика и смысл.

** Н. И. Ж и н к и н. Грамматика и смысл, с. 76.

*** Там же, с. 83.

**** Там же, с. 77.

***** Мы уже приводили пример закономерностей в сочетании фонем русского языка (см. гл. 5), связанных с составом дифференциальных признаков, присущих каждой фонеме.

***** В настоящем разделе мы в первую очередь будем опираться на работы: С. Д. Кацнельсон. Типология языка и речевое мышление. Л.,

ских компонентов в составе цельного лексического значения слова и, во-вторых, к формулировке основного семантического закона сочетания слов. Мы приведем его в формулировке Ю. Д. Апресяна: «...Основной семантический закон, регулирующий правильное понимание текстов слушающим: выбирается такое осмысленное данное предложения, при котором повторяемость семантических элементов достигает максимума».*

Таким образом, теоретико-информационная необходимость повторяемости семантических компонентов речи, исходящая из факторов речевой избыточности, находит свое подтверждение в результатах семантико-лингвистических исследований последних полутора десятков лет.

Это важное положение современной лингвистики позволяет на лингвистическом уровне вскрыть действие механизма вероятностного прогнозирования как основы синхронного перевода.

Приведем в качестве иллюстрации следующий пример.**

Услышав предложения: *There are three ways to respond to the challenge. Every single speaker stressed the need (to solve the problem)*, — любой человек, знающий английский язык, поймет их вполне однозначно. Возникает вопрос: на каком основании?

Для простоты будем считать строго однозначными слова *there, are, three, every, a* также предлоги, и выпишем в столбик значения слов *way, respond, challenge, single, speaker, stress, need*, используя для этого некоторые из толкований, приводимых словарями английского языка.***

Если бы мы соединяли данные значения произвольным образом, мы могли бы получить несколько «полуосмысленных» предложений и большое число совершенно бессмысленных истолкований ($2 \times 2 \times 3 = 12$ в первом предложении и $3 \times 3 \times 3 \times 2 = 54$ в рассматриваемой части — до скобок — второго предложения), например, такую последовательность: *There are three town roads with houses on both sides to write something in return to the order given by a*

«Наука», 1972; В. Г. Гака. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания. В сб.: «Семантическая структура слова», М., «Наука», 1971; В. Г. Гака. К проблеме семантической синтагматики. В сб.: «Проблемы структурной лингвистики, 1971», М., «Наука», 1972; Ю. Д. Апресян. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., «Наука», 1974.

* Ю. Д. Апресян. Лексическая семантика. Синонимические средства языка, с. 14. Ср. формулировку В. Г. Гака: «Основной закон семантического сочетания слов сводится к тому, что для того, чтобы два слова составили правильное сочетание, они должны иметь, помимо специфических, различающих их сем, одну общую сему». (В. Г. Гака. К проблеме семантической синтагматики, с. 375)

** Пример составлен по образцу аналогичного русского примера, приводимого Ю. Д. Апресяном в работе «Лексическая семантика. Синонимические средства языка», с. 13—14.

*** Для простоты иллюстрации мы приводим максимум по три значения, хотя в действительности приводимые в примере слова значительно более многозначны.

way	respond	challenge	single	speaker	stress	need
1) street (town road with houses on both sides)	1) answer (write something in return)	1) problem difficult to put an end to	1) one only	1) person who makes a public address	1) insist on the value of something	1) compelling force or reason
2) method of doing something	2) do something as a reaction to a diffi- cult situation	2) invitation to play a game	2) individual	2) person who presides over an assembly	2) insist on the import- ance of something	2) state of being poor
		3) order given by a sentry to stop	3) unmarried	3) piece of radio equipment producing loud sounds	3) subject to the pressure of external forces	

sentry to stop (выбраны значения 1, 1, 3) и Every unmarried president of the assembly insisted on the value of being poor... (выбраны значения 3, 2, 1 и 2).

Искомое однозначное истолкование («осмысление») данных предложений будет получено, если на основании приведенного выше семантического закона сочетаемости мы будем соединять значения, содержащие максимум повторяющихся семантических компонентов (значения 2, 2 и 1 — в первом предложении и значения 2, 1, 2 и 1 — во втором предложении): There are three methods of *doing something* — to *do something* reacting to a *difficult* situation — to put an end to this *difficult* problem. Every *individual* — *person* making' a public address — *insisted* on the *importance* — of a *compelling* reason— ...

Закон семантической сочетаемости слов в приведенной выше формулировке позволяет теперь понять,* почему слушающий, встречаясь с амбивалентным или многозначным предложением, выбирает наиболее вероятное осмысление в данном контексте: наибольшая повторяемость семантических компонентов означает наибольшую избыточность данного «осмысления» и, следовательно, наибольшую его вероятность.

Избыточность означает возможность «включения» механизма вероятностного прогнозирования при восприятии речевого сообщения.

Анализ переводов «бессмысленных» контрольных фраз в эксперименте** выявил еще одну любопытную деталь. Если число корректных переводов «бессмысленных» контрольных фраз составляет всего лишь 11,1%,*** то структура простого повествовательного предложения, форма предложения сохраняется в 52% случаев.

Этот факт, очевидно, свидетельствует о значительной степени самостоятельности синтаксической информации в предложении и известной независимости ее от лексико-семантической информации.

Рассмотрим словесные последовательности:****

(I_a) *эту картину с большим трудом и*

(II_a) *эта картина с большим трудом,*

взятые соответственно из предложений:

(I) *Художник написал эту картину с большим трудом и*

(II) *Эта картина была написана художником с большим трудом.*

Осмысление указанных последовательностей (I_a и II_a) оказывается невозможным ввиду разрыва смысловой связи между двумя словосочетаниями:

эту картину (эта картина) || с большим трудом

* См. цитату из Рубенштейна в гл. 5.

** См. гл. 5.

*** Гл. 6, таблица 10.

**** Комментарий по поводу этого известного примера см. в работе: В. А. Звегинцев. Язык и лингвистическая теория. М., МГУ, 1973, с. 171.

Чем объяснить явно ощущаемый здесь разрыв смысловой связи? Представим в виде дерева предложение (I).

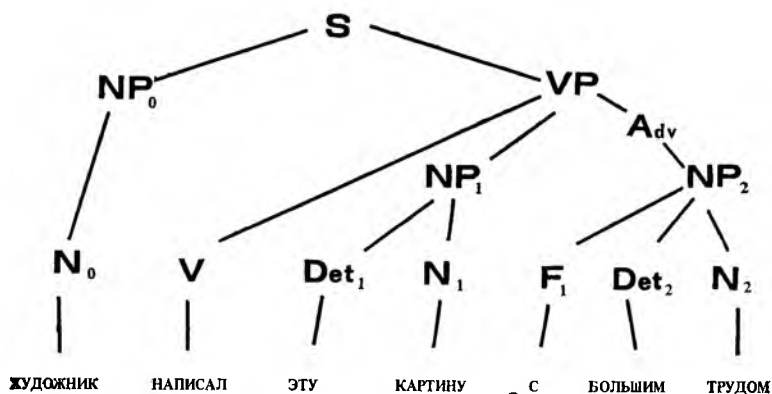

Рис. 6

Возможные осмысленные сочетания:

- (1) художник написал
- (2) эту картину
- (3) с большим трудом
- (4) написал (эту) картину
- (5) написал с (большим) трудом

«Неосмысленные»* сочетания:

- (6)* художник картину
- (7)* художник с (большим) трудом
- (8)* картину с (большим) трудом

Эти связи можно представить в виде следующих структурных формул:

$$(1) S \rightarrow NP_0 + VP \Rightarrow N_0 + V$$

$$(2) NP_1 \Rightarrow Det_1 + N_1$$

$$(3) NP_2 \Rightarrow F + Det_2 + N_2$$

* «Неосмысленные» берется в кавычки, так как это не бессмысленные сочетания: это лишь сочетания, требующие для своего осмысления примысливания чего-то сверх того, что в нем эксплицитно содержится, например: «художник картину...» «...написал, одобрил, раскритиковал, уничтожил, продал, отправил на выставку...» и т. п.

$$(4) VP \rightarrow V + NP_1 \rightarrow V + (Det_1) + N_1$$

$$(5) V + NP_2 \rightarrow V + (F + (Det_2) + N_2)$$

$$(6) N_0 + N_1 \not\leftarrow NP_0 + NP_1$$

$$(7) N_0 + (F + (Det_2) + N_2) \not\leftarrow NP_0 + NP_2$$

$$(8) N_1 + (F + (Det_2) + N_2) \not\leftarrow NP_1 + NP_2$$

где: NP_0 — субъект

VP — предикат

NP_1 — прямой объект

NP_2 — косвенный объект

Det — определитель

F — функциональное (служебное) слово.

Из (6), (7) и (8) следует вывод об отсутствии непосредственной синтаксической связи между номинативными элементами предложения — субъектом, прямым и косвенным объектом. Связь между ними может осуществляться только через выраженный (или имплицитный) предикативный элемент предложения. Этот вывод можно обобщить в формализованной записи:

$$(9) NP_a + NP_b \not\rightarrow$$

$$NP_b + NP_c \not\rightarrow$$

...

$$(10) NP_k + NP_j \not\rightarrow$$

Запись (10) имеет следующее содержательное истолкование: именные группы в составе предложения не имеют непосредственных синтаксических связей. Нетрудно заметить, что приводимый выше пример (1_a) представляет собой (8) или частный случай (10).

Если продолжить этот анализ, то нетрудно увидеть, что (II) есть пассивная трансформация (I) в смысле Н. Хомского, а (I) представляет собою базовую структуру для (II). Это можно представить в виде синтетической схемы-дерева для (II).

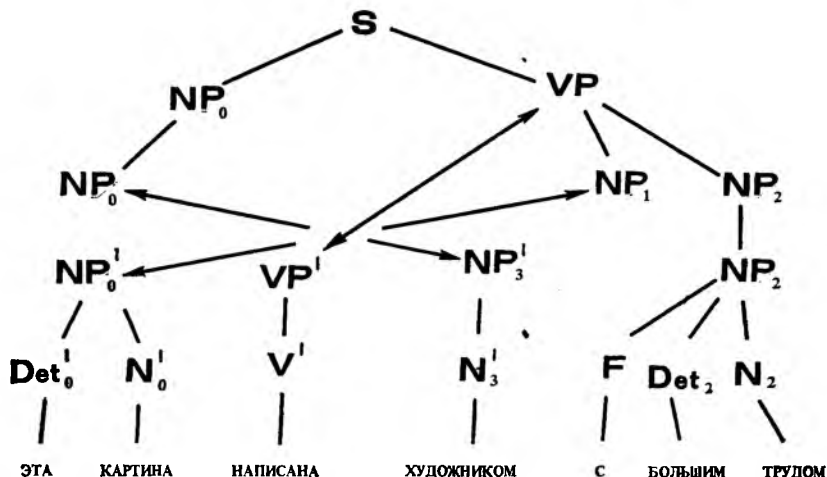

Рис. 7

где символы имеют следующее значение:

- N_0 — существительное в именительном падеже
 N_2, N_3 — существительное в косвенном падеже
 Det_0, Det_2 — определители к N_0, N_2
 NP_0', NP_3' — подлежащее, косвенное дополнение и т. п. поверхностной пассивной структуры, а
 NP_0, NP_1, NP_2 — уже знакомые нам категориальные показатели структуры (I), являющейся базовой (глубинной) для пассивной структуры (II).

Возможные осмысленные и «неосмысленные» связи вновь совпадают с наличием или отсутствием прямой синтаксической связи (выходом стрелок из одного узла на схеме).

Возможные осмысленные связи:

«Запрещенные» сочетания:

(11) эта картина	(16)* картина художником
(12) картина написана	(17)* картина с (...) трудом
(13) написана художником	(18)* художником с (...) трудом
(14) с большим трудом	
(15) написана с (...) трудом	

Пропуская соответствующие структурные формулы на поверхностном уровне, укажем, что на глубинном уровне (16), (17) и (18) обобщаются уже знакомой формулой (10).

Нетрудно заметить, что осмысленные связи между отдельными словами совпадают с синтаксическими связями, показанными на дереве зависимостей, возникающими в речи, в предложении как речевой единице.

На эту связь следующим образом и весьма категорично указывает И. А. Зимняя: «...основным определяющим динамику мысли типом межпонятийной смысловой связи является предикативная связь, ранее других формируемая в онтогенетическом речевом развитии и составляющая основу, ядерную модель порождения речевого высказывания»*. Тогда, понимая глубинную структуру как модель первичного акта предикирования, то есть «осмысления», как модель формирования элементарного смысла, мы можем сказать, что сочетаемость возможна там, где реконструкция глубинной структуры указывает на наличие предикативной связи между словами.

Сказанное относится, естественно, и к атрибутивным сочетаниям типа с *большим трудом* и т. п., ибо каждое такое сочетание есть депредикированная номинализация, имеющая в своей деривационной истории предикацию.

Смысл возникает в речи через первичные акты предикирования, ставящие в прямые связи по крайней мере два значения (два слова). Однако не каждая пара (или больше) слов словаря данного языка может быть поставлена в прямые отношения. Для этого необходимо выполнение и второго условия — их семантической сочетаемости.

Комментируя трактовку закона семантической сочетаемости как семантического согласования** В. Г. Гаком, Апресян указывает, что «между грамматическим и семантическим согласованием имеется существенное различие: слово А, грамматически согласованное с В, заимствует у последнего определенные значения в данном тексте; между тем семантически согласованные друг с другом слова А и В не приобретают общие смысловые элементы в тексте, а имеют их еще в словаре. Бесспорно, однако, что понятие согласования (повторяемости каких-то элементов языковой информации) может быть обобщено таким образом, что грамматическое и семантическое согласование предстанут как его частные случаи»***

Несомненно, что характер грамматического (синтаксического) согласования отличается от семантико-смыслового значительно

* И. А. Зимняя. Психологический анализ говорения как вида речевой деятельности. В сб.: «Методика преподавания иностранных языков в вузе», т. III, ч. I, М., 1973, с. 58.

** «Итеративность сем в высказывании выступает как формальный способ организации предложения на семантическом уровне и может интерпретироваться как семантическое согласование, в принципе подобное грамматическому согласованию...» (В. Г. Гак. К проблеме семантической синтагматики, с. 379)

*** Ю. Д. Апресян. Лексическая семантика. Синонимические средства языка, с. 14.

большей степенью абстрагированности, обобщенности согласуемых (повторяющихся) компонентов. По-видимому, в некоторых случаях не очень легко провести четкую грань между семантическими компонентами, выражаемыми лексически и грамматически, и факт этот давно уже отмечен в лингвистической теории перевода.* В приводимом в работе В. Г. Гака списке некоторых сем, общих для согласуемых семантически слов, — «классем», по терминологии Греймаса и Потье, — рядом приводятся такие семы, как *мужской пол/женский пол; взрослая особь/молодая особь* — с одной стороны, и *материальность/нематериальность, счисляемость/несчисляемость, переходность/непереходность действия* — с другой.**

В этом отношении особенно большой интерес для рассматриваемой нами темы представляет попытка С. Д. Кацнельсона*** выделить универсальную типологическую основу для классификации семантических компонентов, представленных в значениях полнозначных слов языка. В качестве основы конфигурации семантических компонентов, образующих значение слова, автор выделяет **категориальные семантические компоненты** в отличие от «эмпирических», надстраивающихся над категориальными. Он указывает, что «основные синтаксические функции и предполагаемые ими синтаксические отношения образуют основу для распределения лексических значений по грамматическим классам. На этой основе совершается деление всех лексических значений (кроме событийных) на субстанциональные и несубстанциональные. Дальнейшее членение лексических значений на более дробные классы обусловлено специализацией основных синтаксических функций...» И далее: «В основе деления лексических значений на классы лежат... синтаксические категории. Наряду с семантико-синтаксическими категориями, на базе которых производится выделение грамматических классов, в классификации представлены и категории..., которые можно назвать логико-грамматическими или онтологическими. ...Если семантико-синтаксические категории дают основание для выделения грамматических классов, то логико-грамматические категории служат основанием для разбиения грамматических классов на подклассы. Число основных семантико-синтаксических функций в языке невелико и соответственно невелико число грамматических классов. Логико-грамматических категорий несравненно больше».****

Фундаментальным понятием для выяснения лингвистической

* Л. С. Бархударов формулирует это явление следующим образом: «Значения, являющиеся лексическими в одном языке (то есть выражаемые в нем через словарные единицы), в другом языке могут быть грамматическими (то есть выражаться «несловарными средствами») и наоборот». (Л. С. Бархударов. Язык и перевод, с. 143)

** В. Г. Гак. К проблеме семантической синтагматики, с. 375.

*** С. Д. Кацнельсон. Типология языка и речевое мышление.

**** С. Д. Кацнельсон. Типология языка и речевое мышление, с. 170—171.

основы смыслообразования как сочетания значений по меньшей мере двух слов* является выделяемая в анализе С. Д. Кацнельсона функция эксплицирования, из которой «логически выводятся» синтаксические свойства лексических значений.

В основе анализа конфигурации (то есть структурированной организации семантических компонентов в составе значения) семантических компонентов, по Кацнельсону, лежат понятия интенционала и экстенционала («совокупности признаков, в опоре на которые выделяется отображаемый данным значением класс объектов», и «мысленное отражение объектов, выделенных с помощью интенционала»). «Интенционал выявляет в разных предметах общую для них и в этом смысле инвариантную конфигурацию признаков, образующую основу для выделения класса; экстенционал же имеет дело с уже выделенным классом, элементы которого выступают в виде вариантов, каждый из которых чем-то отличается от других»**. И далее: «Экстенционал.., допуская вычленение отдельных признаков предмета, назависимо от того, входят ли они в состав интенционала или нет.., указывает на пересечение классов» (разрядка моя. — Г. Ч.).** Последнее означает, что именно в экстенционале заложена возможность сочетаемости слов: пересечение классов означает повторяемость некоторых признаков в сочетающихся конфигурациях семантических компонентов. Но, сочетаясь, конфигурации семантических компонентов значений эксплицируют*** друг

* См. выше.

** Там же, с. 136, 138—139.

*** «Самыми общими категориями семантико-синтаксического плана является экспликандум и экспликант...

Экспликант может служить целям экстенционального отграничения субстанционального значения, уточнения референта относительно класса объектов, к которому он принадлежит... Мы с помощью экспликантов выделяем референты как актуальные элементы определенного класса, противопоставляя их другим элементам того же класса... Актуальность признака выражается здесь в том, что он сужает субстанциональное значение, подготавливая тем самым его появление в высказывании.

Иную функцию выполняет экспликант, указывающий на непосредственное отношение экспликандума к событию, обозначенному предикатом... Если экспликанты первого рода соотносят референты с другими элементами их классов, остающимися вне данного предложения, то экспликанты второго рода соотносят референт с событием, а если референтов в предложении много, то всех их вместе с событием, выраженным в предложении. Экспликанты первого рода действуют по парадигматической оси; отбирая нужные элементы из класса одноименных объектов, они тем самым оставляют в стороне все остальные элементы данного класса. Экспликанты второго рода действуют по синтагматической оси; они объединяют разные субстанциональные значения (если в предложении их несколько)—независимо от их экстенционалов—в единое высказывание. Поскольку, наконец, экспликанты первого рода актуальны лишь в плане экстенциональной характеристики предмета, то они могут быть заменены другими экспликантами, либо вовсе опущены, не нарушая целостности предложения. Без экспликантов второго рода предложение, как такое, невозможно.

друга, тем самым «изменяя меру информационного содержания» или создавая элементарный смысл.

Таким образом, мы можем выделить два уровня в образовании смысла — уровень категориально-синтаксический, теоретические основы которого разработаны С. Д. Кацнельсоном, и уровень лексико-эмпирический, при анализе которого мы в первую очередь будем опираться на идеи Ю. Д. Апресяна.

Отсутствие непроходимой грани между синтактико-категориальным и лексико-эмпирическим уровнями в образовании смысла в предложении можно проиллюстрировать следующим примером.

По сути, нельзя считать полностью бессмысленным* известное предложение Н. Хомского: *Зеленые идеи яростно спят*.

Достаточно, во-первых, сравнить это предложение со списком слов: *зеленый, идея, спать, яростно* — и, во-вторых, — с предложением: *В голове у него зашевелились идеи*. Если, будучи заданным списком, этот ряд слов остается совершенно бессвязным, то в предложении он начинает допускать некоторое осмысление. Если идеи могут «зашевелиться», то очевидно, что они могут и «спать». В то же время *зеленый* и *яростно* будут допускать метафорические, субъективные осмысления, хотя для полного осмысления не хватает повторяемости компонентов лексико-эмпирической семантики.

Еще показательней известный пример Л. В. Щербы: *Глокая куздра штеко будланула бокра и будлачит бокренка*.

Попытка осуществить перевод этого предложения на английский язык, как ни удивительно, не только возможна, но и как бы «проявляет» на лексико-семантическом уровне ряд семантических компонентов, которые в русском предложении фигурируют на чисто грамматическом уровне:

The gloical couzder has given a shtecky boudle to the boker and keeps boudling its little.

Кстати, и «зеленые идеи...» переселились в русскую лингвистическую литературу как перевод с английского языка.

Роль синтаксиса (мы бы предпочли говорить о роли глубинного синтаксиса**) в процессе смыслообразования признается

Экпликанты обоих типов хорошо известны в традиционной грамматике, первые — под именем атрибутов (определений), вторые — под именем предикатов (сказуемых).

Расщепление экпликантов на атрибуты и предикаты не остается без последствий для их экпликандумов. Среди последних теперь приходится различать детерминандумы (определяемые) и предикандумы («дополнения» в широком смысле). Предикандумы — это, таким образом, субстанциональные значения, эксплицируемые с помощью предикатов». (С. Д. Кацнельсон. Типология языка и речевое мышление, с. 156—158)

* Ср. противоположное мнение В. А. Звегинцева (Язык и лингвистическая теория, с. 171).

** Ср. у Л. С. Бархударова: «... Указанная концепция исходит из наличия в строе предложения двух типов синтаксических отношений — отношений

Н. И. Жинкиным,* который указывает на наличие специфической обратной связи между механизмами «грамматики и смысла».**

Таким образом, если осмысленность сочетаний слов зависит от их синтаксической и лексической сочетаемости, а последняя в свою очередь возможна при повторяемости категориальных и эмпирических, синтаксических и лексических, семантических компонентов слов и, следовательно, от семантической избыточности предложения, то механизм вероятностного прогнозирования при восприятии сообщения в процессе синхронного перевода получает прочную лингвистическую основу.

Глава 8. ВОСПРИЯТИЕ СЕМАНТИКО-СМЫСЛОВОЙ СТРУКТУРЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

1. ОСМЫСЛЕНИЕ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕВОДА

Обратимся к более детальному и конкретному анализу семантико-смысловой стороны воспринимаемого высказывания или, в свете изложенного в предыдущей главе, к анализу синтаксической и семантической сочетаемости на уровне предложения.

В принципе следует согласиться с Ю. Д. Апресяном в том, что «умение отличать семантически связные тексты от несвязных приводит к» необходимости выработать единый язык семантических описаний, ибо «каждое из сложных значений должно быть представлено в виде комбинации более простых значений, а каждое из этих простых значений должно... всегда называться одинаково: если одно и то же простое значение будет называться по-разному в зависимости от того, входит ли оно в сложное сочетание «А» или «В», факт его повторяемости в словосочетании АВ не может быть непосредственно установлен»***

поверхностных, то есть формально непосредственно выраженных (морфологически, порядком слов и другими средствами) в данном предложении, и глубинных, вскрываемых только путем сопоставления данного предложения с другими семантически идентичными предложениями того же языка и отражающих существенные смысловые связи элементов предложения друг с другом...» И далее: «...Следует отметить практическое значение теории глубинных структур для ряда отраслей прикладного языкознания, в частности для лингвистической теории перевода. Сопоставительный анализ подлинников и их иноязычных переводов приводит к выводу, что при переводе глубинная структура предложения сохраняется, как правило, неизменной, в то время как его поверхностная структура подвергается обычно многочисленным и разнообразным изменениям или «переводческим трансформациям». (Л. С. Бархударов. К вопросу о поверхностной и глубинной структуре предложения. «Вопросы языкознания», 1973, № 3, с. 54, 60)

* Н. И. Жинкин. Грамматика и смысл, с. 83.

** Там же, с. 84.

*** Ю. Д. Апресян. Лексическая семантика. Синонимические средства, с. 15.

Отсутствие такого готового языка семантических описаний* в современной лингвистике вынуждает нас в ходе анализа экспериментального материала, к которому мы сейчас приступаем, пользоваться описаниями ad hoc, разрабатываемыми специально для каждого описываемого случая.

Мы уже указывали на то, что в «бессмысленных» контрольных предложениях в описанном выше эксперименте передается прежде всего и чаще всего структурная формула простого предложения. Это с неизбежностью означает, что в о с п р и н и м а е т с я прежде всего наиболее абстрактный категориальный (или синтаксический) компонент семантики высказывания, что и составляет первый этап «осмысления».

В контрольном предложении № 2/1: *The ugly beauty rattled up to the top of the sour valley* — практически большая часть предложения воспринимается как формула, группирующаяся вокруг подлежащего и сказуемого: *The ...A... beauty rattled up to the top of the...A...N*. *The ugly beauty* в принципе поддается осмыслению.

Повторяемость семантического компонента («синтагемы» по В. Г. Гаку**) осуществляется здесь на высоком уровне абстракции: экспликандум *beauty*, как и экспликант *ugly*, имеют общие семантические компоненты: категориальный — призначности и эмпирический, который за неимением лучшего определения обозначим «+красота». Это сочетание может быть сознательным, хотя и вычурным, парадоксом, допускаемым автором для подчеркивания отталкивающих черт характера или парадоксального характера «красоты»***. Подлежащее, сказуемое и комплемент вполне осмысленны; нетрудно нарисовать себе картину красавицы, сидящей в грохочущем экипаже, который быстро движется к вершине.

Глагол *rattle ... up (down, along, by, etc.)* обозначает передвижение с шумом (например, о металлическом предмете или передвижение в грохочущем экипаже). В нашем примере он сопровождается указанием на направление движения. Полностью бессмысленными (вне контекста) остаются лишь сочетания *the top of the ... valley, the sour valley*.

2

* В настоящее время имеются лишь фрагменты семантических описаний такого рода. Для русского языка это прежде всего фрагмент толково-комбинаторного словаря, разрабатываемого преимущественно в рамках модели «смысл ↔ текст» (Апресян, Жолковский и др.). На той же лингвистической основе идет работа и над семантическим описанием английского языка, в частности, в Лаборатории машинного перевода МГПИИЯ им. М. Тореза (Шаляпина и др.). На иной основе разработан фрагмент семантического описания английского языка Филмором.

** В. Г. Гаку к проблеме семантической синтагматики, с. 376.

*** В романе А. Хейли «Колеса» есть следующий отрывок: "... After a while she said, "I guess black is beautiful, the way they say. But then I guess everything's beautiful if you look at it on the right kind of day."

"Is this that kind of day?"

"You know what I'd say today? Today, I'd say "ugly is beautiful!"

(A. H a i l e y. *Wheels*. N. Y., 1971, p. 197)

Данное, как и следующее контрольное предложение 2/2 б: The ... A ... N ... walked ... A ... along the ... A... N — строится вокруг глагола, и в нем в норме должны быть замещены обязательные и факультативные валентности глагола. В примере 2/26 практически предсказуемой остается только формула, строящаяся вокруг глагола-сказуемого.

Сочетание the steamy beast маловероятно; пожалуй, оно возможно только в контексте сказки или фантастического рассказа (ср. «огнедышащий дракон»), хотя можно также представить себе эмоциональное описание стеффенсоновского паровоза, даваемое его современником. В сочетании the square circle у значений составляющих его слов есть общая сема — признак геометрической формы. В принципе в этом случае можно ожидать в переводе появления первых двух слов (пусть с пропуском всех остальных) или передачу чистой «формулы» предложения, без осмысления лексической семантики этой фразы переводчиком. Действительно,* первое сочетание переведено у всех четырех переводчиков, которые сохранили в переводе хотя бы несколько слов из этого контрольного предложения.

Как показывают наши примеры, степень осмысленности (или принципиальной «осмысляемости») сочетаний слов в предложениях, заданных в эксперименте испытуемым синхронистам, зависит от наличия повторяющихся семантических компонентов значений в сопоставленных словах. При максимальной повторяемости (избыточности) сочетание можно считать осмысленным; при наличии (но недостаточном числе) повторяющихся компонентов (малой избыточности) сочетание можно считать принципиально «осмысляемым», при отсутствии общих сем — полностью бессмысленным с той лишь оговоркой, что при наличии синтаксической связи сохраняется возможность сочетаемости на основе «согласования» категориальных компонентов.

Проследим теперь результаты перевода в зависимости от степени осмысленности сопоставляемых слов.

Контрольное предложение № 3/1а: *Кислая сладость вскрикнула наземь от ожирения*. Составим небольшую таблицу, в первой графе которой будут допустимые сочетания, во второй — поддающиеся осмыслению в определенной ситуации, в третьей — практически бессмысленные.

1.

2.

3.

кислая сладость

сладость вскрикнула
вскрикнула наземь
вскрикнула от ожирения

* См. табл. 10 в гл. 6.

В данном примере первая графа остается незаполненной, во вторую графу попадает сочетание *кислая сладость*, уже прокомментированное выше.*

Контрольное предложение № 3/16 и 3/2: *Проходной букет вытек с холодным шумом.*

1.	2.	3.
вытек с ... шумом	с холодным шумом	проходной букет букет вытек

Результат эксперимента показал, что первое сочетание передано тремя из десяти переводчиков; второе, хотя оно и допускает осмысление как поэтический образ (конечно, в соответствующем, хотя бы минимальном, контексте), не перевел ни один; два сочетания из третьей графы переведены соответственно двумя из десяти и четырьмя из десяти.

На результат перевода этого предложения, несомненно, оказал влияние тот факт, что оно шло вторым в серии и должно было прослушиваться в момент расшифровки и декодирования первого примера.

Для сравнения укажем, что контрольное предложение 3/2, которое являлось повторением этого примера и было предъявлено не в серии, а отдельно, было переведено следующим образом: первое сочетание (предикат+комплемент) — в 80% случаев, второе — 50%, третье — 40% и, наконец, четвертое (субъект+предикат) — 70%.

Контрольная фраза № 3/1в:** *Круглый квадрат пола, летя под полом.*

1.	2.	3.
квадрат пола (70%)	круглый квадрат (60%) квадрат ..., летя (80%) летя под полом (50%)	

Первое сочетание вполне допустимо (указание на форму *пола*), оно и получает второй (после сочетания субъекта и предиката) результат — 70% передачи.

Вторая графа содержит три сочетания, о которых, с одной стороны, нельзя сказать, что они являются осмысленными, но и нельзя исключить возможность осмысления.

Сочетание *квадрат ... летя (летел)*, например, возможно в рассказе о «летающих тарелках» и т. п.

Квадрат, являясь абстрактной геометрической фигурой, в то же время может быть осмыслен как материальный объект. Именно

* См. гл. 6.

** В скобках после словосочетания приводится процент передачи данного словосочетания.

сочетание с глаголом *лететь*, передающим действие, свойственное только материальным объектам, в том числе живым существам, и заставляет как бы принудительно внести сему «материальный объект», «неизвестный материальный объект, отличительной чертой которого является его форма», в семантическую структуру слова. Ср. также математическое понятие «квадратуры круга».

Сочетание *летя (летел) под полом* возможно, например, употребить в отношении летучей мыши и т. п.

Сочетание *лететь под* также допустимо с точки зрения семного состава его компонентов: глагол *лететь* требует примысливания пространства, означает передвижение в пространстве, не по поверхности, и потому легко сочетается с пространственным предлогом.

Конечно, каждый такой акт осмысления требует определенных умственных усилий и, следовательно, известного времени. Реальное осмысление в ходе синхронного перевода, естественно, исключается, но сама потенциальная возможность «осмысления», как бы «потенциальная осмысленность», дает некоторую возможность перевода.

Любопытно прокомментировать контрольное предложение № 3/5 — фразу из стихотворения В. В. Маяковского, взятую вне контекста: *Угрюмый дождь скосил глаза*.

1.

угрюмый дождь
скосил глаза

2.

дождь скосил глаза

Угрюмый дождь — вполне допустимая поэтическая персонификация, и в этом случае сема одушевленности как бы «пересаживается» на семантическую структуру слова *дождь*. Приобретая сему одушевленности, сочетание *угрюмый дождь* без труда сочетается с сочетанием *скосил глаза*, в котором сема одушевленности составляет неотъемлемый компонент семантики. Таким образом, кажущееся несочетаемым становится легко сочетаемым, хотя, естественно, уровень семантической избыточности во фразе в целом остается низким. Последнее не может не служить препятствием для синхронного перевода, однако это препятствие, как показал результат эксперимента, не является непреодолимым: 75% испытуемых синхронистов осуществляют полный (в пределах требований синхронного перевода, то есть семантически точный) перевод данной фразы. Это наивысший процент по контрольным фразам такого типа.

Правильному восприятию наиболее информативного, а следовательно, трудного для восприятия компонента фразы — восприятие поэтической персонификации — способствует ритмическая организация фразы — четырехстопный ямб, несущая дополнительную информацию (информацию о том, что контрольная фраза — строка из поэтического произведения).*

* См. у И. Р. Гальперина: «...Ритмическая организация стихотворной речи, ее звуковая упорядоченность... — это те компоненты данного вида речи,

2. СХЕМА СЕМАНТИКО-СМЫСЛОВОЙ СТРУКТУРЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В работах последних лет по семантике авторы их все чаще приходят к выводу о том, что семантические компоненты в составе значения слова («семы», «семантические множители» и т. п.) структурно упорядочены и что значение состоит не из «пучка» семантических компонентов, задаваемых таблицей или списком (как это делалось в ряде более ранних работ), а представляет собой их конфигурацию.* Это значит, что значение иерархически структурировано и имеет внутреннюю структуру не менее сложную, чем структура предложения. Но тогда оказывается, что на семантическом (или, точнее, глубинно-семантическом) уровне синтаксическими отношениями оказываются связанными между собою не слова естественного языка (поверхностного уровня), а семантические компоненты и их конфигурации.

Отсутствие «готового» языка семантических описаний в современной лингвистике вынуждает найти какой-то паллиатив, который позволил бы тем не менее вести семантический анализ поступающих к синхронисту сообщений.

Мы полагаем, что таким описанием при отсутствии «готового» глубинно-семантического языка могут послужить схемы семантико-смысловой структуры «элементарного предложения». ** В этих условиях, однако, большое значение начинает приобретать внутренний («глубинный») синтаксис описания или схемы семантико-смысловой структуры (схемы ССС) фразы.

Мы уже указывали ранее*** на то, что, поскольку смысл устанавливается при «совмещении» значений или конфигураций семантических компонентов по крайней мере двух слов, процесс «осмысления» или создания элементарной единицы смысла можно рассматривать как акт предикцирования или приписывания нового качества или свойства или признака исходному значению (исходной семан-

которые придают сообщению определенную предсказуемость. Однако это предсказуемость, так сказать, высшего порядка. Она раскрывает перед читателем (слушателем) характер информации и, тем самым, концентрирует его внимание на манере изложения. Такая форма изложения мобилизует его рецепторный аппарат на более дискретное восприятие информации...» (И. Р. Г а л ь п е р и н. Информативность единиц языка. М., «Высшая школа», 1974, с. 60)

* См., в частности, работы: С. Д. К а ц н е л ь с о н. Типология языка и речевое мышление. Л., «Наука», 1972; Ю. Д. А п р е с я н. Лексическая семантика. Синонимические средства языка; У. Л. Ч е й ф. Значение и структура языка; и др.

** Или «клаузы» (термин, применяемый В. А. Звегинцевым). Ср. у Дж. Лайонса: «...группа слов со своим собственным субъектом и предикатом, если она является частью большего предложения, является клаузом». J. L y o n s. Introduction to Theoretical Linguistics. Cambridge University Press, 1968, p. 171).

*** Г. В. Ч е р н о в. К построению психолингвистической модели синхронного перевода.

тической конфигурации). Выявленный С. Д. Кацнельсоном* более глубокий процесс эксплицирования как отношения между экспликандумом и экспликантом позволяет сделать следующий шаг в анализе смысловых отношений на семантическом уровне. Дело в том, что отношение экспликандума и экспликанта позволяет установить прямую «родственную» связь между отношениями атрибуции (отношение детерминандум (определяемое)/атрибут) и отношением предикации (отношение предикандум/предикант), которые, как показал Кацнельсон, являются видовыми понятиями по отношению к понятиям экспликандума и экспликанта. «Логически производные функции, то есть функции атрибуции и предикации, имплицитно содержат в себе указание на исходную функцию эксплицирования. Определив, что в данном сочетании имела место атрибуция, мы тем самым уже знаем, что проявилась и функция эксплицирования. Но не наоборот: функция эксплицирования еще не предопределяет характера производной функции».**

Учитывая, что «все несубстанциональные значения, безотносительно к тому, выражены ли они именами или не-именами, могут функционировать и в качестве атрибутов, и в качестве предикатов»,*** атрибут можно рассматривать как экспликант такого рода, который в своей рече-мыслительной деривационной истории имеет отношение предикирования. Недаром Л. С. Выготский, говоря о характере внутренней речи, не находил в ней места атрибутам, появляющимся на более высоком уровне порождения речи, а подчеркивал «господство чистой предикативности»**** «Во внутренней речи нам никогда нет надобности называть то, о чем идет речь, то есть подлежащее. Мы всегда ограничиваемся только тем, что говорится об этом подлежащем, то есть сказуемым...; во внутренней речи должно наблюдаться абсолютное господство чистой предикативности»***** Переводя эти мысли Л. С. Выготского на язык современной «глубинной семантики», мы можем утверждать ведущее положение предиката в формировании и формулировании мысли как ячейки (единицы) речевого процесса, приравняв его на этом глубинном уровне рече-мыслительной деятельности к акту «смыслообразования». Мы полагаем, вслед за Н. И. Жинкиным, что на этом глубинном уровне «теряется различие между значением и смыслом»***** Именно поэтому мы будем называть нашу схему схемой семантико-смысловой структуры (ССС).

* С. Д. Кацнельсон. Типология языка и речевое мышление.

** Там же, с. 170.

*** Там же, с. 160.

**** Л. С. Выготский. Избранные психологические исследования. М., Акад. пед. наук РСФСР, 1956, с. 366.

***** Там же.

***** Н. И. Жинкин. Внутренние коды языка и внешние коды речи, с. 2375.

На приводимых ниже схемах мы будем оперировать уровнем эксплицирования, и направление стрелки будет означать отношение от экспликанта к экспликандуму.

Отсутствие готового семантического языка* вызывает трудности и в выделении тех «атомов смысла» или «сем», которыми можно было бы оперировать, тем более что, говоря об акте перевода, мы должны оперировать инвариантными семантическими образованиями или универсальными семантическими компонентами. Поскольку современный уровень развития лингвистической семантики не позволяет это сделать, мы прибегнем к рабочему операционному приему, который так и следует рассматривать, хотя он и отражает тот уровень, на котором происходит перекодирование смысловой информации в высказывании на ИЯ в высказывание на ПЯ: в разложении на семантические компоненты мы ограничимся минимальной глубиной — разложением лишь на те семантические компоненты, которые можно выявить как максимальную глубину семантического разложения, полученную из десяти переводов, точнее, извлекаемую из одного из десяти переводов (которые в подавляющем большинстве случаев сами по существу являются сложными конфигурациями семантических компонентов — КСК — и будут названы семантическими компонентами — СК — лишь условно).

Таким образом, на предлагаемых далее схемах СССР точками будут представлены СК или КСК, а связующими линиями — глубинные синтаксические отношения между ними, сводимые к отношениям эксплицирования.**

Возьмем для анализа несколько предложений из начала экспериментального текста № 1 (серия выступлений делегатов на Генеральной Ассамблее ООН) — «чистый текст», в котором нет контрольных фраз и где в чистом виде наблюдается механизм синхронного перевода.

Анализируемый отрывок текста ИЯ — оригинал:

CHAIRMAN: (1) I now give the floor to the distinguished delegate of India.

DELEGATE OF INDIA:

(2) Mister President,

Distinguished ladies and gentlemen,

(3) I would like to touch on the problem which in many ways bedevils the developing countries in Asia, Africa and Latin America.

(4) Since the adoption of the resolution on the Development Decade this General Assembly has increas-

* В настоящее время имеются лишь отдельные фрагменты такого языка семантических описаний; см., например, работы Апресяна, Филмора, Чейфа, Шэнка.

** По Кацнельсону. С. Д. Кацнельсон. Типология языка и речевое мышление.

ingly turned its attention to the great problem of disparity between the standards of living of the developing and the developed countries.

(5) The turning point came in 1964 when at the first session of UN Conference on Trade and Development the international community took a pledge to tackle this problem in a systematic and concerted manner and gave to itself the machinery and the framework of a dynamic international policy for achieving this purpose.

Далее мы будем приводить сначала схему CCC предложений текста ИЯ, затем списком соответствующие переводы со ссылкой на номер переводчика.*

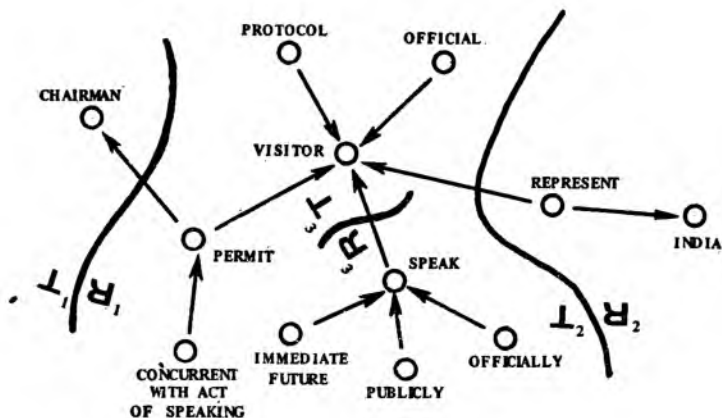

Рис. 8. Схема № 1

Восприятие семантических компонентов структуры видно из переводов (см. табл. 12). Отметим, что СК, условно названный нами "protocol", служит прагматической характеристикой говорящего и передается в переводах как *уважаемый*. Следует отметить также, что информативным является не наличие, а скорее, отсутствие данной семы у переводчика. СК "concurrent with act of speaking" передается настоящим временем глагола, поэтому слова *теперь*, *сейчас* являются факультативными, стилистически избыточными. Их опускают переводчики № 1, 8 и 9. Не вла-

* Заметим, что при общем весьма высоком профессиональном уровне испытуемых синхронистов, переводчики № 7 и 9, соответственно, имеют следующие особенности: у № 7 первый язык — английский; русский он считает родным, но практически это — второй язык «координативного билингва»; № 9 отлично знаком как с процедурой, так и с существом дискуссий в ООН, знаком с соответствующими принятыми названиями организаций на русском и английском языках.

Переводчик	Перевод
№ 1	Предоставляю слово делегату Индии.
№ 2	Я сейчас предоставляю слово делегату Индии.
№ 4	Теперь я предоставляю слово уважаемому делегату Индии.
№ 5	А теперь я предоставляю слово уважаемому представителю Инд ... Индии.
№ 6	Сейчас я предоставляю слово уважаемому делегату Индии.
№ 7	Я теперь даю слово гостю из Индии.
№ 8	Я предоставляю слово уважаемому делегату Индии.
№ 9	Я предоставляю слово уважаемому представителю Индии.
№ 10	Я сейчас передаю ... уважаем ... предоставляю слово уважаемому делегату Индии.
№ 11	Я сейчас предоставляю слово делегату Индии.

деющий русским языком до уровня автоматизма переводчик № 7, передавая СК “chairman — permit — ... — speak — publicly — ...”, не передает привычное клише *предоставить слово*, которое маркировано стилистически. *Гость из Индии* — передача СК “visitor — ... — India” за вычетом СК “official”, “represent”.

На схеме отмечается также темо-рематическая (коммуникативная) организация семантических (смысловых) компонентов — движение от элементарных смыслов через предикации к укрупненным смыслам.* Фактически наиболее информативным в этом случае является СК “India”, который в принципе можно было бы эксплицитировать “country X — be — India.” Для синхронного перевода, где оправдано широкое применение компрессии, может оказаться вполне возможной передача наиболее информативного компонента. Другими словами, переводчик не ошибся бы (хотя это по протоколу и недопустимо для **председательствующего**), сказав просто: «Индия!» Читатель, знакомый с практикой синхронного перевода на международных конференциях, припомнит случаи из своей собственной практики, когда такой перевод не вызывал ни малейшей критики со стороны потребителя — делегации, слушающей на ПЯ. Однако такая компрессия возможна только при известных условиях, то есть может быть разрешена с и т у а т и в н о.

Пропуская, в целях экономии места, предложение (2), сразу перейдем к анализу предложения (3), где схемы СССР будут значительно богаче.

(3) I would like to touch on the problem which in many ways bedevils the developing countries in Asia, Africa and Latin America.

* См. гл. 9.

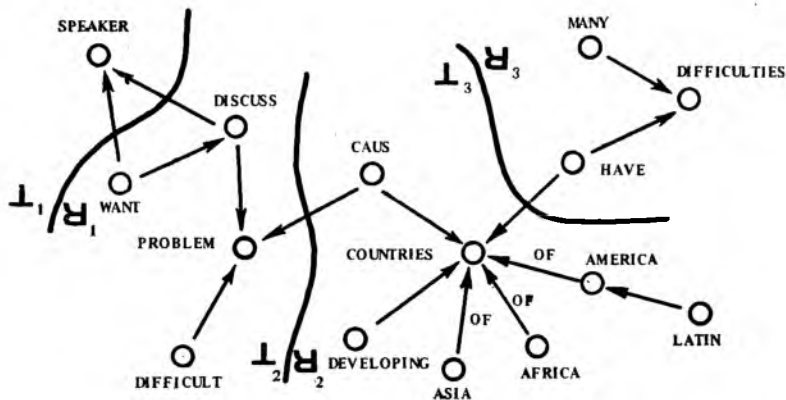

Рис. 9. Схема № 2

Таблица 13

Переводчик	Перевод
№ 1	Я хотел бы затронуть проблему, которая относится в первую очередь к развивающимся странам Африки, Азии и Латинской Америки.
№ 2	Я выступлю по вопросу о развивающихся странах в Азии, Африке и Латинской Америке.
№ 4	Я хотел бы коснуться вопроса, который беспокоит многие страны Африки, Азии, Латинской Америки.
№ 5	Я хотел бы коснуться проблем, касающихся развивающихся стран Африки, Азии и Латинской Америки.
№ 6	Я хочу остановиться на проблеме, которая оказывает глубокое влияние на развивающиеся страны Африки, Азии и Латинской Америки.
№ 7	Я хотел бы затронуть проблемы, которые очень затрагивают развивающиеся страны Азии и Латинской Америки.
№ 8	Я хотел бы здесь остановиться на проблеме, которая затрагивает все развивающиеся страны в Азии, Африке и Латинской Америке.
№ 9	Я хотел бы затронуть проблему, которая касается развивающихся стран в Азии, Африке и Латинской Америке.
№ 10	Я хотел бы коснуться вопроса.., которая касается развивающихся стран в Азии и Латинской Африке (! — Г. Ч.).
№ 11	Я хочу коснуться проблемы, которая относится к развивающимся странам Азии, Африки и Латинской Америки.

Здесь следует отметить потерю почти всеми переводчиками КСК “problem — caus — ... — have — many — difficulties” и добавление КСК в первую очередь переводчиком № 1, а также замену

“many — difficulties” на все страны (переводчик № 8). Остальные изменения, вносимые в перевод, достаточно очевидны.

(4) Since the adoption of the Resolution on the Development Decade this Assembly has increasingly turned its attention to the great problem of disparity between the standards of living of the developing and the developed countries.*

Ввиду значительной сложности графического изображения ССС, составляющих предложение № 4, приведем некоторые словесные пояснения КСК составляющих его фраз:

- КСК 1: Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию.
 КСК 2: Резолюция касается Десятилетия экономического развития.
 КСК 3: Под экономическим развитием понимается «развитие развивающихся стран».
 КСК 4: Генеральная Ассамблея уделяла внимание проблеме...
 КСК 5: ...и уделяет в растущей мере
 КСК 6: начала это делать («уделять внимание») с момента Т
 КСК 7: Момент Т — принятие резолюции
 КСК 8: Проблема является очень трудной
 КСК 9: Проблема — это разрыв между уровнями жизни в развитых и развивающихся странах,
 КСК 10: причем уровень жизни в развитых странах высок, а
 КСК 11: уровень жизни в развивающихся странах низок.

Сравнение полученных переводов с описанием схемы ССС предложения (4) позволяет сделать следующие выводы.

Таблица 14

Переводчик	Перевод
№ 1	Со времени принятия резолюции этой Ассамблеи наше внимание привлекается все больше и больше к великой проблеме... огромной проблеме различия в уровнях жизни в развивающихся странах и развитых.
№ 2	Со времени принятия резолюции последние данные говорят о том, что наша Ассамблея все больше и больше уделяет внимание тем тяжелым условиям, которые существуют в развивающихся странах.
№ 4	После принятия резолюции о проведении декады развития наша Ассамблея уделяла большое внимание вопросу повышения уровня жизни развивающихся стран.
№ 5	Со времени принятия резолюции по декаде развития данная Ассамблея уделяла большое внимание проблеме большого разрыва между уровнями развития развивающихся и развитых стран.

* В целях экономии места здесь и далее мы отсылаем читателя к синтетической схеме, приводимой далее в гл. 9, на с. 118—119.

Переводчик	Перевод
№ 6	Со времени развития... движения за освобождение Ассамблея очень много уделяет внимания тяжелому положению... жизни в развивающихся странах.
№ 7	Со времени революции... на... воздействие на страны развития... наша конференция очень много обсуждает различия уровня жизни в различных развивающихся странах.
№ 8	Со времени принятия резолюции... эта Ассамблея... все в более возрастающей степени обращает свое внимание... на разрыв между уровнем... жизни в слаборазвитых и в передовых странах.
№ 9	Со времени принятия резолюции ООН о десятилетии развития наша Ассамблея постоянно обращала свое внимание на... огромную проблему различия между уровнем жизни в развитых и развивающихся странах.
№ 10	...и с момента резолюции... и развития данная Ассамблея очень большое внимание уделяла великой... большой проблеме, которая существует... в разрыве существования... э-э... и уровня жизни между развитыми и развивающимися странами.
№ 11	После принятия резолюции развивающихся наций Ассамблея все больше уделяла внимание великой проблеме разрыва между уровнем жизни в развивающихся и развитых странах.

1. Переводчики № 2, 6, 7 и 11 теряют КСК-1.

2. За исключением переводчиков 4, 5 и 9, все остальные теряют КСК-2.

3. Только переводчик № 4 в какой-то степени имплицитно указывает на наличие в оригинале КСК-3.

4. Только переводчик № 9 передает, причем терминологически точно, почти все КСК, включая структуру их синтаксических отношений.

5. Переводчики № 1, 7 теряют КСК-4.

6. Переводчики № 4, 5, 6, 7, 9 и 10 теряют КСК-5.

7. Все переводчики передают КСК-6, хотя переводчики № 6 и 7 при этом теряют КСК-7.

8. Переводчики № 2, 4, 6, 7, 8 теряют КСК-8.

9. Передавая КСК-11, переводчики № 2, 4 и 6 теряют КСК-9, притом что КСК-11 является производной по отношению к КСК-9.

10. Переводчик № 7, по-видимому, частично «работает» на словесном уровне и, не имея контекстуальной поддержки, воспринимает звуковой комплекс [rezə'lju:ʃn] как [revə'lju:ʃn] и вследствие этого теряет КСК-1, далее он теряет КСК-2 и КСК-4, а затем, на основе восприятия части КСК-9 (КСК-11), достраивает конец предложения по собственной программе. Аналогичное наблюдение можно сделать и в отношении переводчика

№ 11. Компонент *наций* в его переводе: *После принятия резолюции развивающихся наций...* также является результатом неверного прогноза вероятности появления слова, следующего в оригинале за словом *Development*, в котором воспринят (услышан) только компонент [də'veləp-].

На этом, экономя место в книге и время читателя, можно временно закончить рассмотрение схем ССС текста оригинала, тем более что нам еще предстоит вернуться к этому вопросу в следующей главе.

3. ПЕРЕДАЧА СИНТАКСИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ (КАТЕГОРИАЛЬНЫХ СЕМАНТИЧЕСКИХ КОМПОНЕНТОВ)

Прежде чем перейти к дальнейшему изложению, следует вернуться назад и с использованием схем ССС еще раз проанализировать одну из «бесмысленных» контрольных фраз, заданных в эксперименте. Для примера возьмем фразу, которая уже хорошо знакома читателю: *Кислая сладость вскрикнула наземь от ожирения.*

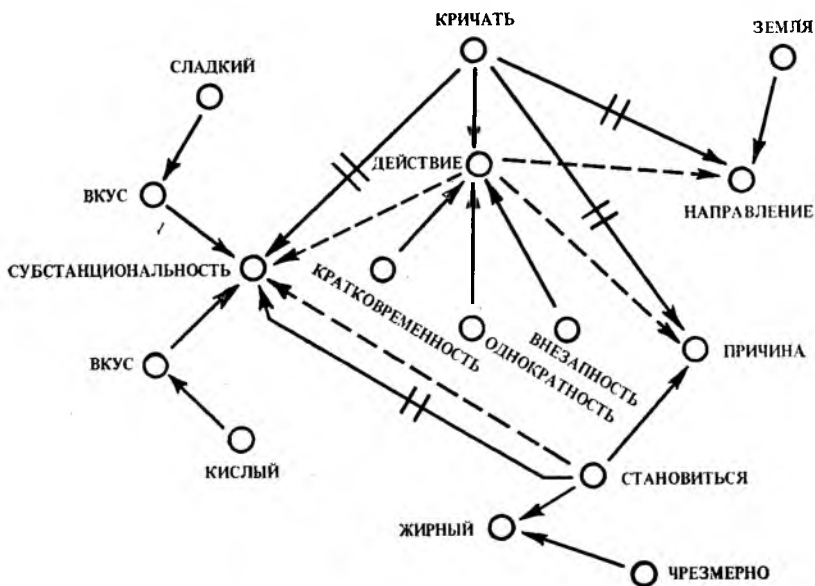

Рис. 10. Схема № 3

Таким образом, мы видим, что эта смысловая структура как бы распадается на почти самостоятельные подструктуры:

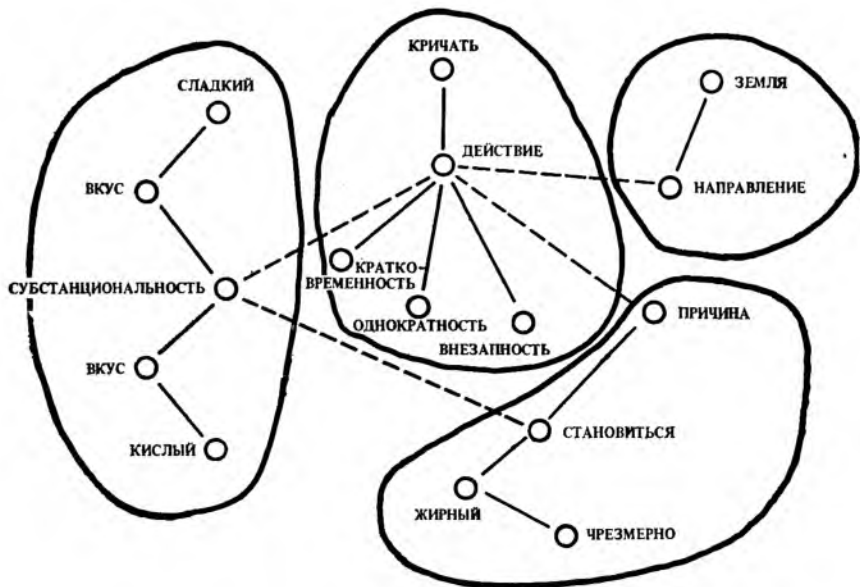

Рис. 11. Схема № 4

Непрочные связи между основными подструктурами осуществляются только на максимально абстрактном уровне, на уровне, который обычно называют синтаксическим:

Рис. 12. Схема № 5

Полученные переводы:

- No. 1 (...I missed that...)
- No. 2 The sour s-s-s... eh... eh... it exclaimed...
- No. 3 The sour sweet... eh... jumped down to earth from fat.
- No. 7 The sweet sour... screamed from...
- No. 9 The... sour... sweetness...

Единственное полученное в переводах завершенное предложение (№ 3) переведено на уровне передачи синтаксической формулы или категориальных СК, причем сказуемое прогнозируется апостериорно по элементу *наземь*, предполагающему какое-то движение. С другой стороны, в трех из четырех имеющихся попыток осуществить перевод мы видим передачу сочетания *кислая сладость*, осуществляемую через общую сему «вкус».

Переводчик № 3 преодолел семантический барьер «кричать — земля» (см. схему), но для этого ему пришлось заменить сему *кричать**. Эта замена в какой-то степени помогла ему преодолеть и второй семантический барьер — «от ожирения».

Проделанный анализ семантико-синтаксических перестроек на уровне предложения (высказывания) позволяет нам прийти к некоторым выводам.

Последовательные уровни (этапы) восприятия и обработки информации — как той, которую традиционно можно назвать семантической, так и синтаксической, — можно четко проследить на приводимых примерах. Значительная роль синтаксического компонента иллюстрируется прежде всего тем, что структура простого повествовательного предложения получает наиболее полную передачу в экспериментальных контрольных фразах (52% при всего лишь 10,7% полной смысловой передачи). Механизм восприятия структурно-синтаксического компонента можно проследить на первой серии примеров.

В шести из десяти рассмотренных случаев перевода контрольных фраз в результирующей фразе на ПЯ есть подлежащее и сказуемое, то есть как минимум передан структурный костяк простого предложения. В двух случаях из этих шести передан только наиболее абстрактный характер схемы «деятель — действие»: *the sour sweet... jumped down* (в оригинале *вскрикнула*), *flower bunch... banged* (в оригинале *вытек*).

Весьма интересно отметить «попытки» некоторых испытуемых синхронистов даже в этой серии почти несвязанных смысловых структур «осмыслить» связи, которые прогнозируются в соответствии с языковой (вернее, речевой) вероятностью:

the flower bunch... banged... the door

Опорной точкой для этого прогноза и «прохода по собственной программе» послужил семантический компонент контрольной фразы «шум». Переводчик № 3 вообще имеет четко выраженную тенденцию к осмыслению фразы. В контрольной фразе: *Кислая сладость...* у того же переводчика наблюдается апостериорное осмысление:

* *Кричать* условно называется здесь семой — для простоты. На самом деле *кричать*, даже если вычесть из этого смысла сему «действие», разлагается на ряд элементарных сем: «подавать — голос — с некоторой протяженностью действия — и т. д.».

Сравнение схем структур предложений ИЯ со схемами ССС предложений ПЯ показывает, что правильность и полнота перевода определяется двумя факторами: 1) полнотой передачи семантических компонентов (точки на схеме) и 2) совпадением (или несовпадением) линий связей между семантическими компонентами, то есть совпадением внутренних глубинных смысловых связей — «синтаксиса» семантической структуры.

Можно полагать, что семантические компоненты (точки на схеме) представляют собой опорные точки семантической структуры, по которым идет основная линия восприятия, тогда как связи между ними — это прогнозируемые внутренние «синтаксические» отношения, предикативные связи.

В процессе восприятия происходит установление связей между семантическими компонентами или осмысление воспринимаемой фразы.

Сравнение разных переводов с оригиналом на основе сравнения схем ССС предложений ИЯ и ПЯ показывает, что при неправильном установлении связей (то есть неправильном «осмыслении» оригинала) происходит нарушение смысла оригинала, тогда как семантическая полнота и неполнота перевода зависит больше от восприятия семантических компонентов (точек на схемах ССС), чем от передачи их связей.

Семантические компоненты (СК и КСК) могут восприниматься неточно не только в связи с возможными физическими проблемами в восприятии на фонетико-акустическом уровне, но и в связи с возможностью различных актуализаций потенциального («словарного») семантического поля слова как лингвистического знака. Эти различные актуализации в свою очередь зависят от смысловых связей внутри семантической структуры фразы. Другими словами, выбор слова в переводе опосредован восприятием семантических компонентов и правильным прогнозированием их семантических связей внутри фразы.

Восприятия опорных семантических компонентов фразы как такового оказывается, однако, недостаточно для точного прогнозирования смысловых связей в изолированной фразовой семантической структуре. Для полного и правильного семантического прогноза необходимо одновременное задействование и других уровней механизма, прежде всего на уровне сообщения (текста). Тематические связи, лежащие в основе смысловой структуры сообщения (текста) в целом, могут быть вскрыты лишь при семантическом анализе текста, который в норме и воспринимается синхронным переводчиком, причем в контексте конкретной коммуникативной ситуации.

Глава 9. ТЕМА И РЕМА В ВЫСКАЗЫВАНИИ И СООБЩЕНИИ (ТЕКСТЕ)

...Это та информация, которой и говорящий и слушающий уже располагают в момент произнесения предложения. Эта общая информация представляет собой своего рода отправной пункт, базирующийся на уже «носящихся в воздухе» понятиях, с которым может быть связана новая информация. Старая информация может оказать общий в силу общего окружения, в котором взаимодействуют говорящий и слушающий. Зачастую она основывается на уже произнесенных предложениях. В этом случае мы можем сказать, что общее окружение было создано лингвистическим путем...

*Уоллес Л. Чейф**

Рассмотрев возможности «осмысления», которые имеет слушающий вообще и синхронист в частности, когда он ограничен рамками отдельного предложения (точнее, высказывания**), мы не можем не прийти к выводу о том, что эти рамки оказываются слишком узкими для синхрониста, что условием нормального протекания процесса синхронного перевода является наличие на ИЯ не отдельных высказываний — предложений, а более крупного образования — текста или дискурса (связной речи, связного сообщения)***. В последние годы все большее число лингвистов обращается к проблеме текста, дискурса, бурное развитие переживает раздел языкознания, уже получивший название лингвистики

* У. Л. Чейф. Значение и структура языка, с. 241—242.

** См., например: В. Г. Гак. Высказывание и ситуация. «Проблемы структурной лингвистики, 1972», М., 1973: «Наиболее целесообразно, как нам представляется, использовать термин «высказывание» в понимании, близком к определению Матезиуса и его последователей, как функциональную единицу, равновеликую предложению, но отличающуюся от последнего тем, что анализ этой единицы преследует цель не вскрыть ее общую абстрактную схему синтаксической организации, но показать, как она связана с ситуацией, какими средствами и как эта последняя описывается». (с. 352)

*** Проведенные в 1976 г. под нашим руководством студенческие работы экспериментально подтверждают это. Студенты переводческого факультета МГПИИЯ им. М. Горького И. Розов и А. Спектор в курсовых работах показали отличие качественных характеристик синхронного перевода связного текста и отдельных не связанных между собой предложений. Были, в частности, осуществлены эксперименты по переводу текста, в середину которого была вставлена серия отдельных не связанных между собой предложений (из аналогичных политических текстов) — с английского и с французского языков на русский язык. Е. Крамаренко в дипломной работе показал, что наличие характеристик связности и тематического единства текста оказывается более «сильным» фактором, влияющим на полноту перевода и правильность передачи его смыслового содержания, нежели факторы, действующие в пределах предложения («клишированность предложений»).

текста.* К тексту начинают обращаться все те ученые, которых интересует проблема коммуникативной сущности языка и речи. «В идеале этот процесс (речи — Г. Ч.) должен рассматриваться не как порождение отдельных, изъятых из общего контекста и независимых друг от друга предложений, а как порождение текстов, законченных речевых произведений, сообщений монологического или диалогического характера», — указывает С. Д. Кацнельсон.** Характеристикам текста посвящает ряд своих трудов Н. И. Жинкин***, на коммуникативную природу текста указывает Г. В. Колшанский.**** К анализу текста, дискурса все чаще обращаются зарубежные лингвисты.*****

1. СЕМАНТИКО-СМЫСЛОВАЯ СВЯЗНОСТЬ И ТЕМАТИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО СООБЩЕНИЯ

Если мы вернемся к рассмотрению примеров «снятия» многозначности отдельных предложений в речи, которые приводит Рубенштейн*****, и посмотрим на них внимательнее, мы заметим, что большая или меньшая вероятность «предсказания» того или иного завершения предложений будет зависеть от тематического контекста. Другими словами, мы вновь возвращаемся к вопросу о «контекстуальных зависимостях» в сообщении. В ряде работ последних лет, посвященных анализу текста, к числу основных его характеристик были отнесены такие, как связность и анафорические повторы.***** С точки зрения восприятия текста в условиях синхронного перевода, то есть на пути от сообщения на ИЯ к внутренней (смысловой) программе высказывания на ПЯ, особенно

* В частности, под этим названием в 1974 г. в МГПИИЯ им. М. Тореза была проведена Всесоюзная конференция (см. сб. «Лингвистика текста. Материалы научной конференции», М., МГПИИЯ, 1974).

** С. Д. Кацнельсон. Типология языка и речевое мышление, с. 119.

*** В частности: Развитие письменной речи учащихся, а также: Грамматика и смысл.

**** «Текст может быть определен как фрагмент языка только по коммуникативным параметрам, в которых решающую роль должны играть признаки смысловой дискретности некоторого неопределенного дискурса». (Г. В. Колшанский. О смысловой структуре текста. В сб.: «Лингвистика текста. Материалы научной конференции», ч. I, М., 1974, с. 141)

***** В частности: Э. Бенвенист. Уроки лингвистического анализа. В сб.: «Новое в лингвистике», вып. IV, М., «Прогресс», 1965; F. D a n e s. On Linguistic Strata (Levels). Travaux linguistiques de Prague, 4, Prague, 1971; см. также работы Р. Якобсона, М. Хэллiday, Н. Энквиста, Дж. Лайонса, Т. Ван Дайка, Р. Симмонса и др.

***** См. гл. 5, с. 66—67.

***** И. П. Севбо. Структура связного текста и автоматизация реферирования. М., «Наука», 1969; С. И. Гиндин. Внутренняя организация текста. Элементы теории и семантический анализ. Канд. дисс. М., 1972; T. A. V a n D i j k. Some Aspects of Text Grammars. Mouton. The Hague — Paris, 1972; T. A. V a n D i j k. Models for Text Grammars. Linguistics, 1973, vol. 105.

важной становятся семантико-смысловая связность и повторяемость компонентов в сообщении, ибо повторяемость и связность означают тот дополнительный уровень избыточности, ту «прибавку» избыточности, которая допускает более полное включение механизма вероятностного прогнозирования.

Интересно отметить, что характеристики смысловой связности различного вида «согласований» между предложениями и наличие анафорических повторов отмечаются многими авторами и иногда даже кладутся в основу определения дискурса.* Так, В. А. Звегинцев указывает на то, что в дискурсе, кроме смыслового «согласования», имеются и иные виды согласований: «1) видо-временное согласование; 2) модальное согласование; 3) стилистическое согласование; 4) прагматическое согласование (ориентирующееся на общие условия дискурса); 5) «личностное» согласование (учитывающее личность говорящего или слушающего)».

«Но самыми богатыми и разветвленными способами осуществления смысловой связи предложений располагают анафорические средства и наборы пресуппозиций,** сопровождающих каждое предложение»***

Подчеркивая значение анафорических элементов речи как форм «сверхфразового синтаксиса», С. Д. Кацнельсон в то же время указывает на наличие в тексте «слов и выражений, несущих функции темпоральной организации текста: *сначала, потом, засим, ранее, позднее, много времени спустя, незадолго до этого, вскоре после этого* и т. д.» и «средств логической организации текста: *поэтому, вследствие этого, при этом условии, с этой целью, стало быть, следовательно, итак, однако, напротив того, во-первых, во-вторых, далее* и т. п.»**** к которым И. Р. Гальперин добавляет «средства, указывающие на пространственную связь: *а там, ...внизу, поодаль, в отдалении* и т. п.»*****

В этих замечаниях для нас особенно важно указание на наличие согласующихся (повторяющихся) категориальных семантических компонентов в сообщении, указаний на временные, пространственные, причинно-следственные и иные отношения, лежащие в основе семантико-смысловых структур и согласующиеся на протяжении большем, чем протяжение предложения.

В нашем анализе семантико-смысловой структуры сообщения,

* «Под дискурсом... будут пониматься два или несколько предложений, находящиеся друг с другом в смысловой связи». (В. А. Звегинцев. Предложение и его отношение к языку и речи. М., МГУ, 1976, с. 170)

** «...философское определение пресуппозиции, используемое также и в лингвистике, сводится к тому, что под пресуппозицией следует понимать условия, удовлетворение которых необходимо, чтобы предложение в целом было утверждением, вопросом, повелением и т. д.» (Там же, с. 216)

*** Там же, с. 171.

**** С. Д. Кацнельсон. Указ. соч., с. 120.

***** И. Р. Гальперин. О понятии «текст». «Вопросы языкознания», № 6, 1974, с. 76.

воспринимаемого синхронистом, мы будем опираться на семантико-смысловую связность и тематическое единство сообщения.*

Поскольку семантико-смысловая избыточность в сообщении, как и в высказывании, может быть выявлена при выявлении повторяющихся семантико-смысловых компонентов на протяжении сообщения, применим уже известную методику схемного анализа ССС к анализу семантико-смысловой стороны сообщения.

Расположив последовательно схемы ССС высказываний, составляющих текст (связное сообщение), на графике синфазности и сопоставив цепочку схем ССС высказываний на ИЯ с цепочкой схем ССС высказываний на ПЯ, можно получить синтетическую схему семантико-смысловой структуры сообщений на ИЯ и ПЯ в синхронном переводе (см. рис. 13).

На схеме прослеживаются повторяющиеся СК и КСК, составляющие тематические группы большой протяженности в тексте, иногда на всю длину текста.

«Связь предложений в некоторой зоне может быть названа подтемой; подтемы объединяются в более широкую тематическую зону. Естественно предположить, что должно быть упреждение предстоящих произнесению подтем и удержание уже произнесенных. Тогда и сохранится тематическое единство...»**

Как далее указывает Жинкин, в ходе порождения речи «нет необходимости перебирать все слова лексикона или брать случайные пробы. Процесс начинается с выбора темы и подтемы, в результате чего вносятся сильные ограничения в отбор слов. Подтема, в свою очередь, может быть ограничена по длине смыслового ряда. Именно смысл должен удерживаться в оперативной памяти для того, чтобы произвести процесс перекодирования. Одновременно должно упреждаться продолжение смыслового ряда. Связывание слов по синтаксическим правилам входит в процесс декодирования подтемы... Оперативная речевая память — сложное двухуровневое образование, в котором смыкаются высшие уровни языка и начальные операции интеллекта. Главная операция состоит на приеме в перекодировании слов на смысл, а на выходе — смысла на слова»***.

Интересно отметить, что в процессе синхронного перевода, как это наглядно представлено на схеме, может происходить обеднение

* «Структурная целостность текста обуславливается единством цели и общностью темы всего высказывания». (И. А. Зимняя. Психологический анализ говорения как вида речевой деятельности, с. 62)

** Н. И. Жинкин. Грамматика и смысл, с. 81.

*** Н. И. Жинкин. Грамматика и смысл, с. 83. Ср. совершенно аналогичное высказывание Кацнельсона: «Важно еще указать на органическую связь порождающих процессов с деятельностью сознания. Общее направление этих процессов будет определено... формулой «от содержательных элементов сознания к речевым текстам и от речевых текстов к содержательным элементам сознания»... (С. Д. Кацнельсон. Типология языка и речевое мышление, с. 120) «...Порождающий процесс начинается с определения темы и стратегии сообщения». (Там же, с. 121)

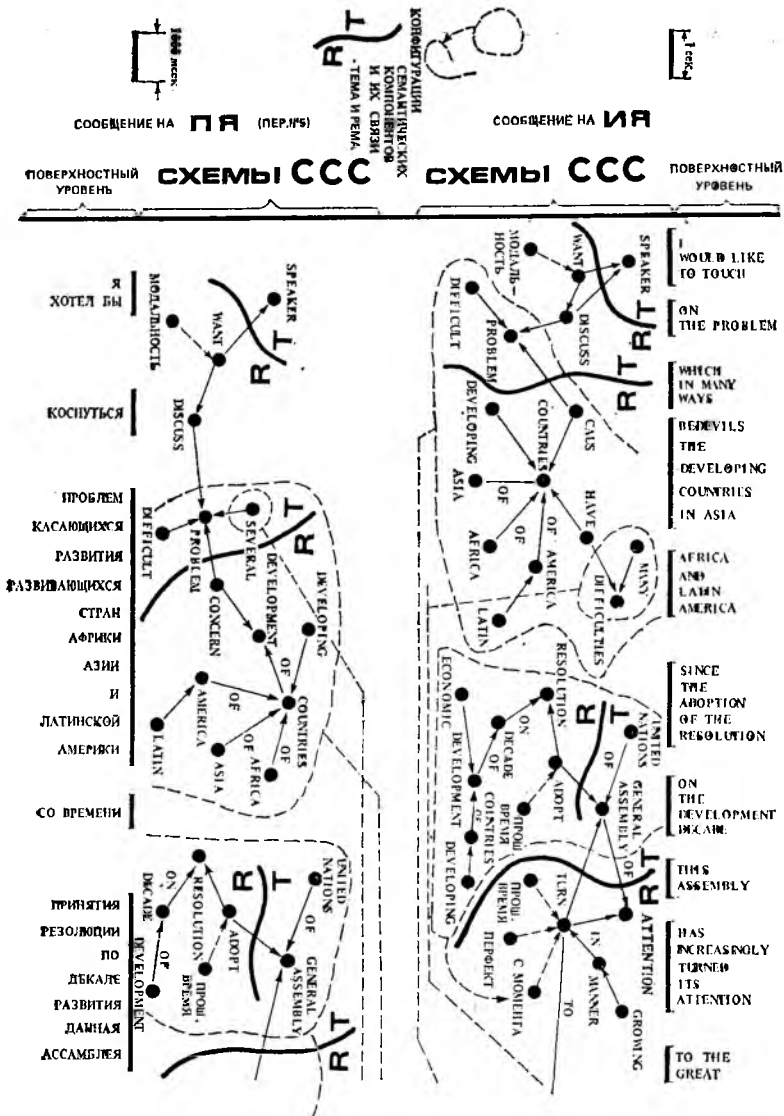
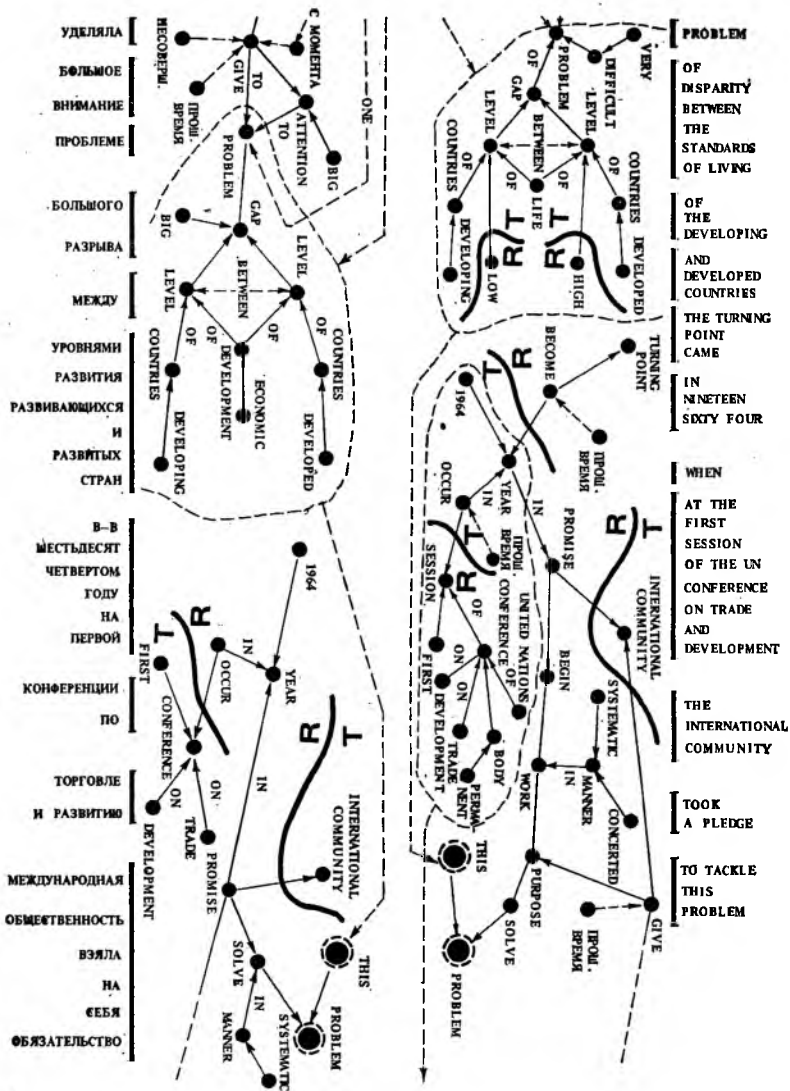

Рис. 13. Синтетическая схема СССР¹ сообщений на ИЯ и ПЯ, совмещенная с графиком синфазности (начало сообщения — первые три предложения)

КСК, потеря некоторых СК (сокращение числа точек на схеме) без нарушения смысловых связей (стрелки и пунктирные линии на схеме). В этом случае мы говорим, что переводчик передал «основной смысл» сообщения.

В чем это выражается? Дело в том, что основная избыточность сообщения на семантико-смысловом уровне наблюдается в тематической составляющей текста (сообщения).

Последнее подводит нас к необходимости рассмотреть вопрос о теме и реме, применительно к сообщению.

2. ТЕМА И РЕМА В ВЫСКАЗЫВАНИИ И СООБЩЕНИИ

Понятия темы и ремы были введены в лингвистику в ходе анализа коммуникативной структуры предложения.*

При всех ожесточенных спорах, ведущихся между лингвистами по вопросу о понимании и истолковании понятий и явлений темы и ремы, во всех работах по коммуникативному синтаксису, при разных объясняющих моделях, фактически речь идет об одном и том же явлении: об исходной точке коммуникации, «старом», «известной информации» — теме — и о том, ради чего делается сообщение, «новом», «новой информации», «пике коммуникативной нагрузки» и т. п. — реме. Таким образом, тема и рема — это как бы статические отражения процессов движения коммуникации от исходной точки сообщения к основному сообщаемому, к тому смыслу, ради которого сообщение делается.

Второй общей чертой у большинства исследователей, обращающихся к понятиям темы и ремы, является приписывание роли темы и ремы отдельным лексемам или группам лексем, составляющим части предложения. При этом основным аргументом для выделения темы и ремы становится несовпадение коммуникативной, смысловой структуры с синтаксической структурой предложения. Другими словами, тема и рема выделяются при противопоставлении их подлежащему и сказуемому, субъекту и предикату поверхностного предложения.

На сходство определения темы и ремы и того определения, которое давали субъекту и предикату высказывания («то, о чем говорится в предложении» и «то, что говорится о субъекте») еще античные философы и филологи, обращает внимание С. Д. Кацнельсон,** который говорит далее: «...в нейтральном, не деформированном особыми факторами высказывании субъект и есть тема. Если все же это понятие приходится различать, то потому лишь, что в некоторых условиях форма субъекта либо «детематизируется»

* «...Актуальное членение... выясняет способ включения предложения в предметный контекст, на базе которого он возникает...» (В. Матезиус. О так называемом актуальном членении предложения. В сб.: «Пражский лингвистический кружок», М., «Прогресс», 1967, с. 239)

** С. Д. Кацнельсон. Указ. соч., с. 189.

полностью, либо получает значение второстепенной темы, а основную функцию темы выполняет слово, не облеченное в форму субъекта...» Об этом же пишет и У. Чейф: «В определенной ограниченной степени то же различие находит свое отражение в терминах **субъект** и **предикат**. Эти два термина больше связаны с определенными частями поверхностных структур, а не с семантическими структурами, но... существует четкая корреляция между старой информацией в семантических структурах и **субъектом** в поверхностной структуре, по крайней мере в языках, подобных английскому...»*. Таким образом, тема и рема становятся понятиями, отражающими глубокий семантический уровень высказывания, в отличие от субъекта и предиката, отражающих поверхностно-синтаксический уровень предложения.

Это фундаментальное положение делает понятия темы и ремы высказывания чрезвычайно ценными для исследования семантических процессов и семантической структуры сообщения, ибо становится возможным, во-первых, применять понятия темы и ремы к глубинным семантическим уровням высказывания, и, во-вторых, связывать понятия темы и ремы не с лексемами и их сочетаниями, а с семантическими компонентами и их конфигурациями.

Принимая за тему исходную смысловую единицу на некотором уровне семантико-смыслового анализа сообщения, глубинном по отношению к поверхностному уровню сообщения и отдельных, составляющих сообщение высказываний, а за рему — семантико-смысловой компонент, присоединяемый к исходному, мы получаем возможность проследить элементарные связи между семантико-смысловыми компонентами на некотором глубинном семантико-смысловом уровне высказывания. Выше на основе анализа выполненных переводов была показана реальность семантико-смысловой схемы высказывания, данного нам на поверхностном уровне, но воспринимаемого переводчиком-синхронистом не только на поверхностном, но и на некотором глубинном уровне.

Однако некоторые связи и отношения между семантическими конфигурациями, представленными конкретными лексемами на поверхностном уровне, на этом уровне далеко не очевидны. Если бы это было иначе, не возникало бы противоречия между смысловыми (темо-рематическими) отношениями в предложении и синтаксической организацией предложения. Частые отходы от прямого проецирования глубинной структуры на поверхностный вербальный уровень предложения являются проявлением той «смысловой скважности, величина которой определяется взаимопониманием партнеров коммуникации».** Ведь уже любое атрибутивное сочетание семантических компонентов, представляя собой сложный знак, в котором происходит сужение объема смысловой единицы по

* У. Л. Чейф. Значение и структура языка, с. 243.

** Н. И. Жинкин. Грамматика в смысл. с. 76.

сравнению с исходной, в котором конкретизируется референт, есть результат прошлых (предшествующих в данном контексте, либо в опыте говорящего и слушающего, либо вообще в опыте данного языкового коллектива) актов установления смысловой связи, актов глубинного предцирования. На глубинном уровне акт предцирования и является актом установления связи между тематическими и рематическими компонентами высказывания.

Если понятия темы и ремы предложения являются специфическими терминами коммуникативного синтаксиса или теории актуального членения предложения-высказывания, то понятие темы текста широко применимо не только в языкознании, но и в любых других научных областях и просто в повседневной жизни. Анализируя сообщение, мы тоже говорим о теме.* В настоящей работе подходу, согласно которому существуют два различных определения темы, противопоставляется подход, при котором понятие темы является единым понятием, — это «то, о чем сообщается» как в отдельном высказывании, так и в сообщении в целом. Естественно, что в сообщении тема может подразделяться на подтемы, субподтемы, микротемы и т. п., но вряд ли можно представить себе такое нормальное связное сообщение, где происходил бы полный распад темы.**

Иное дело — рема. Когда речь идет о тексте, о целом сообщении, тема и рема становятся, в отличие от отдельного высказывания — предложения, качественно неравнозначными. Тема — это данное, исходный момент сообщения, отправная точка коммуникации, это то, о чем сообщается, и пока сообщение не завершено, тема сохраняется. Семантическое содержание ее вербальных выражений по необходимости (по определению) итеративно, повторяемо в тексте, собственно тематическая составляющая текста является основным звеном, «скелетом» всего сообщения. Рема же высказывания (предложения), напротив, единична, неповторима в тексте, в сообщении в целом. В каждом последующем высказывании — предложении бывшая рема эксплицитно и имплицитно становится частью тематического компонента, входит в тематический компонент состоявшихся высказываний.

Этот факт, правда, в иных терминах, был отмечен уже более двадцати лет назад Н. И. Жинкиным. Учитывая его важность, приведем подробную цитату.

* «Понятие темы включает в себя две крупные категории. Во-первых, это непосредственный материал, подлежащий обсуждению (экономика, хозяйственные дела, «перемывание косточек»). Во-вторых, это пропозициональное содержание высказываний». (С. М. Эрвин-Трипп. Язык. Тема. Слушатель. Анализ взаимодействия. В сб.: «Новое в лингвистике», вып. VII, М., «Прогресс», 1975, с. 340)

** В этом случае мы будем иметь дело не с сообщением (текстом), а с особыми случаями, которые, по-видимому, исследовались пока лишь в связи с изучением афазий и в психопатологии.

«...В тексте об одном и том же предмете может говориться в целом ряде предложений...

Предмет (субъект) высказывания может быть выражен в ряде предложений. В следующем ряде предложений будет введен другой субъект и т. д. Возьмем для примера следующую цепь предложений: «Из шатра, толпой любимцев окруженный, выходит Петр. Его глаза сияют. Лик его ужасен. Движенья быстры. Он прекрасен, он весь, как божия гроза. Идет. Ему коня подводят». В этих восьми предложениях реальный субъект высказывания остается одним и тем же — Петр. Иногда он выражен подлежащим в форме местоимения (он), иногда дополнением (его), иногда глагольной формой третьего лица (идет), иногда просто пропущен (движенья быстры). Однако во всех восьми предложениях при помощи предикцирования приписываются разные признаки только одному предмету.

В последнем предложении предикатом является слово «конь» — Ему коня подводят. В следующих трех предложениях «конь» становится новым предметом высказывания. «Ретив и смирен верный конь. Почуя роковой огонь, дрожит. Глазами косо водит и мчится в прахе боевом, гордясь могущим седоком».

Таким образом, при анализе текстов мы не можем поступать так, как при разборе отдельного суждения или предложения. В тексте предмет высказывания чаще раскрывается не в одном, а в цепи суждений и предложений. Обычное представление о том, что субъект высказывания известен слушающему, а предикатом является то новое, что теперь сообщается, не соответствует наблюдениям при анализе текста.

Однако при изучении отдельно взятого суждения вне контекста, предикат следует рассматривать как новое в сообщении, а субъект, как известное. В суждении «Выходит Петр» новым является то, что выходит именно Петр, а не кто-либо другой. Этот предикат противопоставляется всем возможным другим предикатам. Он является центром высказывания каждого отдельного суждения. Но в тексте, то есть в группе взаимосвязанных суждений, соотношения меняются. Предмет сообщения или только называется, или просто подразумевается в каждом из суждений, но цель сообщения состоит только в том, чтобы у слушателя (читателя) возникло достаточно полное понятие об этом предмете. Это значит, что предмет сообщения неизвестен слушающему. Иначе не было бы смысла передавать сообщения. Слова же, обозначающие предикаты, должны быть ему известны. Только при этом условии он может связать их вместе и получить передаваемое ему понятие о ранее неизвестном предмете высказывания.

Наблюдаемая перестройка возникает в связи с переходом суждения в понятие и понятия в суждение. Само суждение состоит из двух понятий — субъекта и предиката, при этом предикат является главным. Но цель суждения заключается в образовании нового понятия о действительности, а в понятии главным является отражаемый предмет в совокупности его существенных признаков. Так

как понятие образуется в цепи суждений, то в контексте главным будет предмет высказывания. Но в каждом из суждений текста главным останется предикат».*

Нетрудно увидеть, что под темой мы понимаем предмет (субъект) высказывания, «который может быть выражен в ряде предложений», в сообщении в целом — на семантико-смысловом уровне. Под ремой понимается глубинный предикат, который может совпадать, а может и не совпадать с синтаксическим предикатом предложения поверхностного уровня. Такое понимание позволяет нам перейти далее к анализу семантико-смысловой структуры, воспринимаемой переводчиком.

Глава 10. КУМУЛЯТИВНЫЙ ДИНАМИЧЕСКИЙ СЕМАНТИКО-СМЫСЛОВОЙ АНАЛИЗ ПОСТУПАЮЩЕГО СООБЩЕНИЯ И ЕГО СЕМАНТИКО-СМЫСЛОВЫЕ УРОВНИ

...при порождении высказывания учитывается целая цепь предыдущих высказываний, происходит своего рода кумуляция их содержания.

*А. А. Леонтьев***

Анализ схем семантической структуры (ССС) цепочки высказываний, составляющих сообщение на ИЯ, в сопоставлении с СССР тех высказываний в тексте ПЯ, которые могут быть поставлены в соответствие с первыми, показывает, что в восприятии синхрониста часто остаются смысловые пробелы, происходит нарушение связей между семантическими компонентами и потеря некоторых из них. Эти нарушения объясняются не только субъективными, но и объективными причинами. Наличие смысловых пробелов в любом тексте — объективный факт, уже давно отмеченный выдающимся советским психолингвистом Н. И. Жинкиным. «Во всяком тексте всегда будет смысловая скважность, величина которой определяется взаимопониманием партнеров коммуникации. Нередко, например, автор, преобразуя одну формулу в другую, не приводит всех шагов преобразования, так как рассчитывает, что это сделает читатель. В психологии такая компрессия текста называется свертыванием промежуточных операций»***

В процессе преодоления «смысловой скважности» при восприятии последовательно поступающего к синхронисту сообщения на ИЯ имеют место многократные шаги установления отношений между воспринятыми смысловыми компонентами путем «спуска» на

* Н. И. Жинкин. Развитие письменной речи учащихся III—VII классов, с. 146—147.

** А. А. Леонтьев. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания, с. 192.

*** Н. И. Жинкин. Грамматика и смысл, с. 75.

глубинный уровень, собственно на «нулевом» или поверхностном уровне и на более высоком, нежели поверхностный, текстовом уровне. В последнем случае «смысловая скважность» возрастает.

Особенность восприятия при синхронном переводе такова, что анализ «в глубину», своего рода «микроанализ», проводимый синхронистом, по мере поступления все новых и новых смысловых компонентов сообщения становится недостаточным. Он дополняется в интересах разгрузки оперативной памяти* своего рода «макросинтезом», укрупнением конфигураций смысловых компонентов за счет непрерывного процесса обогащения тематической составляющей сообщения новыми признаками, свойствами или связями с новыми смысловыми элементами, постоянно поступающими в виде рематических составляющих высказываний.

С учетом сделанных выше предварительных замечаний рассмотрим смысловые отношения в следующем предложении (8), пронумеровав для удобства смысловые группы (цифра в скобках после каждой группы).

The crisis (1) of rising (2) expectations (3) in the face of (4) diminishing (5) will (6) will get further aggravated (7) and will lead (8) to such deep frustration (9) that it (10) may shake (11) the very foundation on which (12) the international community (13) is trying to build (14) a new world order-(15) and lasting peace (16).

Для того чтобы преодолеть смысловую «скважность», исходя из предположения о неполном «взаимопонимании партнеров коммуникации», проведем некоторые преобразования во фразе (8), эксплицируя и развертывая отдельные смысловые группы и, наоборот, укрупняя (компрессируя) другие. Одновременно припишем смысловым группам и их компонентам роли темы и ремы (L и R) на разных уровнях глубины:

In 1964 at the first UNCTAD there was a turning point in the attitude of the international community to the problem of economic gap between the developed and developing countries.

(1^{'''}) The developed countries (L₂)
agreed to implement the UNCTAD
resolution (R^{'''})

(2^{'''}) The developing countries (L₁)
began to expect a solution to their prob-
lem (R^{'''})

См. предшествующий контекст, в частности, фразы (2), (4) (приводятся ниже). Этим двух предложений в тексте нет. Это дополнительная экспликация.

* Дж. А. Миллер. Магическое число семь, плюс или минус два. О некоторых пределах нашей способности перерабатывать информацию. А. А. Смирнов. Проблемы психологии памяти. М., «Просвещение», 1966.

Новые фразы (1''') и (2''') дают нам темы теперь уже следующего ранга, более высокого: will to implement... (L₂'''), expectations... (L₁''').

(1''') The expectations of the developing countries	rise	while	the will of the developed countries to implement the resolution	diminishes	См. смысловые группы (L ₁ ''') (3) (L ₂ ''') (4) (L ₂ ''') (5) (6) (L ₂ ''')

Новые фразы (1''') и (2''') дают нам темы следующего ранга: rising expectations... (L''₁), diminishing will... (L''₂).

Здесь реализовался переход экспликандума и экспликанта (Кацнельсон, 1972) — субъекта и предиката на позиции определяемого и его атрибута.

Следующим логическим шагом в преодолении «скважности» будет фраза:

- (3') The fact that the expectations of the developing countries rise while the will of the developed countries diminishes constitutes a crisis (L₃'') (L')

Как нетрудно убедиться, мы получили перифразу смысловых групп (1), (2), (3), (4), (5) и (6), представляющих собой как бы «предысторию» подлежащего фразы (8) текста, не вытекающую непосредственно из эксплицитного контекста предшествующих фраз текста.

Crisis и есть тема нулевого уровня (L₄), то есть L исходного высказывания — фразы (8).

Определенный артикль при существительном-подлежащем (the crisis) при первом упоминании в тексте и при наличии лимитирующего атрибута фактически снимает тематичность с подлежащего. В данном случае сочетание определенного артикля и лимитирующего атрибута — признак глубинной рематичности подлежащего нулевого уровня, но при этом подлежащее должно иметь возможность занять позицию ремы на уровне (—1) (см. фразу 3'). Вообще можно полагать, что определенный артикль при существительном-подлежащем, впервые вводимом в текст, свидетельствует о глубинной рематичности подлежащего, как бы служит сигналом предшествующей глубинной операции типа a...+this... .

При данном анализе фраза текста «раскладывается» на простые предложения, где при каждом шаге L и U совпадают с подлежащим и сказуемым, а затем вновь «собирается» до уровней более высоких, чем поверхностный уровень заданного предложения.

Такой метод анализа применим и для целого текста. При этом будем придерживаться некоторых эмпирически выведенных правил анализа, позволяющих внести некоторый элемент формализации в предлагаемую процедуру.

Синхронный переводчик получает текст не полностью и целиком, а постепенно, фразу за фразой. Следовательно, восприятие семантико-смысловой структуры текста — это динамический процесс, осуществляемый путем:

а) последовательного присоединения новых семантико-смысловых компонентов — ремы (\mathcal{R}) к исходным — теме (\mathcal{L}), которое осуществляется в актах предикации и завершается получением новой смысловой единицы;

б) «преодоления смысловой скважности» за счет мысленного подсознательного глубинного разложения получаемой поверхностной структуры предложения на более простые структуры;

в) последовательной актуализации все более широкого круга потенциальных смысловых связей по мере получения новых семантико-смысловых компонентов сообщения;

г) мысленного подсознательного установления задаваемых предшествующим опытом и ситуационным контекстом связей семантико-смысловой структуры текста с экстралингвистическим контекстом; и, наконец,

д) последовательного построения синхронистом на этой основе все более и более четкой и развитой гипотетической семантико-смысловой структуры целого текста.

Исходя из этих соображений, введем следующие нестрогие правила семантических преобразований, которые будут применяться при моделировании семантико-смыслового анализа, осуществляемого синхронистом.

1) Уровень главного предложения («фразы») текста при первом упоминании семантико-смыслового компонента принимается за нулевой, и \mathcal{L} и \mathcal{R} этого уровня приписывается нулевой ранг.

2) \mathcal{L} каждого уровня есть результат предшествующих актов предцирования и, следовательно, результат установления связи между двумя компонентами (\mathcal{L} и \mathcal{R}) низшего уровня. Обозначим акт предцирования как $\mathcal{L} + \mathcal{R}$. В принципе такой анализ в глубину может быть продолжен до мельчайших «атомов смысла»; на практике глубина разложения определяется только необходимостью преодолеть «смысловую скважность».

Каждый более высокий уровень обозначим индексом (арабской цифрой) \mathcal{L}^1 , \mathcal{L}^2 и т. д., каждый уровень глубины (ниже нулевого) как бы приобретает знак (—); обозначим его штрихом: \mathcal{L}' , \mathcal{L}'' и т. д. (то есть \mathcal{L}^{-1} , \mathcal{L}^{-2} , \mathcal{L}^{-3} и т. д.).

3). Некоторые семантико-смысловые компоненты выступают как исходные в тексте, заданные опытом и ситуацией. Их ранг при повторном их упоминании в данной фразе или в последующих фразах текста не изменяется. Например: *the developing countries.., the developed countries...* и т. д.

4) В результате акта предикации мы получаем либо (1) \mathcal{L} более высокого ранга \mathcal{L}^{+1} , когда исходный семантико-смысловый компонент приобретает новое свойство, становится как бы сложным синтетическим знаком, обогащенным новыми связями с другими се-

мантико-смысловыми компонентами — чаще всего при этом экспликандум и экспликант приобретают роль определяемого и атрибута в \mathcal{L}^{+1} . Например:

expectations rise ($\mathcal{L} + \mathcal{U}$) → rising expectations (\mathcal{L}^1)

the first UNCTAD adopted recommendations ($\mathcal{L} + \mathcal{U}$) → the recommendations of the first UNCTAD (\mathcal{L}^1)

the recommendations of the first UNCTAD were to be implemented ($\mathcal{L}^1 + \mathcal{U}$) → the implementation of the recommendations of the first UNCTAD (\mathcal{L}^2)

либо (2) указание на новую связь исходного семантико-смыслового компонента (экспликандум и экспликант на всем протяжении текста и на любом уровне смысловой структуры сохраняют роль предикандума и предиката (Кацнельсон, 1972). Например:

the report shows that... ($\mathcal{L}_1 + \mathcal{U}$) → the fact that the report shows...

(\mathcal{L}_2)

(Характер и ранг \mathcal{L}_1 остаются неизменными.)

5) Независимо от приписывания более высокого ранга новому смысловому компоненту или сохранения его ранга, результатом акта предикирования ($\mathcal{L} + \mathcal{U}$) является исчезновение \mathcal{U} и либо ее «зачеркивание», либо переход ее на позиции \mathcal{L}^{+1} в последующей части текста.

6) Результатом соединения нескольких высказываний является обогащение семантико-смысловой структуры и появление обобщенных структур ($\mathcal{L} + \mathcal{U}$) более высокого ранга, чем нулевой. Таким образом, можно выделить тему субподтекста, субтекста и текста в целом. Для этой цели моделируются обобщающие высказывания, смысловые компоненты которых как бы обобщают (вбирают в себя) смысловые компоненты низких уровней. Эти обобщенные структуры (мы приводим лишь их модели; реальный процесс может быть сугубо индивидуален и зависит от конкретного переводчика) моделируют гипотетичную семантико-смысловую структуру всего текста, которая как бы служит источником вероятностного прогнозирования на уровне текста, обеспечивая смысловую избыточность.

7) Поскольку сохранение такой обобщенной структуры является необходимым условием для понимания текста, а объем оперативной памяти человека ограничен*, уровень обобщения семантико-смысловых структур определяется возможностями оперативной памяти и не должен превышать 7 ± 2 смысловых единиц.

Перейдем к примерному анализу фрагмента текста. Приведем краткий реферат текста** и его первые несколько предложений.

* Дж. А. Миллер. Магическое число семь, плюс или минус два.

** Текст представляет собой речь представителя развивающейся страны на Генеральной Ассамблее ООН 1966 года. В ходе проведенного эксперимента этот текст переводился синхронно десятью синхронистами.

Реферат:

The developing countries have a grave multiplex problem of underdevelopment and a gap between themselves and the developed countries. The first UNCTAD adopted recommendations for solutions, but the developed countries lack the will to implement them. The developing countries are disappointed: they cannot modernise their societies.

Реферат получен методом последовательного четырехкратного сокращения оригинального текста сообщения путем зачеркивания повторов, мелких несущественных деталей и перифразирования.

Начало текста (в целом в тексте 31 предложение):

- (2) I would like to touch on the problem which in many ways bedevils the developing countries in Asia, Africa and Latin America.
- (3) Since the adoption of the resolution on the Development Decade this Assembly has increasingly turned its attention to the great problem of disparity between the standards of living of the developing and developed countries.
- 4) The turning point came in 1964 when at the first session of UN Conference on Trade and Development the international community took a pledge to tackle this problem in a systematic and concerted manner and gave to itself the machinery and the framework of a dynamic international policy for achieving this purpose.
- (8) The crisis of rising expectations in the face of diminishing will will get further aggravated and will lead to such deep frustration that it may shake the very foundation on which the international community is trying to build a new world order and lasting peace.

Первая фраза текста "Mister Chairman!" — всего лишь прагматические рамки текста, и ее анализ не представляет интереса. Начнем его с фразы (2). Часть фразы:

the problem which in many ways bedevils the developing countries in Asia, Africa and Latin America,

строго говоря, уже требует экспликации. Проведем перифразирование, сделав при этом один или несколько шагов в глубину.

- (2a) The developing countries in Asia, Africa and Latin America (L') have a problem (R')
 $L' + R' \rightarrow L_1$ (the problem of the developing countries)
- (2b) this problem (L^1) is grave (R)
 $L_1 + R \rightarrow L_1^1$ (the grave problem of the developing countries)
- (2c) this problem (L^1) is multiplex (R)
 $L_1^1 + R \rightarrow L^2$
- (2d) this problem (L^2) will be the main subject of discussion (R)
 $L^2 + R \rightarrow L^3$

\mathbb{L}_1^3 — это условное обозначение конфигурации семантических компонентов, которую можно вербализовать примерно как the developing countries' grave multiplex problem as the main subject of discussion (индекс внизу справа означает порядковый номер конфигурации, он произволен и определяется лишь некоторыми соображениями удобства, а индекс вверху справа означает ее ранг в предстоящем сообщении. По мере развития сообщения ранг может и далее повышаться).

Фраза (3) содержит дальнейшую характеристику конфигурации \mathbb{L}_1^3 и сообщает нечто новое, но порядок сообщения не строг и требует дальнейшего преодоления «скважности».

(3a') \mathbb{L}_1^3
is one of disparity between the standards of living of the developing and developed countries (\mathcal{R}) ($\mathbb{L}_1^3 + \mathcal{R} \rightarrow \mathbb{L}_1^4$)

либо, возможно:

(3a'') *one of the elements of the problem's multiplexity is disparity between...*

Так или иначе необходим еще один шаг в глубину (который реально делается несколькими переводчиками в эксперименте):

disparity between the standards of living означает:

(3b') **the standards of living in the developing countries are low** while **the standards of living in the developed countries are high** по экстралингвистическим данным

(3b'') *the standards of living in the developed countries are high*

И тем и другим путем мы получаем усложнение конфигурации \mathbb{L}_1^3 и можем приписать ей следующий ранг: \mathbb{L}_1^4 . «Новая информация» во фразе (3) эксплицируется следующим образом:

(3c) **This Assembly represents the United Nations** (\mathcal{R}') по экстралингвистическим данным

(3d) **The United Nations (\mathbb{L}_{011}^1) adopted a resolution** (\mathcal{R}'')

Возможен также шаг:

(3e) **This resolution (\mathbb{L}_{0011}) was on the Development Decade** (\mathcal{R}')

В итоге конфигурация, которую мы находим во фразе (3): the adoption (\mathbb{L}_{0111}) of the resolution (\mathbb{L}_{0011}) on the Development Decade (\mathbb{L}_{0001}).

Отметим, что возможна перифраза поверхностного уровня: ...since the United Nations adopted a resolution on the Development

Decade, но неопределенный артикль в этом случае меняет картину внутренних темо-рематических отношений.

И, наконец, последний шаг с обобщением:

(3f') Since \perp_{0111}
 \perp_{01} paid more and more attention to \perp_1^4 (R)

или:

(3f'*) \perp_1^4 has been in the centre of attention of \perp_{01} (R)
 since \perp_{0111}

что дает нам конфигурацию \perp_1^5 grave, multiplex problem, whose one aspect is low living standards, of concern to developing countries, speaker and the United Nations.

Схема семантической структуры (ССС) \perp_1^5 может быть изображена в обобщенном виде как точка на СССР, предполагающая развитие дальнейших связей, на схеме СССР² (ССС¹ будет получена после окончания анализа фразы 2 текста).

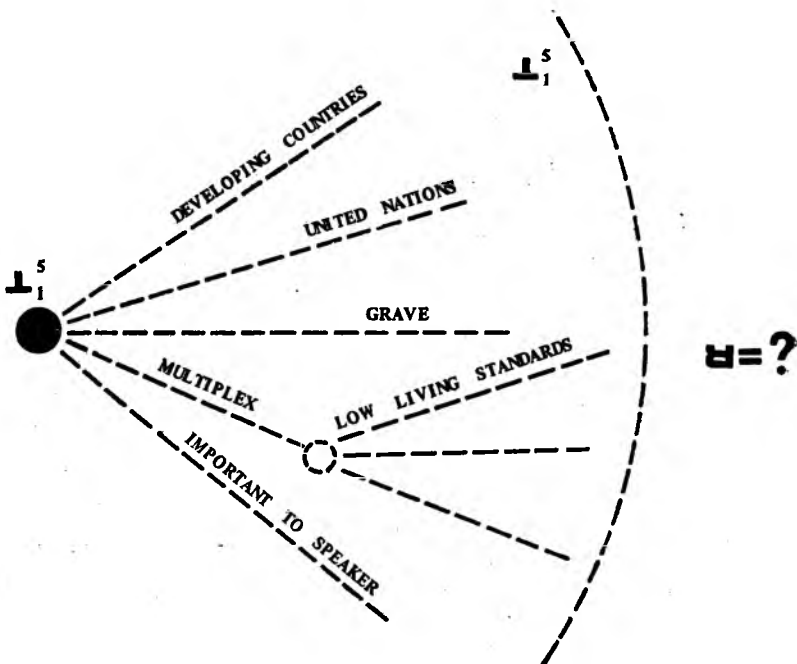

Рис. 14. Схема СССР²

ССС² репрезентирует некоторый сложный семантический компонент с намеченными связями с возможными другими семантическими компонентами или их конфигурациями, другими словами, открытое поле вероятностного прогноза. И хотя на данном уровне

обобщения мы уже не имеем дело с языковым знаком как таковым, представляется, что замечания Е. Л. Гинзбурга о плане содержания знака имеют прямое отношение к рассматриваемой схеме: «...знак — это такое единство плана содержания и плана выражения, где план содержания— двучастная организация имени называемого компонента ситуации А и совокупности Σ (А) имен связей названного компонента ситуации с другими компонентами той же ситуации, не названными данным знаком: $\Sigma(A) = (A, B), (A, C), \dots, (A, W)$Каждый знак содержит в себе указание на его возможные контексты и является символом всех этих контекстов»*.

И далее: «Разумно думать, что не все знаки при каждом их использовании и не все использования каждого знака характеризуются замещением всех валентностей. Незамещенность... некоторых валентностей... обеспечивает построение на основе данного текста других текстов или продолжение данного текста (понимание текста)... Дальнейшее усложнение схемы связано с тем, что валентности требуют своего замещения, но не накладывают никаких ограничений на вид замещающих знаков, а они могут быть простыми, состоящими из одного знака, но могут быть и сложными, представляющими собою нетривиальную окрестность знака, сочетание знаков».**

Рамки книги не позволяют промоделировать по всему тексту этот анализ, названный нами к у м у л я т и в н ы м д и н а м и ч е с к и м а н а л и з о м семантико-смыслового уровня. Из приведенных примеров видно, что в процессе такого анализа, осуществляемого синхронистом, непосредственно включаются факторы коммуникативной ситуации синхронного перевода.***

Следует указать, что в ходе анализа, строго говоря, нам не пришлось «спускаться» на существенно глубинный уровень — мы обошлись трансформациями на уровне, близком к поверхностному, прибегая не столько к истинно глубинным, сколько к ядерным конструкциям. В этой связи следует указать на то, что возможные методы обобщения семантической структуры текста в нашем анализе находят свое подтверждение в действующих механизмах речи, в готовых языковых структурах. Укажем на некоторые из них.

1. Трансформация номинализации или «депредикация».

the problem is grave → the grave problem

...adopted a resolution → the adoption of a resolution by...

2. Введение придаточных субъекта типа the fact that the United Nations adopted a resolution... с последующим применением дейктических указателей. Укажем на несколько типичных конструкций:

the fact that... → this fact

the situation where... → this situation

* Е. Л. Г и н з б у р г. Знаковые проблемы психолингвистики. В кн.: «Основы теории речевой деятельности», М., «Наука», 1974, с. 87.

** Там же, с. 88.

*** См. гл. 11.

the idea that... → this idea
the assumption that... → this assumption

Другими словами, ряд существующих языковых формул (здесь особенно важна роль дейксиса как орудия, которое используется там, где недостаточен языковой знак) служит в качестве механизмов, позволяющих как строить, так и воспринимать речевое сообщение при наличии «пределов нашей способности перерабатывать информацию» (Дж. Миллер). Указанные средства принадлежат к инструментам создания в тексте необходимой «смысловой скважности».

Последующий анализ по данной методике приводит нас к все большему укрупнению смысловых единиц, но также и оставляет «в уме» все большее число смысловых компонентов (упомянутых и поставленных в структуру, но «пока не действующих»); поэтому наряду с укрупненной («синтетической») структурой и параллельно с нею, по-видимому, в памяти в течение некоторого времени хранятся и составляющие «укрупненных» смысловых компонентов как имена связей с потенциальными участниками описываемой ситуации, что соответствует и общим представлениям современной психологии о механизмах памяти и переработки информации.*

Проведенные нами в анализе трансформации, отнюдь не являясь единственно возможными экспликациями глубинной рематичности рассматриваемых смысловых групп, в то же время свидетельствуют о том, что такая экспликация не автоматична, что она требует определенного поиска и не является легкой для синхрониста, воспринимающего такой текст в условиях острого дефицита времени.

Анализ экспериментальных переводов показывает, что тематические компоненты текста, впервые вводимые как ремы нулевого уровня высказывания, передаются безошибочно чаще, чем те, начальная рематичность которых требует экспликации, хотя бы на один шаг ниже нулевого уровня.

Приведем данные по десяти переводчикам.

* Дж. Миллер. Магическое число семь, плюс или минус два; А. А. Смирнов. Проблемы психологии памяти; П. Линдсей, Д. Норман. Переработка информации у человека.

Любопытно отметить, что имеется действующая экспериментальная машинная программа, имитирующая понимание речи человека (Стэнфордская группа «Искусственного разума» в Калифорнии, США), основанная на принципиально близких теоретических положениях, изложенных в работах Роджера Шэнка, в основу которой кладется целенаправленный поиск предсказуемых «концептуальных» (т. е. семантических — Г. Ч.) компонентов, предсказуемых в силу взаимозависимости элементарных компонентов «концептуализации» (конфигурации семантических компонентов). (См.: R. C. Schank. Identification of Conceptualizations Underlying Natural Language. In: R. C. Schank, K. M. Colby (Eds.) Computer Models of Thought and Language. San Francisco, 1973)

Тематический компонент текста И ₁	впервые вводятся в тексте в качестве... нулевого уровня	передано правильно (% переводчиков)
problem	R	80%
developing countries	R	90%
the United Nations	I (sit)	90%
gap between the developed and developing countries	A _R	60%
developed countries	A _R	60%
recommendations for the solution of the problem	R	90%
the first UNCTAD	P	40%
implementation of UN resolutions	A _T	30%
disappointment of the developing countries	R	90%
underdevelopment	R	100%
need to modernise the societies	R	80%

Примечание. I (sit.) — тема, введенная из экстралингвистического контекста, из КС_{сп}; A_R — атрибут в составе рематического компонента; A_T — атрибут в составе тематического компонента; P — распространитель (по терминологии Черняховской).

Особого обсуждения требует вопрос о рангах смысловых групп, получаемых в ходе кумулятивного динамического анализа текста. Мы полагаем, что различие в рангах смысловых компонентов, выявившихся в ходе анализа, и равноправное взаимодействие смысловых компонентов разного ранга отражают реальную сложность (отсутствие геометрического схематизма) и взаимопереплетение смыслов различного ранга (или порядка) в тексте, ибо оратор в процессе порождения речи (даже подготовки письменного текста речи, которая будет лишь зачитана на заседании) находится не только под организующим влиянием мотивации и цели выступления и под действием логических законов мышления, но и под возмущающим влиянием ассоциативности мышления, желая эмоционально воздействовать на аудиторию. Хорошая политическая речь есть продукт как логического, так и образного мышления.

В этой связи возникает вопрос об иерархии предикативных отношений в тексте, исследование которого имеет уже свою историю в психологии речи. У истока этих работ лежит известная уже цитированная работа Н. И. Жинкина «Развитие речи учащихся», опубликованная в 1956 году.

Проблема иерархии предикатов сформулирована Н. И. Жинкиным следующим образом:

«Если исходить из того положения, что субъектом высказывания является реальный предмет действительности, еще неизвест-

ный в каких-то качествах слушающему (читающему), то всякая речь может быть сведена к системе предикатов, которые, последовательно дополняя друг друга, раскрывают состав и соотношение признаков неизвестного ранее предмета действительности. Так обстоит дело в речи, утверждающей или отрицающей что-либо.

При анализе текста во всех случаях нам придется встретиться с системой предикативных отношений. Эти предикаты не нанизываются друг за другом в одну однородную цепь, но некоторые из них являются главными, другие дополнительными, а третьи дополнительными к этим вторым и т. д., то есть устанавливается некоторая иерархия предикатов.*

В свете изложенной выше модели кумулятивного динамического анализа поступающего к синхронисту сообщения представляется важным указать на следующее обстоятельство. Поскольку каждый предикат (или рема), присоединяемый к тематическому семантико-смысловому компоненту, у н и к а л е н, то ранг его может быть установлен только на основании ранга тематического КСК сообщения, «раскрытию состава и признаков которого» он служит. В зависимости от того, к какому тематическому компоненту сообщения присоединяется данная рема, и устанавливается соответствующий ранг предиката, воссоздавая тем самым иерархию семантико-смысловых отношений в сообщении.

В нашем анализе наивысший ранг получает смысловой компонент, вобравший наибольшее количество атрибутивных связей (депредикаторизованный экспликант), а в то же время «закостеневшие» компоненты, источник которых, прежде всего, в экстралингвистической ситуации $КС_{сп}$, описанной текстом, сохраняют ранг неизменным до конца текста. Отметим, что выделенная оратором в качестве основной темы текста конфигурация \underline{I}_1^5 уже к концу анализа фразы 3 получает наивысший ранг.

Моделирование кумулятивного динамического анализа сообщения, проводимого синхронистом, показывает, что основа смысловой структуры текста оказывается полностью достроенной к концу фразы 8 текста. Таким образом, уже к концу первой четверти текста оказываются полностью построенными рамки вероятностного прогноза всей семантической структуры текста, а в ходе его дальнейшего развития этот костяк лишь обогащается новыми связями (подчиненного характера) и новыми признаками основных семантико-смысловых компонентов. Другими словами, в ходе дальнейшего анализа не появляются новые семантико-смысловые компоненты, но происходит возрастание ранга уже известных семантико-смысловых компонентов.

И, наконец, что особенно важно в терминах темо-рематического анализа, распространенного нами как на более глубокие уровни (ниже заданного в тексте — поверхностного), так и на суперуровни

* Н. И. Ж и н к и н. Развитие письменной речи учащихся III — VII классов, с. 148.

выше заданного в тексте) — финальное реферативное изложение отражает основные темо-рематические отношения текста, которые условно можно назвать темой и ремой текста. Тематическими компонентами поверхностных фраз реферата становятся неизменно повторяющиеся исходные смысловые компоненты, имеющие нулевой ранг в кумулятивном анализе, а ремой поверхностных фраз реферата — смысловые компоненты, получившие наивысший ранг в ходе кумулятивного анализа, то есть те, которые вобрали в себя наибольшее количество новых признаков.

Проведенный анализ подтверждает гипотезу о максимальной предсказуемости семантических компонентов тематической составляющей на всех уровнях текста и вскрывает ее механизмы в синхронном переводе. Напротив, рематические элементы текста (субтекста, предложения) могут прогнозироваться лишь при достаточном уровне избыточности соответственно на каждом более высоком уровне иерархии механизма синхронного перевода (рема предложения — на уровне текста, рема текста — на уровне коммуникативной ситуации).

Из положения об избыточности как свойстве тематической составляющей текста следует, что речевая компрессия в СП возможна только в тематической составляющей как на уровне высказывания (фразы, предложения), так и на уровне сообщения (текста).

Предложенная модель семантико-смыслового уровня вероятностного прогнозирования в синхронном переводе не только не отрицает возможной стратегии подстановки прямых лексических и синтаксических соответствий в СП без перехода на глубинный уровень в рамках отдельного предложения, но, напротив, на основе сравнения схем семантико-смысловой структуры фраз текстов ИЯ и ПЯ позволяет четче выявить случаи ее применения и подтверждает эвристический принцип выбора стратегии переводчиком*. С другой стороны, она позволяет по-новому подойти к анализу ряда проблем синхронного перевода, в частности, к анализу проблемы речевой компрессии в СП.**

* А. А. Леонтьев. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания, с. 254.

** В частности, имеется в виду опубликованная ранее работа автора: Г. В. Чернов. Синхронный перевод: речевая компрессия — лингвистическая проблема.

Глава 11. КОММУНИКАТИВНАЯ СИТУАЦИЯ СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДА

...Я помню..., как однажды... мне пришлось неожиданно включиться в перевод речи оратора, имя и национальная принадлежность которого были мне неизвестны. Он говорил на чистейшем английском языке, регулярно вставляя в свою речь типично английские «хм» и... начав свое выступление шуткой, бывшей в ходу у ораторов-ангლოსаксов. Я была уверена, что перевожу англичанина, вероятнее всего, консерватора, судя по характеру речи, и я ничего не поняла в его тщательной аргументации в пользу создания зоны свободной торговли сельскохозяйственными продуктами в Европе. Искалечив его выступление, сгладив все острые углы и обойдя все двусмысленные места, я узнала, что оратор был представителем Дании, и все поняла..., но, увы, — слишком поздно...

Д. [Селескович*]

...Синхронный перевод требует от переводчика быстрой реакции по мгновенному вживанию в образ говорящего...

Б. Штайер**

В предыдущих главах мы уже неоднократно ссылались на какие-то данные (информацию), известные переводчику «из экстралингвистической ситуации».

Полученная в результате объективного анализа финальная смысловая структура (см. краткий реферат текста речи в гл. 10, а также схему ССС текста), несомненно, является отражением некоторых предметных экстралингвистических связей действительности, с и т у а ц и и.*** Естественно, реальная действительная ситуация неизмеримо богаче той, которая представлена, репрезентирована в речи оратора. То, что сказано в речи оратора — с о д е р ж а н и е его речи, — дает лишь фрагмент общей картины экономического

* D. Seleskovitch. L'interprète dans les conférences internationales, p. 62.

** Б. Штайер. О механизме синхронного перевода, с. 105.

*** Ср. у А. А. Леонтьева: «...инвариантом (при переводе. — Г. Ч.) является... внутренняя программа речевого высказывания — система функционально «нагруженных» смыслами элементов предметно-изобразительного кода или действий над подобными элементами. А поскольку смысл есть функция соотносительности мотивации и целенаправленности деятельности, выбор программы обусловлен предшествующим опытом организма (вероятностное прогнозирование), а структура программы, в частности, — факторами ситуации и контекста, поскольку все эти факторы релевантны при переводе и должны быть привлекаемы при его психологическом анализе (хотя в типовых для перевода случаях некоторые из этих факторов нейтрализуются — скажем, фактор опыта и фактор ситуации)». (А. А. Леонтьев. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания, с. 172)

и социально-экономического положения в мире во второй половине 1966 года, — фрагмент, выделяемый данным оратором с целью оказания воздействия на аудиторию. Принципиально существенным является то, что оратор, рисуя фрагмент общей содержательной картины на заданную тему, не рисует картину полностью заново, он лишь выделяет, «проявляет» фрагмент уже известной картины, подчеркивая определенные предметные содержательные категории и их взаимосвязи, имея при этом в виду оказание определенного воздействия на аудиторию. Таким образом, даже в этом предельно кратком описании фрагмента ситуации уже обязательно имеются известные элементы и известные взаимосвязи, следовательно, имеются элементы и з б ы т о ч н о с т и.

Этот наивысший уровень избыточности определяется той ситуацией, в которой осуществляется речь, подлежащая синхронному переводу.

Вопрос о речевой ситуации принято рассматривать в двух аспектах: с точки зрения отражения в речи объективной ситуации как отрезка действительности и с точки зрения той обстановки, ситуации, в которой происходит общение. И тот и другой аспекты рассмотрения представлены как в современном языкознании, так и в ряде смежных дисциплин, — паралингвистике, теории коммуникации, психолингвистике.

В лингвистических дисциплинах вопрос о ситуациях рассматривается, во-первых, как проблема денотативного предметного содержания высказывания* и, во-вторых, как проблема экстралингвистического контекста или паралингвистического фактора, взаимодействующего с вербальной коммуникацией и несущей определенную коммуникативную нагрузку.** И в том и в другом случае, как правило, рассматривается ситуативный контекст на уровне отдельного высказывания (предложения). В некоторых случаях обращается внимание на широкий ситуативный контекст краткого сообщения, равного отдельному высказыванию.

Проблема денотативного предметного содержания высказывания уже давно поставлена применительно к переводу в трудах теоретиков перевода как проблема «обращения к действительности» при переводе.

* См., например, труды В. Г. Гака, работы В. Н. Комиссарова по теории перевода. Так, В. Н. Комиссаров, рассматривая уровни эквивалентности при переводе, вводит понятие перевода на уровне идентификации ситуации и на уровне описания ситуации. (В. Н. К о м и с с а р о в. Проблемы лингвистического анализа перевода. Автореферат докт. дисс., М., МГПИИЯ, 1975)

** Ср. у Г. В. Колшанского: «Наиболее общим паралингвистическим средством устного общения является ситуация как совокупность реальных временных, пространственных и предметных условий, служащая как бы своеобразным тематическим индексом всей коммуникации (эту ситуацию надо четко отличать от понятия тематических контекстов в письменном языке)». (Г. В. К о л ш а н с к и й. Паралингвистика. М., «Наука», 1974, с. 59)

1. КОММУНИКАТИВНАЯ СИТУАЦИЯ СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДА

При рассмотрении синхронного перевода и его механизма проблема коммуникативной ситуации приобретает свои особые специфические черты.

Как показывают предыдущие примеры, становится существенно важным включить в рассмотрение механизма синхронного перевода проблему взаимодействия ситуации целого сообщения (текста) с характером предикативно-смысловой структуры сообщения (текста). Назовем ее коммуникативной ситуацией (КС). КС можно рассматривать как некоторый набор факторов экстралингвистической обстановки, в которой осуществляется коммуникация, разворачивается сообщение, в их взаимодействии. КС можно классифицировать по-разному в зависимости от целей исследования. С точки зрения устного перевода, то есть такого канала коммуникации, в который вставлено дополнительное звено (перекодирующее устройство) в виде переводчика-человека, КС можно классифицировать по числу участников акта коммуникации со стороны источника и со стороны реципиента, между которыми в качестве посредника выступает устный переводчик. Такая классификация будет соответствовать различным видам устного перевода: двустороннему переводу, шепотному переводу делегату на конференции и т. п. С этой точки зрения, релевантной для СП ораторского выступления является такая КС, в которой имеется источник сообщения — индивидуум, выступающий с речью (монологом), и коллективный реципиент (аудитория). Обозначим эту ситуацию условно $КС_{сп}$.

В $КС_{сп}$ можно выделить набор элементов (факторов), которые выявляются при ответе на следующие вопросы: 1) кто? 2) о чем? на какую тему? 3) перед кем? кому? 4) где? 5) когда? 6) зачем? с какой целью? 7) почему? В этот набор не включается вопрос «что делает?», так как ответ на него ясен по определению $КС_{сп}$ — «выступает с речью». Таким образом, элементы структуры $КС_{сп}$ можно представить как набор факторов, характеризующих источник сообщения (оратора) — S, тему сообщения (тематические рамки) — T, реципиента (аудиторию, состав участников форума) — A, место (форум) — F, время (отнесенность к определенному событию или последовательность событий) — E, цель выступления — P и мотив его — M.

Рассмотрим подробнее факторы $КС_{сп}$.

F — форум. Под форумом мы будем понимать очередную или чрезвычайную сессию международной организации, или разовую международную встречу или конференцию (конгресс, симпозиум и т. п.). Исходные данные о форуме, если и не определяют исчерпывающим образом остальные факторы $КС_{сп}$, то уже создают достаточно ясные наметки вероятностного прогноза в отношении тематических рамок, круга событий, возможного состава аудитории и ораторов. Заранее может быть известным возможное разбиение форума на «субфорумы»: комиссии, комитеты и подкомиссии, в рамках ко-

торых немедленно происходит следующий шаг конкретизации факторов Т, Е, А и S.

Т — тематические рамки. Тематические рамки предстоящего к переводу сообщения (речи, доклада, выступления в прениях и т. д.) не означают точного определения темы сообщения, но задают более или менее строго очерченный круг тематики предстоящих сообщений, с высокой степенью вероятности исключая иные темы, выходящие за данные тематические рамки. При этом исходные данные о тематике позволяют прогнозировать как круг возможных форумов, так и круг возможных факторов F, E, A и S.

Естественно, что тематика может формулироваться как с какой угодно степенью обобщения, так и с какой угодно степенью подробности (как неисчерпаем сам процесс познания), но следует отметить, что исходные данные о некоторой тематике предполагают (позволяют с большой степенью вероятности прогнозировать) не только возможный круг тем, но и возможный уровень их обобщенности или подробности.

Следует указать на то, что фактор Т теснейшим образом связан собственно с содержанием сообщения и выявляется полностью только в ходе самого сообщения.

Е — временные или событийные рамки. Этот фактор следует подразделить на два подфактора — событие или последовательность событий (собственно E) и чисто временной фактор, который мы обозначим E_t .

Под фактором E мы будем понимать как те события, которые явились поводом для созыва данного форума, так и те, которые происходят в связи с работой форума или в ходе его работы. Фактор E прежде всего применим к международной обстановке и, следовательно, к широкому кругу международных встреч и сессий международных организаций, посвященных международной социально-политической и социально-экономической деятельности.

В применении к сфере культурного и научно-технического обмена фактор E должен быть несколько модифицирован. В этих случаях под «событием» будет пониматься повод для созыва форума, а в некоторых случаях E будет сливаться с фактором Т — тематикой встречи.

В первом случае исходные данные о факторе E могут задать возможный круг тематики и форумов, а следовательно, и круг возможных аудиторий и ораторов. Особенно тесно взаимосвязаны принципом причинности факторы E и Т, причем E определяет Т. Такая связь может стать почти неразделимой во втором случае.

Приведем примеры.

1. Возникновение экономического, валютно-финансового и энергетического кризиса капиталистических стран Западной Европы, США и Канады неизбежно предопределяет большую вероятность международных встреч типа совещания в верхах в Рамбуэе,

состоявшегося в ноябре 1975 года, и круг тематики такого совещания.

2. Возникновение такого значительного научного открытия, как синтез 106 элемента таблицы Менделеева, осуществленный в г. Дубне в лаборатории академика Флерова, неизбежно становится темой любой конференции по ядерному синтезу.

Пример второго рода.

Внесение на рассмотрение форума в ходе его проекта резолюции очень часто приводит к созданию редакционного комитета или редакционной подкомиссии для его обсуждения, доработки и согласования, а также к проведению отдельного заседания или его части, посвященного обсуждению и принятию резолюции.

Отдельного рассмотрения требует частный фактор E_t как фактор чисто временной, который объединяется с фактором E по принципу частной, но устойчивой взаимосвязи. Он относится прежде всего к обстановке работы постоянных международных организаций. Сразу поясним его примером. Исходные данные о времени вызова синхрониста на работу служат сигналом о форуме и часто, хотя и не всегда, — о событии и тематике заседания. Например, вызов синхрониста ООН из отпуска в начале сентября может означать созыв чрезвычайной (незапланированной) сессии Генеральной Ассамблеи ООН или ее рабочего органа, а вызов по телефону на работу среди ночи почти наверняка означает срочный созыв Совета Безопасности ООН.

A — аудитория.* Этот фактор $KC_{\text{сн}}$ имеет двоякую функцию в синхронном переводе.

Прежде всего рассмотрим его как сигнальный фактор вероятностного прогнозирования содержания сообщения, то есть с тех же позиций, с которых мы уже рассмотрели факторы F , T и E . Предварительное знакомство с аудиторией подсказывает как четыре фактора (F , T , E и S), уже рассмотренные выше, так и не рассмотренный еще фактор P — цели выступления оратора. Во всех случаях фактор A сигнализирует возможный круг или рамки (некоторый возможный набор $F_1, F_2, F_3, \dots F_n; T_1, T_2, T_3, \dots T_n; E_1, E_2, E_3, \dots E_n; S_1, S_2, S_3, \dots S_n, \text{ etc.}$) действия фактора.

Фактор A особо связан с фактором S , ибо в рассматриваемых условиях международного общения каждый «слушатель» или член

* Следующее определение аудитории, данное применительно к лекционной пропаганде, полностью относится и к $KC_{\text{сн}}$: «Аудитория — это кратковременная общность людей, объединенных 1) наличием мотива, побудившего прийти на лекцию, и соотносённостью этого мотива с самим объектом действия, то есть с лекцией; 2) воздействием одной и той же информации (зрительно-слуховой); 3) занятостью одним и тем же видом деятельности; 4) наличием непосредственных межличностных зрительных и слуховых контактов и 5) одновременно присутствия в одном и том же месте». (И. А. З и м н я я. Психологические особенности восприятия лекций в аудитории. М., «Знание», 1970, с. 11)

аудитории потенциально и сам является оратором (S) и, следовательно, при известном уровне знакомства с А становится возможным прогноз целей (Р) выступлений $S_1, S_2, S_3, \dots S_n$, очерчивается круг возможных Р.

Здесь следует уточнить, что характер взаимодействия А и Р несколько отличается от предыдущих случаев, это взаимодействие опосредовано S (см. ниже).

Вторая функция фактора А в $KC_{сп}$ будет рассмотрена несколько ниже.

S — оратор. Знакомство с оратором (будь то докладчик или выступающий в прениях) предполагает прежде всего знание того, какую страну, партию (или организацию, или — для научной конференции — научную школу и т. д.) он представляет и, соответственно, знание особенностей позиции данной страны (организации, партии, научной школы или любой другой представляемой социальной группы) по обсуждаемому вопросу. Следующим (более высоким) уровнем знакомства с оратором будет знакомство с его личностными характеристиками (авторитетом, ораторскими данными) и, по возможности, с мотивами и целью его выступления.*

Именно отсутствие этих данных и привело к провалу переводчика, описанному Д. Селескович.**

Фактор S — знакомство с оратором — вступает в силу как сигнальный фактор $KC_{сп}$, позволяющий не только прогнозировать содержание речи оратора непосредственно в момент речи, но и предполагать заранее как высшие факторы $KC_{сп}$ — F, T, E и A, так и факторы, непосредственно связанные с содержанием сообщения: цель и мотив выступления данного оратора (Р и М).

На первом уровне знакомства с оратором (знание фактора S $KC_{сп}$) прогнозируется некоторый круг (рамки) тематики, а также Р и М.

На более высоком уровне прогноз становится значительно более однозначным, и, напротив, отсутствие знаний об ораторе часто резко затрудняет работу синхрониста, точнее — восприятие им семантико-смысловой структуры сообщения.

Обобщая значение факторов А и S в структуре $KC_{сп}$, можно указать и на то, что в рамках психологии общения или теории коммуникации общение между оратором и международной аудиторией можно классифицировать как **формальное ролевое** общение, роли участников которого определяются остальными факторами $KC_{сп}$: F, E и T.

* Ср. у А. А. Леонтьева: «Некоторые виды общения опосредованы социальными ролями. Такое общение называется ролевым. В этом случае люди общаются не просто как личности, а прежде всего как носители определенных социальных ролей...» И далее: «... в ролевое общение вводятся характеристики личности общающихся людей — носителей определенных ролей». (Социальная психология. Краткий очерк. Под общ. ред. Г. П. Прядченко и Ю. А. Шерковина. М., Изд-во полит. лит-ры, 1975, с. 160 и 161)

** См. эпиграф к главе 11.

Как указывает И. А. Зимняя, анализируя уровни понимания лекции в массовой аудитории,* существуют, по крайней мере, три уровня понимания сообщения: представление о предмете (теме), понимание содержания сообщения и понимание средств, которыми пользуется оратор, раскрывая содержание сообщения.

К этим уровням понимания следует добавить понимание цели сообщения (третий уровень предполагает это) и мотива выступления оратора.

Если цель сообщения может быть раскрыта (хотя и далеко не обязательно) в самом сообщении, то понимание мотива (фактор М) может быть достигнуто только при хорошем знакомстве с фактором S.

Тем самым фактор S становится теснейшим образом связан с факторами Р и М, знание которых обеспечивает полное понимание содержания переводимого сообщения, а следовательно, успешность процесса ВП на смысловых и вербальных уровнях.

Р и М — факторы цели и мотива сообщения — достаточно хорошо и подробно раскрыты в современной советской психологии — в теории деятельности** при условии, если, как это делается в настоящей работе, рассматривать речевую коммуникацию как форму общественно-коммуникативной деятельности.***

Как указывают авторы книги «Социальная психология»****, «мотив — потребность, ценностная ориентация и интерес субъекта, побуждающие его к принятию решения действовать определенным образом в данной ситуации...»; «...процесс мотивации деятельности и поведения определяется конкретным состоянием общества, социальной среды, социальными нормами, конкретным положением личности, группы в обществе и социальной среде, системой потребностей и социально-психологической системой элементарных и аналитических форм. Мотив является производным (на осознанном и неосознанном уровне) этих четырех зависимостей»*****.

При рассмотрении роли мотива и цели выступления оратора на международном форуме в общей структуре КС_{сп} особенно важно следующее обстоятельство, отмечаемое авторами указанной книги: «...для того, чтобы... аккумулированные потребности и опыт преобразовались в действие, необходимо дополнительное воздействие внешних для психической системы факторов. Только тогда возникает мотив... Дополнительное внешнее воздействие имеет или характер информации об изменении обстоятельств конкретной ситуации в об-

* И. А. Зимняя. Психологические особенности восприятия лекций в аудитории, с. 20—21.

** См., например: А. Н. Леонтьев. Проблемы развития психики.

*** И. А. Зимняя. Психология слушания и говорения. Автореферат докт. дисс. М., МГУ, 1973, с. 5; е е ж е. Основы теории речевой деятельности, с. 64—72.

**** Социальная психология. Краткий очерк.

***** Там же, с. 102.

ществе, в группе, дающих возможность субъекту реализовать свои интересы, или характер прямого практического действия, направленного непосредственно против интересов субъекта, что должно вызвать ответ на эти действия (разрядка моя. — Г. Ч.)».*

Прогнозирующую (сигнальную) силу для понимания синхронистом мотива выступления оратора имеют именно эти конкретные знания об изменении обстоятельств в общей ситуации, о «практическом действии, направленном против субъекта» (или группы, которую он представляет, в ее отношении к социальной роли и личности оратора).

Понимание мотивационной, побудительной стороны действия (в нашем случае — речевого действия — выступления оратора на форуме) синхронистом становится важным в сочетании со значением цели выступления, непосредственного ожидаемого результата этого акта, ибо «сознательный смысл» выступления, как отмечает А. Н. Леонтьев,** «выражает отношение мотива к цели»***

Теория деятельности в трактовке советской психологической школы Л. С. Выготского и А. Н. Леонтьева понимает цель как непосредственный результат действия (в данном случае выступление оратора), на достижение которого оно направлено. Так и следует определить фактор $P_{КС_{сп}}$.

Цель выступления оратора часто непосредственно вербализуется, получает свое эксплицитное выражение в сообщении; мотив же, как правило, остается скрытым. Если даже он и вербализуется в виде мотивировки с выражением модальности (желательности, возможности, долженствования или необходимости), то это не дает никакой гарантии истинности в отражении мотива.

В практике $КС_{сп}$ мотивировка, выражаемая вербально, может быть сознательным искажением истинного мотива выступления.****

Например, как свидетельствует практика ООН, истинным мотивом выступления какой-либо делегации в пользу принятия проекта резолюции может быть отнюдь не тот, который приводится в качестве мотивировки. Так, отстаивая вмешательство в дела бывшего Бельгийского Конго, получившего независимость 30 июня 1960 г., делегация США, на словах выступая за единство страны и против отделения Катанги, на самом деле стремилась вытеснить из Катанги англо-бельгийский капитал и расчистить путь американскому ка-

* Там же, с. 102.

** А. Н. Леонтьев. Проблемы развития психики, с. 292.

*** «...Сознательный смысл создается отражающимся в голове человека объективным отношением того, что побуждает его действовать, к тому, на что его действие направлено как на свой непосредственный результат. Другими словами, сознательный смысл выражает отношение мотива к цели». (Там же, с. 292)

**** Социальная психология, с. 104.

питалу к полиметаллическим рудникам Катанги.* Естественно, ни в одном выступлении ни на Генеральной Ассамблее ООН, ни в Совете Безопасности этот мотив не фигурировал.

2. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФАКТОРОВ $KC_{сп}$

Перечисленные выше факторы $KC_{сп}$ реально, как правило, выступают в тесном взаимодействии и взаимосвязи. Напротив, если в экспериментальных целях требуется выделить какой-либо один фактор, сделать это оказывается почти невозможно.

Во-первых, фактор форума немедленно включает в действие тесно связанные с ним факторы Т и А и практически невыделим в чистом виде.

Во-вторых, фактор F в совокупности с фактором Е дает практически почти полную $KC_{сп}$, за исключением факторов S, P и M, которые требуют конкретизации.

Факторы P и M теснейшим образом связаны с фактором S (характеристикой оратора). Кроме того, для полного их раскрытия необходимо и знакомство с F, T, A и E. Другими словами, эти два фактора как бы увенчивают структуру $KC_{сп}$, полностью раскрываясь лишь во взаимодействии со всеми факторами коммуникативной ситуации синхронного перевода.

Некоторые факторы могут иметь прогнозирующую силу, прежде всего по отношению к другим факторам, и, опосредованно, по отношению к сообщению (F по отношению к остальным, T по отношению к остальным, S по отношению к P и M и т. д.).

Другие факторы имеют непосредственно прогнозирующую силу по отношению к тексту (сообщению).

Элементы структуры $KC_{сп}$ занимают подчиненное положение по отношению к $KC_{сп}$ в целом, но в отдельных случаях знакомство с источником сообщения, местом, временем, реципиентом и темой сообщения может выдвигаться на первый план в структуре экстравербальных уровней вероятностного прогнозирования в СП в зависимости от степени конкретизации каждого фактора, а также в зависимости от изменений в $KC_{сп}$, связанных с изменениями в рамках того или иного фактора.

Информативность для синхронного переводчика различных элементов $KC_{сп}$ * может быть разной в зависимости от того, какие из них играют в данном случае роль постоянных факторов, а какие — переменных. Возможны реальные ситуации, позволяющие оценить вес того или иного фактора в структуре $KC_{сп}$, хотя они почти не поддаются моделированию в лабораторных условиях.

Рассмотрим несколько примеров возможного выделения одного из факторов при сохранении остальных в качестве постоянных.

Смена F (форума). Это возможно, например, в тех редких слу-

* Conor Cruise O'Brien. To Katanga and Back. A UN case history. Ldn., 1962.

чаях, когда один и тот же вопрос обсуждается в разных комиссиях одного форума (допустим, проект резолюции в комитете Генеральной Ассамблеи ООН и на пленарном заседании). В большинстве же случаев смена F повлечет за собой изменения в факторах A , S и в значительной мере T (поскольку появится новый угол зрения, типичный для F_2).

Легче выделить переменный T . Например, в определенных случаях (когда переводчик на протяжении какого-то отрезка времени переводит серию выступлений одного оратора, выступающего на одном и том же форуме и в одной и той же аудитории) переменным фактором будет тема (подтема, субподтема, микротема) коммуникации. В данном случае надежность вероятностного прогноза смысловой структуры сообщения является функцией одного аргумента — переменной темы.

Изменения в E (событие), что может быть достаточно характерно для постоянной международной организации, влекут за собой в обязательном виде новую конкретизацию T и — факультативно — новые конкретизации в A и S , а также в P и M . Постоянной остается в этом случае лишь F .

Естественно, что при постоянных факторах F , T , A и E переменными наиболее часто выступают S , P и M . Известную самостоятельность этих факторов $KC_{\text{сп}}$ можно проиллюстрировать следующим примером. Выступая на Генеральной Ассамблее ООН, оратор говорит об «ответственности великих держав в деле ликвидации локальных конфликтов». $KC_{\text{сп}}$ в целом эксплицирует эти слова как «в и н а великих держав за возникновение некоторых локальных конфликтов в прошлом». В зависимости от оратора, от того, делегатом какой именно страны является выступающий, и, следовательно, в зависимости от политики правительства этой страны слова «великие державы» и «некоторые локальные конфликты в прошлом» могут приобретать конкретную референцию. Делегат арабской страны может имплицировать конфликт на Ближнем Востоке, делегат африканской страны — попытки расистов ЮАР и Родезии подавить национально-освободительные движения на юге Африки и т. д.

Набор последовательных конкретизаций каждого фактора представляет собой многоуровневую структуру $KC_{\text{сп}}$. Ее особенность заключается в том, что $KC_{\text{сп}}$ не описывается простым высказыванием (предложением). Необходимым и достаточным ее описанием является такое описание, которое содержит характеристики всего набора последовательных конкретизаций каждого фактора. Пример многоуровневой структуры $KC_{\text{сп}}$ приводится в таблице 16.

В целях более детального исследования условий протекания синхронного перевода, а также в методических целях следует дать описания типичных сочетаний наборов элементов $KC_{\text{сп}}$, которые составят некоторые стандартные $KC_{\text{сп}}$. Отчасти такие стандартные $KC_{\text{сп}}$ описываются в уставах, регламентах и правилах

	Из «Правил процедуры Генеральной Ассамблеи ООН»	Последовательные конкретизации КС _{СП}			Примечания
1. Кто? S	Делегация... страны — члена ООН..., состоящая из... 5 членов и 5 заместителей членов делегации	Делегат западной страны	Англия (Соединенное Королевство)	Министр иностранных дел, лейборист (...консерватор) г-н X (Y, Z...)	а не постоянный представитель при ООН, либо советник делегации
2. Где? F	Сессии проходят в Центральных учреждениях ООН...	В Нью-Йорке, США	На берегу Ист-Ривер	Зал заседаний Генеральной Ассамблеи (с трибуны)	а не в зале Комитета, где микрофон — на месте делегата, а не на трибуне
3. Когда? E	Сессии Генеральной Ассамблеи ООН собираются ежегодно... в третий вторник сентября	на XX... сессии Генеральной Ассамблеи ООН	...октября	Утреннее заседание, второй оратор	В отличие, например, от ночного заседания

	Из «Правил Процедуры Генеральной Ассамблеи ООН»	Последовательные конкретизации КС _{СП}			Примечания
4. Кому? А	Пленарное заседание... или Комитет... или Подкомитет... и т. п.	1. ...делегаций + руководство Секретариата ООН + пресса	Делегации: западных стран, развивающихся стран, социалистических стран...	Министр иностранных дел СССР, Генеральный секретарь ООН...	а не постоянный представитель..., а не Зам. генерального секретаря..., а не только публика.
5. О чем? Т	Тема: определяется разделом «Повестка дня»	Спец. по пунктам, например: 5, 13, 19 Повестка дня сессии	т. е. разрушение и контроль..., охрана окружающей среды... и т. д.	Основные аргументы делегации по пунктам... + полемика...	а не проекты резолюций, которые обсуждаются в Комитете...
6. Зачем? Р	Не указывают			Изложить позицию правительства по вопросу	а не общий теоретический принцип
7. Почему? М	Не указывают			Сохранить экономические позиции Англии в бывших колониях	и не допустить невыгодной резолюции

процедуры международных форумов.* Например, в правилах процедуры Генеральной Ассамблеи ООН⁸ определяются почти все (пять основных) элементы КС_{сп}: источник сообщения — член делегации государства — члена ООН на Генеральной Ассамблее; место — «сессии проходят в Центральных учреждениях ООН...»; время — «...собирается ежегодно на очередную сессию в третий вторник сентября»; реципиент — все делегации, участники сессии; темы определяются повесткой дня сессии, а порядок ее утверждения — разделом «Повестка дня» Правил процедуры.

К числу стандартных КС_{сп} в применении к Генеральной Ассамблее ООН можно отнести, например, следующие ситуации: «избрание нового Председателя сессии»; «принятие новых членов в ООН»; «голосование проекта резолюции»; «заключительное заседание в комитете» (так называемая «раздача букетов») и т. п.

Формализация КС_{сп} и анализ ее структуры имеют не только теоретическое, но и практическое значение. Структура КС_{сп} может послужить теоретической основой для разработки стандартного набора сведений, которые организация, заключающая контракт с синхронным переводчиком, обязана сообщить ему заблаговременно до начала конференции.

С другой стороны, описанная структура КС_{сп} может лечь в основу разработки глоссариев типичных клише, которые следует составлять для стандартных КС_{сп} по аналогии с разрабатываемыми сейчас глоссариями «процедурной терминологии и фразеологии», а также тематическими глоссариями.

Теперь, исходя из анализа коммуникативной ситуации СП и той роли дополнения информационной неполноценности для синхрониста, которую играет КС_{сп}, следует рассмотреть один частный случай КС_{сп}, однако достаточно типичный в практике синхронного перевода.

Речь идет о переводе дискуссии по какому-то частному вопросу, в ходе которой ораторы сменяют друг друга, выступая кратко, иногда с короткими замечаниями — всего по несколько предложений. В этом случае речь начинает терять качества монолога, по ряду характеристик приближаясь к диалогической речи или занимая промежуточное положение между монологом и диалогом. Чаще всего это случается при обсуждении проекта резолюции, формулировки в докладе и т. д.

Выступления в такой дискуссии характеризуются содержательной неполнотой, эллиптичностью, а главное, строгим единством и определенностью конкретной темы для всей дискуссии. В ходе та-

* Ср.: «Несмотря на текучий характер внешних обстоятельств, существуют некоторые стереотипы ситуаций, которые сопровождают тот или иной тип коммуникации, определяют то или иное конкретное содержание акта коммуникации». (Г. В. Колшанский. Функции паралингвистических средств в языковой коммуникации. «Вопросы языкознания», 1973, № 1, с. 16)

кой дискуссии, как и в диалоге, тематическое единство сохраняется на протяжении всего «сеанса» общения.

В терминах КС_{сп} ее структура приобретает следующий вид: факторы F, T, E и A сохраняются как строго конкретные и постоянные; факторы S, P и M являются переменными.

При строгой конкретности, определенности и неизменности форума, событийной и временной отнесенности, аудитории и темы оратор, руководствуясь своим собственным мотивом и преследуя свою (не собственно личную, а социально-ролевую) цель, попадает в строгие рамки содержательной семантико-смысловой структуры при порождении высказывания. Таким образом, содержательно дискуссия как бы образует е д и н ы й «т е к с т», имеющий особые специфические черты.

Главной характеристикой такого текстового эквивалента является общность основной семантико-смысловой структуры, проявляющаяся в тематическом компоненте «текста» и составляющих его отдельных высказываниях, в общности предметного содержания высказываний. Отличительной чертой каждого высказывания является определенная целевая направленность, стремление внести в текст, являющийся предметом обсуждения, определенную оценку или определенное требование, которое потенциально может стать побуждением к действию (международный или международно-правовой, оценочный, рекомендательный или обязательный текст: доклад, резолюция, решение, статья конвенции, формулировка принципа и т. д.).

В силу предметно-содержательной общности, лежащей в основе общей семантико-смысловой структуры дискуссии, дискуссия (текстовой эквивалент) обладает большой избыточностью. Отсюда стремление ораторов к краткости и эллиптичности, восполняемой ситуативно.

С точки зрения СП перевод дискуссии такого рода следует рассматривать как перевод единого текста. Однако он обладает своей спецификой.

1) В силу эллиптичности и содержательной неполноты высказываний решающее значение для правильного их восприятия приобретает знакомство с КС_{сп} во всей ее конкретности и полноте.

2) При знакомстве с КС_{сп} избыточность дискуссии значительно превышает обычную избыточность выступлений в рамках того же форума.*

3) С точки зрения роли КС_{сп} в процессе ВП высказывания решающую роль приобретает знакомство с оратором (фактор S) и целью его выступления (выступлений) (фактор P).

4) В этих условиях синхронист ведет активный поиск наиболее информативного элемента (ремы, ключевой предикации) в выска-

* Отсюда практический совет организаторам: Do not change horses in the midstream of a discussion.

звании оратора. Таким элементом может быть вариант формулировки, аргумент «за» или «против» поправки и т. п.

* * *

Анализ факторов коммуникативной ситуации синхронного перевода завершает общий анализ источников избыточности ораторского сообщения как необходимого условия действия механизма вероятностного прогнозирования в синхронном переводе.

Глава 12. НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

...Все переводчики утверждают о себе, что они не занимаются предсказаниями, что они не строят воздушных замков, не несут «отсебятины», а честно переводят сказанное оратором...

*Б. Штайер**

При рассмотрении общей структуры вероятностно-прогностической модели механизма синхронного перевода представлялось бы весьма заманчивым выделить три основных яруса, на которых осуществляется вероятностное прогнозирование при восприятии цельного речевого сообщения — ярусы языковых, речевых и ситуативных уровней вероятностного прогноза. В этом случае мы могли бы в поисках сигнальных факторов или «опорных точек» вероятностного прогноза опереться на выделяемые языкознанием уровни языковой системы (дифференциальный признак, фонема, слог, морфема, лексема (слово), словосочетание и предложение)** — на первом ярусе, на выделяемые в психолингвистических работах смысловые связи между словами, организованными в предложение и связное сообщение (текст), — на втором ярусе и на рассматриваемые в паралингвистике и психологии общения (теории коммуникации) контекстно-ситуативные факторы — на третьем ярусе.

Однако фактически положение оказывается гораздо более сложным в силу целого ряда причин, к рассмотрению которых мы и перейдем, прежде чем нарисовать общую картину структуры модели в целом.

Прежде всего приходится сразу же отказаться от мысли о том, что возможно говорить об уровне дифференциального (различительного) признака. Как указывает Н. И. Жинкин, «так как различительный признак необходим и достаточен для различения, в нем не может содержаться по смыслу определения никакой избыточности..; опознавание по отдельным дифференциальным признакам

* Б. Штайер. О механизме синхронного перевода, с. 102.

** В. А. Звегинцев. Предложение и его отношение к языку и речи, с. 78.

невозможно, хотя физически именно они отражены в суб-сегментах. Отдельный дифференциальный признак... нельзя даже услышать. Он работает как безызбыточный строгий различитель и разграничитель лишь в совокупности других признаков».*

Чтобы рассмотреть вопрос о фонемном, морфемном и лексемном уровнях ВП в синхронном переводе, вновь сошлемся на ту же работу Н. И. Жинкина. «При опознавании речи основная роль принадлежит восприятию и соответственно узнаванию.** Чем выше поэтому ансамбль узнаваемых элементов и чем чаще узнается данный ансамбль, тем больше в нем накапливается избыточности, тем меньшее число собственных признаков достаточно для узнавания и тем скорее оно происходит. Отсюда следует, что наиболее экономное декодирование будет начинаться с узнавания слов в собственных признаках данного ансамбля. По фонемное опознавание возможно, но неэкономно (разрядка моя. — Г. Ч.), так как при этом терялась бы информация о взаимозависимости элементов ансамбля...»*** И далее: «...узнавание сегментов в оптимальное время может быть осуществлено при вероятностной структуре памяти на слова... Наиболее выгодным началом декодирования, вероятно, является слово, так как оно занимает среднее место в языковой парадигматике, то есть расположено выше алфавитов нижних уровней языка и ниже алфавитов более высоких уровней. Слово опознается по слоговому ансамблю, обладающему большой избыточностью. Однако таким способом может быть осуществлена лишь категориальная идентификация, так как одинаковой слоговой структурой обладает некоторое множество слов. Тогда должна быть проведена проба на определение набора фонем. В этом отношении лучшим местом вначале следует считать корневую морфему, как наиболее стабильную по составу. И здесь, вследствие избыточности, достаточно идентифицировать одну, две фонемы. После этого возможен переход к идентификации другого слова, таким же способом с добавлением учета взаимозависимости этих слов и расшифровки одного слова по дан-

* Н. И. Жинкин. Внутренние коды языка и внешние коды речи, с. 2369.

** «Узнавание — это такая операция, в которой происходит идентификация ансамбля наличных вещей или ансамбля наличных признаков, при этом предполагается, что вещи или признаки, входящие в ансамбль, уже были различены и в момент узнавания могут не проверяться на различие... Ансамбль узнается без всякого сравнения с другими вещами и другими ансамблями... Так как набор составляющих ансамбля связан в целое, вследствие чего он и является ансамблем, то каждый элемент ансамбля содержит некоторую информацию о других элементах. Иначе говоря, ансамбль избыточен, то есть может узнаваться без перебора всех составляющих...» (Н. И. Жинкин, Внутренние коды языка и внешние коды речи, с. 2368)

*** Там же, с. 2369.

ным другого на основе алгоритмов когерентности».* (Разрядка моя. — Г. Ч.)

Эти замечания позволяют уточнить вопрос о фонстактическом уровне ВП в механизме синхронного перевода. Ключевым здесь следует считать замечание Н. И. Жинкина о том, что «псфонемное опознавание возможно, но не экономно», в силу малой избыточности фонем. Наличие определенных типичных для каждого языка позиционных сочетаний наборов фонем может быть сведено к конечному для каждого языка числу слогов — «фонемных ансамблей»; однако, как показывают и экспериментальные данные и более широкий опыт синхронного перевода, опознавание слогов в условиях синхронного перевода оказывается практически невозможным. Об этом свидетельствует известный любому синхронисту печальный опыт перевода встречающихся в текстах речей списков незнакомых имен собственных (фамилий, географических названий).

В общей теории перевода «случай, когда единицами перевода оказываются именно фонемы (или графемы), то есть фонемы ИЯ заменяются наиболее близкими к ним по артикуляции и акустическим свойствам фонемами в ПЯ...», встречающиеся «при передаче собственных имен и географических названий»,** получили характеристику «перевода на уровне фонем (графем)»***. Но такой перевод может быть осуществлен надежно, только когда переводчик осуществляет письменный перевод, то есть при переходе от алфавита фонем к алфавиту букв в пределах ИЯ и путем последующей замены графем оригинала графемами ПЯ и дальнейшего перехода от алфавита букв к алфавиту фонем в ПЯ — перевод на уровне графем; или наоборот, от алфавита букв к алфавиту фонем в ИЯ и от алфавита фонем к алфавиту графем — «перевод на уровне фонем». Но и этот процесс не гарантирует «похожесть» полученного имени в ПЯ на исходное имя в ИЯ, так как при описанной операции происходит потеря просодических характеристик слова. Отсюда хорошо известный факт регулярного искажения (иногда до неузнаваемости) фамилий участников конференций, зачитываемых иноязычным участником (например, председателем). Напротив, в синхронном переводе при переводе незнакомых имен собственных передается просодический рисунок слова (ударение, число слогов и, в лучшем случае, схема слога — типа СГС, ССГ и т. п.), но не его фонемный состав. «Незнакомое слово должно расшифровываться по элементам, т. е. в операции различения»****.

В проведенном нами эксперименте из списка названий древних африканских империй***** с должным уровнем «правдоподобия»

* Н. И. Жинкин. Указ. соч., с. 2371.

** Л. С. Бархударов. Язык и перевод, с. 176 и 177.

*** Там же, с. 176.

**** Н. И. Жинкин. Внутренние коды языка и внешние коды речи, с. 2372.

***** См. контрольное предложение 1/5 (гл. 6, с. 73).

были переданы только те, которые имеют параллели в названиях современных африканских государств.

Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что фонотактический уровень не может иметь самостоятельного значения в структуре описываемой модели. С другой стороны, нельзя полностью отрицать его роль как фактора, способствующего общей избыточности воспринимаемого слогового ансамбля — слова.

Большой, хотя и не полной самостоятельностью характеризуется уровень слова. В отношении этого уровня весь изложенный в предыдущих главах материал позволяет, перифразируя сказанное Н. И. Жинкиным о фонеме в применении к опознаванию в условиях синхронного перевода, сказать: «Пословное опознавание возможно, но не экономно». Эту фразу следует понимать так, что в силу, во-первых, многозначности подавляющей части слов словарного состава любого языка* и, во-вторых, недостаточного уровня избыточности в пределах одного слова, механизм вероятностного прогнозирования не может вступить в действие в пределах отдельного словарного слова, и синхронный перевод списков несвязанных слов оказывается невозможным.** Однако, как и на фонотактическом уровне, уровень избыточности слова как слогового ансамбля все же достаточен для того, чтобы слова могли распознаваться как отдельные единицы при условии включения их в состав осмысленных предложений, составляющих связный текст.

Это в свою очередь означает возможность опознавания и перевода даже отдельного слова, но только при условии, если оно представляет собой реплику-сообщение, если оно включено в коммуникативную ситуацию синхронного перевода. «Слова, встречающиеся с наибольшей частотой, приобретают наибольшую избыточность и узнаются мгновенно... память на слова организована в динамические уровни. В далекой ее глубине хранятся полузабытые... слова... ближе к выходу — слова часто встречаемые, еще ближе — наиболее употребляемые и т. д. Самый крайний слой почти сливается с оперативной памятью... Динамика состоит в том, что слова могут перемещаться из одного уровня в другой, вследствие чего ускоряется как кодирование, так и декодирование текстов определенного словесного состава»***

* Значений «в слове может быть — и обыкновенно бывает — более одного... Совмещение нескольких лексических значений в одном слове не проходит бесследно для самих значений, которые нередко осложняются при этом добавочными стилистическими оттенками и требуют особых ситуативных или контекстуальных условий для своего обнаружения (разрядка моя.— Г. Ч.)». (С. Д. Кацнельсон. Типология языка и речевое мышление, с. 131)

** «Слова и их значения в своем отношении к сознанию и реальной действительности опосредованы предложением и вне предложения являются лишь потенциальными единицами». (С. Д. Кацнельсон. Указ. соч., с. 140)

*** Н. И. Жинкин. Внутренние коды языка и внешние коды речи, с. 2372.

Как было показано в предыдущих главах, такое перемещение слов из глубин долговременной памяти на вход оперативной памяти осуществляется при наличии тематической общности воспринимаемого сообщения,* то есть когда слова образуют связный текст.

Лишь на уровне словосочетания, включенного в речевое сообщение, появляется с м ы с л.** Поскольку основной единицей речевого сообщения является высказывание-предложение,*** то центральным уровнем всего механизма является именно п р е д л о ж е н и е, и именно на уровне предложения в полной мере разворачивается механизм вероятностного прогнозирования в синхронном переводе. Кроме с м ы с л о в о г о прогнозирования, подробно рассмотренного выше, в рамках предложения огромную роль в повышении избыточности и, следовательно, в восприятии сообщения играют еще два фактора, которые до сих пор практически лишь упоминались и еще ждут своего рассмотрения и исследования как элементы механизма синхронного перевода: речь идет о синтаксисе поверхностного предложения и интонации.

Будучи основными строевыми факторами, организующими высказывание и необходимыми в силу того, что линейное развертывание речи призвано отражать матричную организацию смыслового содержания высказывания,**** элементы синтаксического строя

* Ср. понятие так называемой семантической установки, вводимое Е. И. Исениной и включающее в себя «...модель (образ) наличной темы разговора, сформированную в прежнем опыте индивидуума..., ...образы подтем, соотносящихся друг с другом..., и из сочетаний смысловых единиц, стоящих в определенном отношении друг к другу...» (Е. И. И с е н и н а. О структуре семантической установки при восприятии речи. В сб.: «Психологические и психолингвистические проблемы владения и овладения языком», М., МГУ, 1969, с. 107—108)

** «Процесс порождения речи является... не только процессом образования текстов, но и процессом образования «смыслов» ...». (С. Д. К а ц - н е л ь с о н. Указ. соч., с. 120)

*** «...с предложением мы покидаем область языка как системы знаков и вступаем в другой мир». (Э. Б е н в е н и с т. Уровни лингвистического анализа. В сб.: «Новое в лингвистике», вып. IV, М., «Прогресс», 1965, с. 447)

«Предложение создает образование другого рода — «смысл» или мыслительный дискурс, внелингвистическая природа которого совершенно очевидна...

Процесс предикации — это переход на уровень смысла и, следовательно, выход за пределы структуры языка». (В. А. З в е г и н ц е в. Семиолингвистические универсалии. В сб.: «Язык и человек», М., МГУ, 1970, с. 98)

**** «Основная трудность... проблемы заключается в том, чтобы понять, каким образом речь, оставаясь линейной и соответственно одномерной, преодолевает свою одномерность и воспроизводит сложные отношения объективной действительности. В линейной речи должны, видимо, существовать какие-то дополнительные средства, которые не противоречат ее коренному свойству и в то же время устраняют ограниченность ее... Средством преодоления одномерности в речи являются «проективные» формы языка. Язык как бы надстраивает над линией речи дополнительное многомерное пространство, в постоянном контакте с которым речь расширяет свои дименсиональные потенции... Имплицитно содержащаяся в языковой памяти говорящих парадигматическая структура является, таким образом, реестром функций, в опоре на который в речь подставляются дополнительные измерения, отсутствующие

основаны на семантико-синтаксических категориях, которые «определяют функции лексических значений в составе предложения».* В силу своего категориального характера основа синтаксического строя глубоко семантична. По-видимому, синтаксис вообще можно определить как смыслоорганизующий механизм речи как на уровне словосочетания, так и на уровне предложения.

Работы по синтаксису синхронного перевода практически единичны**. Специально действию механизма ВП на уровне синтаксической структуры предложения в синхронном переводе посвящена только работа С. А. Луканиной,*** которая приходит к выводу о том, что «переводчик строит свой прогноз относительно синтаксической организации поступающих элементов ИЯ от фулькрума к фулькруму...» и что «верификация прогноза, осуществляемого, как минимум, от фулькрума к фулькруму, идет по синтаксически информативным пикам, навык восприятия которых должен быть хорошо выработан у достаточно опытного синхронного переводчика»****.

Наконец, за пределами настоящего исследования остаются проблемы, связанные со смыслоразличительной ролью интонации как фактора, обеспечивающего значительное повышение избыточности устной речи и имеющего при различении и восприятии смысла самостоятельное значение. Смыслоразличительная роль интонации подробно и тщательно исследована в рамках психологии речи в работах сотрудников кафедры психологии МГПИИЯ им. М. Тореза и в работах возглавлявшейся профессором В. А. Артемовым Лаборатории экспериментальной фонетики и психологии речи при той же кафедре, безотносительно к проблемам синхронного перевода. «Речевая интонация содержит колоссальный объем информации коммуникативного, синтаксического, логического и модального порядка...»***** «При восприятии интонации речи объектом познания служат образные и смысловые значения.., выраженные посредст-

в речевом потоке, как таковом...» (С. Д. Кацнельсон. Указ. соч., с. 186)

* На базе проективных свойств языка возникают дополнительные синтаксические функции темы и ремы, а также специфические позиционные функции субъекта и прямого объекта, предполагающие формы интенциональной деривации предложений (пассив, инверсивный порядок слов и др.), а также механизм семантической интерпретации позиционных функций». (Там же, с. 216) †

** С. Д. Кацнельсон. Указ. соч., с. 213.

*** О. К а д е, С. C a r t e l l i e r i. Some Methodological Aspects of Simultaneous Interpreting; L. R ö m e r. Einige syntaktische Gesetzmäßigkeiten beim Simultandolmetschen. Fremdsprachen, 1968. Beihefte, II.

**** С. А. Л у к а н и н а. О механизме обработки синтаксической информации при синхронном переводе. «Тетради переводчика», № 11, М., «Международ. отнош.», 1974. Автор делает свои выводы на основе анализа экспериментальных материалов синхронного перевода, выполненных в МГПИИЯ им. М. Тореза.

***** Там же, с. 89 и 91.

***** В. А. А р т е м о в. Психология обучения иностранным языкам. М., «Просвещение», 1969, с. 110.

вом языка, в том числе и интонационно».* «Интонация... выражает модальные отношения, экспрессивно-побудительные оттенки речи; она может даже сообщать речи смысл, противоположный значению слов и грамматическим формам (так называемый «подтекст»).** К этому стоит добавить, что именно с помощью интонационных средств выделяется так называемое «логическое ударение» и производится выделение темы и ремы предложения.***

Говоря о важности синтаксического и интонационного уровней избыточности предложений, поучительно привести свидетельство опытного практика синхронного перевода: «На основании одного только слова, произнесенного с нужным выражением (например, «Полагая...» или «Разве...») (разрядка моя. — Г. Ч.), переводчик уже составляет модель всего предложения... Настраиваясь на данную интонационную конструкцию, переводчик автоматически, не отдавая себе в этом отчета, выбирает такие конструктивные решения, которые укладывались бы в спроектированную (намеченную) структуру предложения-перевода... Если докладчик, желая облегчить мой труд, читает нарочито медленно и размеренно, я не в состоянии переводить: нет интонационных указаний — структура предложения становится неопределимой»****

Дальнейшей разработки требуют также семантико-смысловые уровни модели. На этом пути можно предвидеть значительные трудности.

Как уже было сказано, необходим язык семантических описаний, своего рода глоссарий элементарных семантических компонентов как категориального характера, так и лексических или «эмпирических», который был бы достаточно широко принят в лингвистике. При этом любой метаязык такого рода, разработанный для какого-либо одного естественного языка, будет еще недостаточным для целей описания процессов перевода. Необходимы такие описания нескольких языков, которые позволили бы выделить в них базовые универсальные компоненты.

Итеративность, повторяемость семантико-смысловых компонентов, или избыточность как основа механизма вероятностного прогнозирования — настолько важный фактор в синхронном переводе, что единственной основой дальнейших результативных исследований в этой области должна быть, по нашему мнению, дальнейшая разработка методики семантико-смыслового анализа.

* В. А. Артемов. Восприятие и понимание речи. «Экспериментальная фонетика и психология речи». Ученые записки I МГПИИЯ, т. VIII, М., МГУ, 1954, с. 184.

** А. В. Бельский. Опыт экспериментального исследования интонации номинатива в функции предложения. «Экспериментальная фонетика и психология речи», с. 145.

*** См.: Л. А. Чернышова. Перестройка речевой структуры для передачи компонентов смыслового членения высказывания при переводе с русского языка на английский. Канд. дисс., М., 1971.

**** Б. Штайер. О механизме синхронного перевода, с. 103—104.

Сказанное полностью относится и к анализу семантико-смысловой структуры текста. Мы уже говорили о том, что практически все работы, в которых с большей или меньшей степенью формализации рассматривается структура текста, опираются на семантическую основу. Весьма интересной, хотя и мало применимой к анализу синхронного перевода в силу своей статичности, является методика, предложенная В. А. Бухбиндером и Е. Д. Розановым* — формализованный метод выделения фразовых единств (ФЕ) и их комплексов (КФЕ) на основе анализа семантической структуры «опорных» слов, выделения «общих семантических признаков» и применения компонентного анализа.** Особенно большой интерес представляет для нас попытка, на основе критериев семантических связей, предложить исчисление уровней семантико-смысловой структуры текста (ФЕ—КФЕ—ТЕКСТ)***

Предложенная нами модель динамического кумулятивного анализа текста в ходе восприятия синхронистом сообщения на слух, хотя и далека еще от возможностей формализации, представляется значительно более пригодной для целей исследования процессов синхронного перевода. Но и ее дальнейшая разработка требует метаязыка семантических описаний, ибо только явная, выделяемая повторяемость семантических компонентов в составе уже воспринятых КСК дает возможность более строгого выделения семантико-смысловых уровней механизма вероятностного прогнозирования в рамках сообщения.

Из находящихся в анализе материалов синхронного перевода ясно, что структура сообщения достаточно сложна, и на настоящей стадии развития лингвистики текста не представляется возможным предложить строгое исчисление уровней семантико-смысловой структуры сообщения.

Сказанное позволяет сделать следующий вывод: выделение трех ярусов вероятностного прогнозирования — это условность, которая нужна для расчленения анализа на обозримые участки и рассмотрения каждого явления с большей детализацией. Все уровни механизма вероятностного прогнозирования по сути концентрируются лишь на одном центральном уровне — уровне смысла высказывания. Чисто языковые (или лингвистические) уровни механизма (фонотактический, лексемный, синтаксический), как и экстралингвистические (сегментный/слоговой, супрасегментный/интонационный и ситуативный), представляют собой вспомогательные уровни, назначение которых — повысить уровень смысловой избыточности ре-

* В. А. Бухбиндер, Е. Д. Розанов. О целостности и структуре текста. «Вопросы языкознания», 1975, № 6.

** Там же, с. 79—80.

*** Имеются серьезные основания предполагать, что расширение круга текстов в анализе и, в частности, включение в анализ текстов более крупного масштаба, чем те, которые приводятся Бухбиндером и Розановым, приведет к выделению новых текстовых единиц, примерно по схеме ФЕ—КФЕ — ... — ТЕКСТ.

чевого сообщения текста на его центральных смысловых уровнях — от уровня сочетания слов до уровня предложения и до уровней предикативно-смысловой структуры целого текста. Именно на этих центральных уровнях за счет восприятия речевой значимости отдельных компонентов в **спомогательных** уровнях, в рамках которых дальнейший анализ позволит выделить наиболее информативные ключевые или опорные точки ВП и которые, следовательно, носят сигнальный характер, и осуществляется осмысленное (сознательное или подсознательное) восприятие и понимание сообщения на языке оригинала. На тесную взаимосвязь и взаимопроникновение всех **уровней речевого восприятия**, которое «по своей природе является **смысловым восприятием**»,* указывают психологи.

Однако, как показывают анализ экспериментального материала и наблюдения над «живым» процессом синхронного перевода на международных конференциях, в условиях синхронного перевода восприятие может осуществляться с различной степенью полноты включения уровней смыслового прогнозирования («порция накопления и дискретного принятия смыслового решения в процессе текущей (континуальной) обработки акустического сигнала»), что не может не отражаться на характере внутренней программы** высказывания самого переводчика в процессе симультанного порождения им речи на ПЯ. Речь идет о степени «разрывности» программы*** речи синхрониста на ПЯ. Степень «разрывности», а следовательно, и шаг (глубина) смыслового прогноза зависят объективно от информационной насыщенности акустического сигнала, что связано с размером анализируемой порции речевого континуума: количества слогов (сегментов), анализируемых супрасегментных характеристик, от степени синтаксической сложности высказывания, и субъективно — от информационной избыточности поступающего сообщения для синхрониста, которая зависит от глубины «смысло-

* И. А. Зимняя. Психология слушания и говорения, с. 16—21.

** «В оптимальном случае, то есть когда в кабине находится переводчик высокого класса, с высоким уровнем автоматизации речевых навыков, это такой вид монологической речи, где программа задана **извне**... Ту же мысль можно выразить и иначе: при переводе, как известно, имеется некий инвариант, константный при преобразовании высказывания на языке I в высказывание на языке II... Таким инвариантом является как раз внутренняя программа речевого высказывания — система функционально «нагруженных» смыслами элементов предметно-изобразительного кода или действий над подобными элементами. А поскольку смысл есть функция соотносительности мотивации и целенаправленности деятельности, выбор программы обусловлен предшествующим опытом организма (вероятностное прогнозирование), а структура программы, в частности, — факторами ситуации и контекста...» (А. А. Леонтьев. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания, с. 169—172)

*** «Синхронный переводчик не «стягивает» всю фразу в программу, чтобы потом снова «развернуть» эту программу во фразу на другом языке». (А. А. Леонтьев. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания, с. 169)

вой скважности» поступающего сообщения для данного переводчика, то есть, с одной стороны, от его подготовленности как языковой, так и тематической (предметной), а с другой — от степени знакомства с $K_{сп}$.

Поскольку на настоящем этапе развития наук о языке не представляется возможным с достаточной степенью строгости исчислить уровни ВП в механизме синхронного перевода, будем полагать их приблизительно равными уровням слова, синтагмы, предложения и т. п. Тогда степень «разрывности» внутренней программы высказывания синхрониста в речи на ПЯ можно проиллюстрировать следующим графиком.

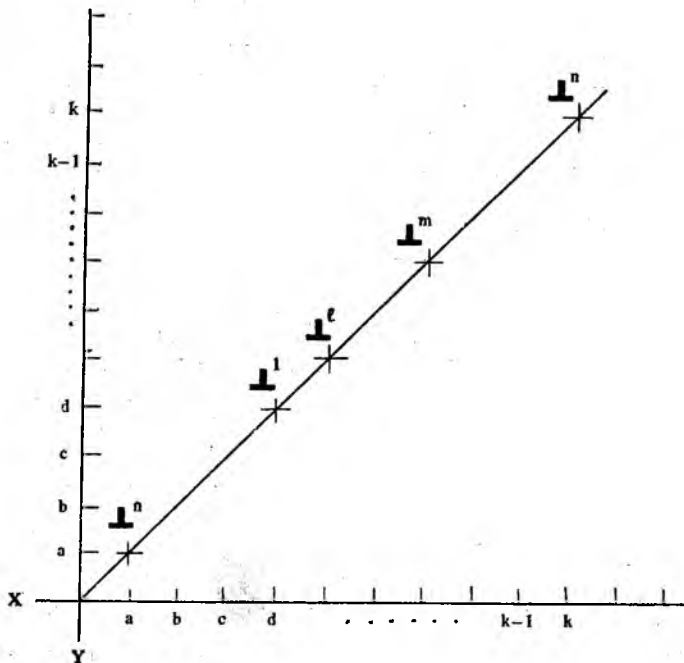

Рис. 15. X — уровни механизма вероятностного прогнозирования, «задействованные» в СП. Y — «шаг» или «глубина» вероятностного прогноза. Число точек на результирующей определяет характер (степень разрывности) внутренней программы высказывания у переводчика (например, на глубину слова, синтагмы, высказывания, сверхфразового единства, цели и смысла сообщения и т. п.). Последний случай, при отсутствии восприятия более «мелких» уровней, будет означать уже не перевод, а устный реферат сообщения на ИЯ.

Если по абсциссе откладывать степень полноты включения уровней механизма ВП, а по ординате — глубину шага вероятностного прогноза, то расстояние от нулевой точки до точек на резуль-

тирующей функции будет определять глубину «смысловой скважности» поступающего сообщения и соответственно степень разрывности программы. Чем больше число отмеченных точек на результирующей, тем меньше степень «разрывности» программы. В свою очередь, чем полнее внутренняя программа высказываний в речевом сообщении переводчика на ПЯ, тем осмысленнее само сообщение на ПЯ (перевод).

Предлагаемый график не имеет строго математического смысла и приводится скорее в качестве иллюстрации общей тенденции в действии механизма вероятностного прогнозирования в синхронном переводе, поскольку мы не можем дать точные значения величин X и Y , а также дать их исчисление (исчерпывающий список уровней). График носит скорее иллюстративный характер.

Точки на результирующей графика иллюстрируют «включенные» уровни и репрезентируют степень осмысленности (или степень неосмысленности) перевода, возрастающей по мере роста числа этих точек и по мере передвижения их в сторону возрастания «значения функции». Например, возможна «разрывность» программы на глубину слова, словосочетания, синтагмы, предложения, сверхфразового единства (абзаца), всего текста и т. п. Многие из перечисленных в качестве иллюстрации уровней могут быть наблюдаемы в анализе синхронного перевода, о чем свидетельствуют материалы как экспериментальных, так и «живых» рабочих записей СП, сделанных на конференциях.

При сопоставлении графика с материалами экспериментальных переводов можно отметить, например, переводчика № 9, у которого будет максимальное число «задействованных» уровней, и, напротив, переводчика № 7, работающего, в основном, на уровне словосочетания, то есть имеющего наибольшую «разрывность» программы.

В заключение подчеркнем еще раз основной вывод, к которому мы приходим. Успешное осуществление синхронного перевода зависит от максимальной степени включенности и взаимодействия всех уровней многоуровневой иерархии механизма вероятностного прогнозирования [в синхронном переводе.

ВВЕДЕНИЕ

Характер взаимодействия уровней модели позволяет сделать несколько практических выводов, которые можно разделить на две группы: выводы, относящиеся к методике подготовки переводчика-синхрониста, и выводы для организаторов синхронного перевода, заинтересованных в повышении качества перевода. Очевидно, что первая группа выводов имеет своей целью повысить надежность самой переводящей системы, создав предпосылки для максимального повышения субъективной избыточности переводимого сообщения, если заранее, еще в процессе обучения, сообщить будущему переводчику те лингвистические и речевые навыки, которые, будучи доведенными до степени автоматизма, способствовали бы повышению субъективной избыточности сообщения. Вторая группа выводов имеет своей целью создание таких объективных условий деятельности синхрониста, которые будут содействовать достижению необходимых для синхронного перевода уровней избыточности сообщения за счет максимального использования факторов $K_{C_{сп}}$.

Рассмотрим обе группы выводов в отдельности.

Глава 13. РЕЧЕ-ЯЗЫКОВАЯ ПОДГОТОВКА ПЕРЕВОДЧИКА-СИНХРОНИСТА АНГЛО-РУССКОЙ КОМБИНАЦИИ

О ХАРАКТЕРЕ ПОДГОТОВКИ ПЕРЕВОДЧИКА-СИНХРОНИСТА

Основные предпосылки повышения надежности «переводящей системы» кроются в характере тех знаний и навыков, которыми должен обладать переводчик-синхронист. Характер этих знаний и навыков с достаточной степенью определенности вытекает из структуры предложенной модели. Однако при этом необходимо сделать несколько предварительных замечаний.

Прежде всего следует разграничить собственно языковые и неязыковые знания переводчика-синхрониста, что непосредственно вытекает и из общей структуры модели, и из той роли, которую играет в ней тематическая составляющая как на уровне текста, так и на уровне коммуникативной ситуации синхронного перевода ($K_{C_{сп}}$).

Однако не однозначен также и характер языковых знаний и речевых навыков синхрониста, зависящих, как будет видно из дальнейшего изложения, от целого ряда факторов.

И интуитивно и теоретически ясно, что в основе знаний и умений переводчика-синхрониста должны лежать хорошее знание двух языков и «свободное владение» речью на этих двух языках. Менее ясен конкретный набор параметров, который следует применить для определения той степени «свободы» владения данным языком, которая нужна для синхронного перевода. Поскольку речь идет о двух языках, естественно обратиться к вопросу о билингвизме,* точнее о характере двуязычия переводчика-синхрониста.

Очевидно, что параметры двуязычия переводчика-синхрониста будут различными в зависимости от того, переводит ли он на родной язык** или с родного на иностранный. (В применении к синхронному переводу было бы точнее говорить о доминантном языке.***) При наличии некоторого количества синхронистов, у которых, по-видимому, только с помощью специальных тестов можно выявить характер двуязычия — «уравновешенного» (balanced) или доминантного, — практически у подавляющего большинства переводчиков-синхронистов характер двуязычия по этому параметру всегда обнаруживает доминантный речевой механизм. Поэтому далее мы и будем употреблять именно этот термин.

Вопрос о направлении перевода — от доминантного языка ко второму языку или от второго к доминантному — не праздный вопрос, поскольку в практике синхронного перевода установились

* По вопросу о билингвизме имеется обширная, преимущественно психологическая и социолингвистическая литература. Обзор ее и классификацию направлений в исследованиях билингвизма можно найти в работе Е. М. Верещагина «Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма)». М., МГУ, 1969. Из более поздних работ социолингвистического характера см.: Э. Хауген. Языковой контакт. В сб.: «Новое в лингвистике», вып. VI, М., «Прогресс», 1972, а также: В. А. Аврорин. Проблемы изучения функциональной стороны языка. М., «Наука», 1975.

** «Родным следует признавать тот язык, которым данный человек или коллектив людей владеют в совершенстве (в доступных для данного возраста и уровня образования пределах), не хуже, чем любым иным (когда наличие владения более чем одним языком), и пользуются наиболее свободно и активно в любых случаях жизни — не только говорят, понимают, но и думают, не прибегая при этом к умственной операции перевода на иной язык. С психологической точки зрения родной язык при двуязычии является доминантным». (В. А. Аврорин. Указ. соч., с. 127)

*** «Доминантным обычно называют тот механизм, который обслуживает большинство ситуаций общения. Доминантным обычно оказывается также тот речевой механизм, актуализация которого вызывает меньше субъективно переживаемых трудностей выражения. Наконец, доминантный речевой механизм можно установить с помощью... объективной методики...», которая строится «... на допущении, что с помощью измерений речевых реакций билингва, относящихся к разным языкам, устанавливается доминантный речевой механизм». (Е. М. Верещагин. Указ. соч., с. 29)

две основные школы*. В СССР и в большинстве социалистических стран при схеме с «ведущим» или «главным» переводчиком принято требование перевода в обоих направлениях (ИЯ₁ → ПЯ₂) и (ИЯ₂ → ПЯ₁), где цифры 1, 2 означают соответственно доминантный (родной) и второй (иностраннй) язык; в то же время достаточно широкое распространение в мире получила и система, применяемая в ООН, с официальным требованием перевода с нескольких иностранных на родной (доминантный) язык (ИЯ₂ → ПЯ₁, ИЯ₃ → ПЯ₁, ИЯ₄ → ПЯ₁ и т. п.).

В исследованиях синхронного перевода только в одном случае была сделана попытка учесть направление перевода от доминантного к родному языку и наоборот, причем решительного вывода не было сделано.** Более определенную позицию занимают в этом вопросе авторы «Пособия по устному переводу с испанского языка на русский»***: «Процесс перевода с иностранного языка на родной отличается от процесса перевода с родного языка на иностранный своими специфическими трудностями. При переводе на иностранный язык переводчик без труда понимает оригинальный текст, и вся сложность перевода заключается в формулировке текста на иностранном языке. При устном переводе с иностранного языка на родной основная трудность состоит в понимании оригинального текста, тогда как выражение понятой мысли на родном языке обычно не вызывает больших затруднений... Именно поэтому в известном смысле правильна кажущаяся парадоксальной мысль: переводить на иностранный язык легче, чем на родной...»****

* Этот вопрос был затронут выше в гл. I в связи с вопросом об основных схемах организации синхронного перевода. См. с. 8.

** «Направление перевода. В контексте настоящей работы вопрос о том, возникает ли разница при переводе со второго на доминантный язык или наоборот, рассматривался как второстепенный. В целом мы отмечаем, что результаты мало зависят от одного только этого фактора, а отмечавшиеся различия часто можно приписать другим усложняющим картину факторам, как например, конкретному языку. Следует отметить, что с точки зрения качества перевода квалифицированные переводчики обычно давали аналогичные результаты при обоих направлениях перевода, тогда как переводчики-любители (так автор называет группу билингвов, не имевших никакого опыта синхронного перевода.— Г. Ч.) в большинстве случаев показали лучшие результаты, в ряде случаев — значительно лучшие, в переводе с доминантного на второй язык, чем со второго на доминантный, — результат, который противоречит общепринятому взгляду, согласно которому легче переводить в последнем направлении. Эти лучшие результаты при переводе с доминантного языка на второй, измеряемые числом ошибок в переводе, были, однако, сбалансированы тем фактом, что перевод с доминантного языка на второй язык менее квалифицированными переводчиками содержал еще большее число буквализмов, чем перевод со второго на доминантный язык, — факт, который, хотя и в меньшей степени, наблюдался в случае профессиональных переводчиков». (H. Ch. Varik. A Study of Simultaneous Interpretation, p. 291)

*** Г. Я. Туровер, И. А. Триста и др. Пособие по устному переводу с испанского языка на русский. М., «Высшая школа», 1967.

**** Там же, с. 15, 16.

ИЯ₂ → ПЯ₁

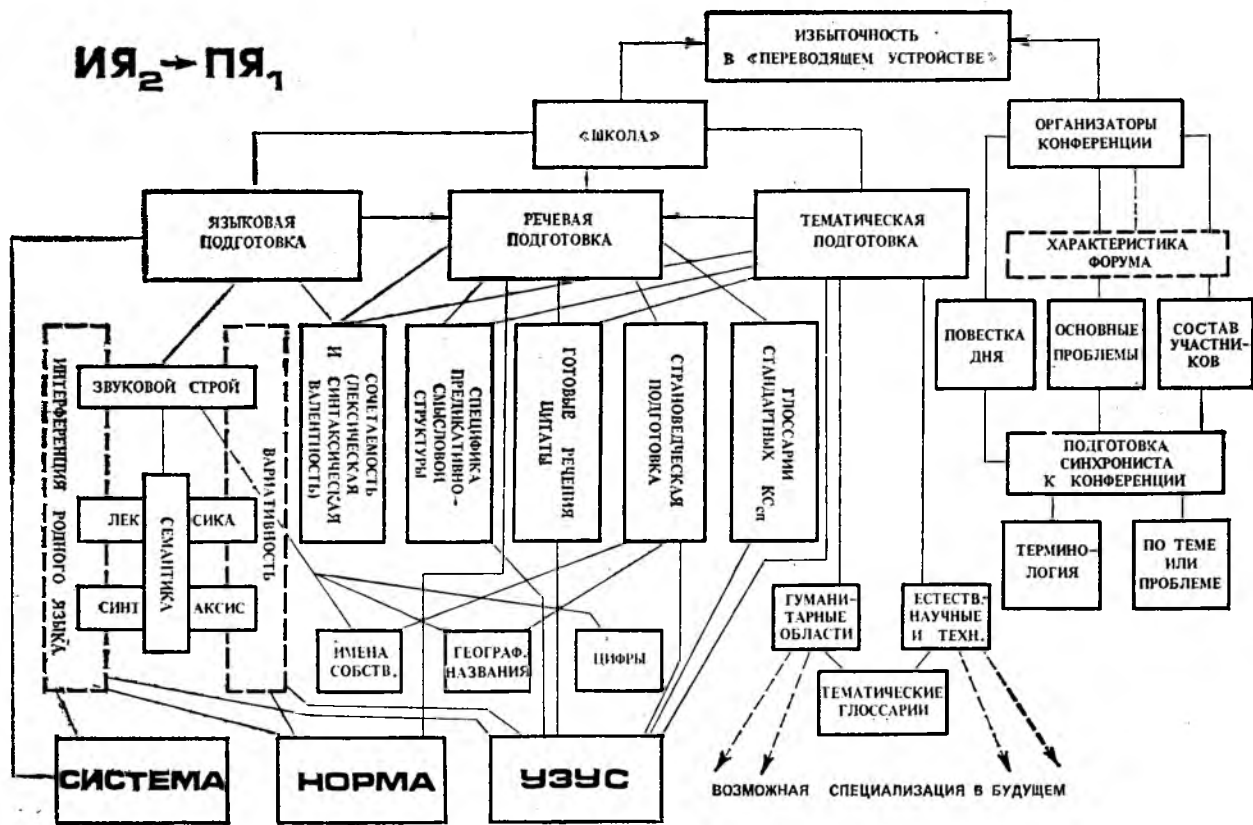

Рис. 16

Правда, авторы не относят это высказывание прямо к синхронному переводу, говоря об «устном» переводе, хотя из последующего контекста можно понять, что высказывание это относится именно и преимущественно к синхронному переводу.*

Такая постановка вопроса представляется чрезмерно упрощенной и далеко не всегда подтверждается фактами практики синхронного перевода, если при этом говорить не об учебном, а о высококачественном профессиональном переводе. В то же время следует признать, что характер трудностей в комбинациях ИЯ₁ → ПЯ₂ и ИЯ₂ → ПЯ₁ действительно неодинаков в силу неидентичности веса разных уровней модели при переводе с доминантного языка на второй и со второго на доминантный. Поэтому рассмотрение характера знаний и навыков переводчиков следует разделить в зависимости от различных специфических трудностей.

На примере англо-русской языковой комбинации СП, которая на протяжении всей книги была основной рассматриваемой комбинацией, проанализируем сначала особенности перевода со второго языка (иностранного) на доминантный (родной), а затем попробуем экстраполировать некоторые выводы и на другие комбинации типа ИЯ₂ → ПЯ₁.

Приводимая выше схема иллюстрирует как общую роль языковых, речевых и ситуативных факторов в синхронном переводе, так и сравнительный вес различных разделов языковой и речевой подготовки для комбинации ИЯ₂ → ПЯ₁ (в общем случае)**.

1.

Требование повышения избыточности воспринимаемого сообщения в применении к первому из рассматриваемых нами уровней — к звуковой системе английского языка означает выработку навыка распознавания слов «по слоговому ансамблю, обладающему большой избыточностью», то есть значительному расширению профессиональной памяти на фонетические слова.*** Этот навык должен приближаться к такому навыку распознавания, который с детства вырабатывается у носителя английского языка. В памяти синхрониста должны храниться и типичные фонотактические характеристики звукового строя английского языка, ибо без этого становится невозможным восприятие малознакомых имен собственных и географических названий.

При этом при подготовке переводчика-синхрониста следует помнить о необходимости усвоения не только некоторого стандарта

* См. с. 16 и далее.

** Аналогичную схему для комбинации ИЯ₁ → ПЯ₂ (перевод с родного на иностранный язык) см. ниже, стр. 183.

*** Напомним еще раз, что «незнакомое слово должно расшифровываться по элементам, то есть в операции различения» (самым неэкономным образом). См. выше, гл. 12.

звукового строя английского языка — британского или американско-канадского, — но и специфических черт всех остальных вариантов английского языка, включая его «неофициальные» варианты (не только австралийского, но и «индо-пакистанского», а также «африканского»).

Эта специфика проявляется не только в фонемных вариантах английского языка в речи англичанина, американца, австралийца и говорящих на английском языке представителей Индии, Цейлона или Танзании, но и в интонационной вариативности английского языка. Даже при том, что «анализ расхождений в звуковой системе американского и британского вариантов литературного английского языка свидетельствует о полном преобладании элементов общих над элементами различительными»,* «сам факт существования расхождений в области интонации между британским и американскими вариантами английского языка ни у кого не вызывает сомнений».**

Такие же различия, по-видимому также носящие системный характер, существуют и между британским и австралийским и иными вариантами английского языка. Если при этом учитывать и то, что в условиях общения на международных конференциях больше и не ст во ораторов выступают на не родном для себя языке, пользуясь английским как языком международного общения, чаще всего при серьезной степени интерференции родного с фонетической системой английского языка, положение еще более осложняется.

Итак, первая особенность подготовки синхрониста англо-русской комбинации — это не только свободное (на уровне близком к уровню родного) восприятие речи на английском языке, но и хорошая ориентировка в вариативности звукового состава английского языка как на фонетическом, так и на интонационном уровнях.

Вариативность языковой системы, а также подверженность речи интерферирующему влиянию родного языка оратора, говорящего на неродном языке, проявляются также и в синтаксисе и в лексике (как в отборе слов, так и в их употреблении).

Синхронист, несомненно, должен быть подготовлен к восприятию не только британского и американского вариантов английского языка, но и его «экс-колониальных» вариантов (Индия, Пакистан, Цейлон; африканские страны). Он не должен терять свободы восприятия речи на английском языке и при условии оглушения конечных звонких согласных, типичного для ораторов-немцев и скандинавов.

Для основных иностранно-русских комбинаций в СП эти две проблемы (проблема вариативности и проблема интерференции родного языка оратора — для оратора, выступающего на не родном

* А. Д. Швейцер. Литературный английский язык в США и Англии. М., «Высшая школа», 1971, с. 82.

** А. Д. Швейцер. Очерк современного английского языка в США. М., «Высшая школа», 1963, с. 71.

для него рабочем языке конференции) сохраняют свою силу, хотя и в разной пропорции в зависимости от конкретных комбинаций. Если проблема вариативности особенно остро стоит для испанско-русской* и арабско-русской комбинации,** где вариативность звукового и лексического состава достаточно широка,*** то для французско-русской комбинации проблема интерференции родного языка оратора (плюс проблема вариативности) также достаточно актуальна, хотя и в меньшей степени, чем для англо-русской комбинации.

Таким образом, первым требованием при подготовке синхрониста является обучение особенностям ИЯ, связанным с его национально-территориальными вариантами (в фонетическом составе, интонации, в лексике и синтаксисе), а также выработка навыка восприятия речи ораторов, выступающих на ИЯ при заметной интерференции родного языка, проявляющейся в фонетическом строе, интонации, лексике и синтаксисе.

Реальную сложность этих проблем можно частично**** проиллюстрировать на одном примере — отрывке из речи иностранца, выступающего на русском языке.

На этом примере мы предлагаем читателю самому оценить дополнительные трудности в восприятии в синхронном переводе, которые вносятся интерференцией родного языка оратора и его влиянием на словоупотребление и синтаксические особенности речи. Попробуйте прочесть вслух знакомым приводимый ниже отрывок из речи на международной конференции, произнесенной на русском языке. Постарайтесь при этом соблюсти приводимые ударения, а потом задайте слушателю несколько вопросов по тексту.*****

...Сходно своим возможностям делегация внесет свой полный вклад в работу этой встречи. Мы глубоко верим, что обществѣнная роль и положение В меру своих возможностей...

* Г. Я. Туровер, И. А. Триста и др., авторы «Пособия по устному переводу с испанского языка на русский», прямо указывают на то, что «переводчик должен приобрести опыт слушания испанской речи во всех ее вариантах» (с. 16).

** Советские синхронисты арабско-русской комбинации, как правило, переводят не с литературного арабского языка, а с его национально-территориальных вариантов («диалектов») — иракского, сирийского, египетского, алжирского и т. д. Перевод же с русского языка осуществляется на литературный арабский.

*** В этих двух комбинациях, правда, редко возникает вторая проблема — интерференция родного языка оратора, ибо на этих двух языках ораторы почти без исключений выступают только тогда, когда испанский или арабский — родной язык оратора.

**** Поскольку литературный русский язык не имеет территориальных вариантов.

***** В данном случае речь идет об интерференции одного из славянских языков. В правой колонке приводится отредактированный вариант.

женщин очень показательны за совместное развитие каждого общества и что совокупная активность направлена на разрешение проблем положения женщин — значит вклад в общем расцвете всего общества, этим путем и прогрессу совокупного мирового содружества... Разрешите мне теперь познать вас с некоторыми опытами в смысле превосходения препятствий за применение полного равноправия мужчин и женщин (в нашей стране)...

...необходимо обеспечить, чтобы сознательные общественные силы имели ориентацию в создании условий за новое положение как мужчин, так и женщин.

С этой точки зрения глубокие изменения в положении женщин и мужчин могут быть осуществлены только составной частью ускоренного развития и перемен в социальном составе...
...(наша организация) являющаяся составной частью организованных социалистических сил, как организация молодых людей в своей ежедневной политической деятельности и в своей организационно-развивающейся работе уделяет особое внимание этим вопросам. Поэтому мы на результаты работы не смотрим с формальной точки зрения того числа девушек и молодых женщин в наших органах и телах, а свою первостепенную роль видим в нашем вкладе в преодолении тех объективных проблем, которые в отдельных случаях уменьшают возможность участия женской молодежи в течениях современного общества...

...В этих рамках мы будем на-

...показательны для общего развития...

...деятельность коллектива, направленная на разрешение трудностей в положении...

...означает вклад в дело обеспечения расцвета всего общества, а тем самым и в дело прогресса всего человечества...

...с некоторым опытом преодоления трудностей
в деле осуществления

...правильную ориентацию
...общественных сил

...условий обеспечения нового положения.

...только если (при условии)

...в своей организационной работе

...в наших организациях и их выборных органах

...тех объективных трудностей

стаивать внести вклад в более, стремиться внести вклад успешную работу этого собрания. Спасибо!

2.

Невозможность прогнозирования звукового состава незнакомого слова и практическая невозможность его фонемного восприятия в СП ставит еще одну задачу при подготовке синхрониста.

Синхронист должен: а) хорошо знать наиболее распространенные в странах английского языка имена и фамилии*; б) знать мифологические и библейские имена и имена литературных героев; в) знать карту мира (географические названия) на английском языке; г) получить навык самостоятельной подготовки по теме конференции — предварительного ознакомления с составом участников конференции, с именами основных политических, общественных или научных деятелей, которые могут упоминаться в ходе конференции** и д) приобрести навык восприятия на слух числового материала с такой степенью осмысления, которая позволила бы, по крайней мере, передать порядок величин.

Что касается объема словаря, то здесь достаточно ограничиться двумя замечаниями. Во-первых, при подготовке синхрониста для работы в иностранно-русской комбинации (ИЯ₂ → ПЯ₁) объем общелитературного словаря должен быть довольно большим, при таком уровне владения им, который был бы достаточным для свободного опознавания фонетических слов в потоке речи и четкого восприятия незнакомого слова. Последнее следует кратко пояснить: в контексте осмысленной речи, состоящей из знакомых и четко опознаваемых слов, незнакомый звукокомплекс должен быть опознан именно как **н е з н а к о м о е с л о в о**, смысл которого может быть восстановлен в контексте, но которое не будет ошибочно приниматься за известное переводчику слово. В последнем случае возможно искажение смысла.*** Во-вторых,

* См., например, Словарь английских личных имен, сост. А. И. Рыбакин М., «Сов. энциклопедия», 1973.

** См. также ниже раздел о подготовке синхронного перевода организаторами конференций.

*** Приведем несколько примеров из практики преподавания синхронного перевода как специального предмета.

1) Слушатели передают звукокомплекс [hɪz'tenjərə'vɔɪs] (his tenure of office) как *десять лет, проведенные им на посту...*, следовательно, воспринимают его как [...'tenjərə'vɔɪs] (his ten years of office); в данном случае «срабатывает» также и низкий уровень ВП: на более высоком, смысловом, уровне «десять лет» противоречат фактическому состоянию дел.

2) Звукокомплекс ['ɪfə'fɔ:ɡɪn'paʊə'lɔ:ntɪzənə'tæks] (if a foreign power launches an attack) передается как *если четыре державы нападут на...* Звукокомплекс ['ɪfə'fɔ:ɡɪn'paʊə-] воспринимается как более знакомый ['ɪfə'fɔ:ɡ'raʊəz-], хотя наличие смысловой гипотезы решительно подсказывало бы правильное восприятие.

лексикон переводчика-синхрониста должен пополняться с учетом преимущественной тематики, с которой предстоит иметь дело синхронисту.*

3.

Надежность восприятия (избыточность и, следовательно, повышение точности вероятностного прогноза) синхрониста может существенно повыситься, если он вооружится знанием типичной (нормативной) сочетаемости лексических единиц ИЯ₂.

1. В первую очередь речь должна идти об актантной структуре наиболее частотных глаголов ИЯ₂ (о типичных семантических связях и лексической валентности глаголов). Например: to win (vt) smth. (a war, a prize, a contest, a race, an election, etc.); ср. *победить* (кого-л.); *добиться победы* (над кем-л., в чем-л.), а также to win (over) smb. (to a cause, one's side) со значением "render friendly or favourable to one's cause"; to contribute to (позитивный результат) (a solution, victory, cause, etc.); to settle smth. (конфликтная или проблемная ситуация) (the matter, the conflict, the situation, the issue, etc.) и т. д.

2. Кроме того, синхронист должен быть знаком с наиболее частотной нормативной атрибутивной сочетаемостью. Например: peaceful (solution, settlement, etc.), fundamental (principle, problem, etc.).

Создание такого рода ассоциативных связей в памяти синхрониста позволит вести ВП не только на следующий шаг, резко увеличив субъективную вероятность появления ближайшего последующего слова, но и дистантно, поскольку в речи атрибут может быть отделен от определяемого слова так же, как и глагол-сказуемое от дополнения, несколькими словами или даже вводным либо придаточным предложением.

Приведем несколько примеров из текстов речей на международных конференциях.

It is the opinion of my Government that, in order to be able to *contribute* effectively to the **peaceful solution** of the problem, the United Nations should recommend a solution based on several **principles** which *appear fundamental* to me.

(В примере одинаковым образом выделены нормативно сочетающиеся элементы.)

It seems to me there are very **complicated**, yet perfectly capable of solution, if we approach them seriously, **problems**.

К сожалению, для английского языка еще не создано соответствующих пособий или глоссариев, которые можно было бы непосредственно положить в основу целенаправленной подготовки синхро-

* См. на схеме связи графы «тематическая подготовка», а также ниже.

ниста в этой области. Существуют, однако, довольно многочисленные пособия по частным вопросам, которые уже сейчас в какой-то мере могут быть использованы при подготовке синхронистов. Среди них, например, можно назвать крайне немногочисленные словари сочетаемости (для английского языка это, например, *The Word Finder*, Compiled and edited by J. I. Rodale, серия изданий, начиная с 1947 г., — из фундаментальных изданий; краткие пособия, как, например: Л. И. Ильицкая, Ю. Я. Меерович, Р. Н. Разумовская, И. М. Чернова. Пособие по общественно-политической лексике современного английского языка. М., «Высшая школа», 1970; Е. С. Смирнова. Словарь английских устойчивых сочетаний типа ГЛАГОЛ + СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ. М., «Наука», 1969). Дело, однако, в том, что, например, *Word Finder* не приводит сочетаний типа «глагол + дополнение», а изданные у нас пособия, как правило, слишком ограничены как по приведенному материалу, так и по своим задачам.

Представляется, что целям подготовки синхрониста гораздо ближе был бы тип **толково-комбинаторного словаря**, предлагаемый Ю. Д. Апресяном и другими*. Возможно, что для подготовки синхрониста был бы достаточен даже сокращенный вариант словарной статьи, при тщательном отборе словника в зависимости от предполагаемой сферы деятельности переводчика-синхрониста.**

4.

Важнейшим фактором повышения избыточности текста для переводчика-синхрониста является хорошее знание синтаксиса ИЯ₂, то есть закономерных, обязательных, а следовательно, максимально предсказуемых категорий языкового строя, категорий, формирующих предложение-высказывание.

В основу работы над синтаксисом и его прогностической ролью следует, по-видимому, положить идею о большей прогнозирующей силе определенных синтаксических конструкций и служебных слов (предлогов, союзов) английского языка — так называемых фулькромов или ПЭЛов (прогнозирующих элементов) по терминологии С. А. Луканиной.***

Особую роль, по-видимому, играют ПЭЛы дистантного действия, то есть такие синтактико-конструктивные показатели, которые, меняя меру неопределенности, прогнозируют синтаксическую конструкцию, а также категориальные факторы (отношения причины и

* Ю. Д. Апресян. Лексическая семантика. Синонимические средства языка.

** См. гл. 15.

*** См.: С. А. Луканина. О механизме обработки синтаксической информации при синхронном переводе. «Тетради переводчика», № 11, М., «Междунар. отнош.», 1974; е е ж е. К вопросу о синтаксическом прогнозе. Ученые записки МГПИИЯ, т. 84, М., 1975.

следствия, временные и пространственные зависимости и т. п.). К числу таких прогнозирующих элементов дистантного действия относится ряд союзов, вводящих придаточные предложения (типа *if, that, whether* и т. п.), составные союзы (типа *neither...nor...*) и т. д.

Представляется, что исчисление ПЭЛов дистантного действия и их классификация могли бы лечь в основу разработки специальной системы упражнений для использования в ходе подготовки переводчика-синхрониста комбинации ИЯ₂ → ПЯ₁.

Следует добиваться максимального автоматизма в восприятии категориального значения некоторых типичных для ораторской речи разновидностей синтаксических конструкций.

Так, например, синхронист должен распознавать квазиусловную конструкцию *if something is to be done*, имеющую категориальное значение цели, а не условия, в отличие от придаточного условия, вводимого союзом *if*.^{*} Например, фраза: *... negotiations, if they are to be productive, require a wide understanding of the issues involved...* легко трансформируется в: *Negotiations could be productive only if there is a wide understanding of the issues involved.*

Переводчик сталкивается и с другими специфическими трудностями синтаксиса английского языка. Некоторые из них устраняются в тексте,^{**} другие относятся скорее к области порождения текста на ПЯ₁,^{***} а третьи тесно связаны с предикативно-смысловой структурой высказывания в ораторской речи и будут рассмотрены ниже.

5.

Главная синтаксическая трудность, с характером которой должен быть хорошо знаком переводчик-синхронист комбинации ИЯ_{англ.} → ПЯ_{русск.} — это значительно более сложная предикативная структура высказываний-предложений в английской ораторской речи, нежели структура высказываний в ораторской речи на русском языке.

Сложность ее определяется следующими факторами: 1) количеством предикаций на предложение, 2) дистантными разрывами между смысловыми группами фраз — компонентов сложного высказывания, 3) сложной системой соподчинения разноуровневых предикатов и, зачастую, 4) нелинейностью в предметной и категориальной соотнесенности предикатов.

Чтобы пояснить нашу мысль, приведем несколько примеров из

* К сожалению, эта конструкция, столь типичная для ораторской речи, не описывается нормативными грамматиками.

** См. раздел «Амбивалентность синтаксических конструкций» в работе Я. И. Р е ц к е р а «Теория перевода и переводческая практика», с. 88—98.

*** См. Л. С. Б а р х у д а р о в. Язык и перевод, с. 198—203 (перестройка синтаксической структуры предложения).

выступлений делегатов англоговорящих стран в ООН и на иных международных конференциях.

- (1)* I. If I assume
II. that we accept
III. that a conscious movement towards a new security system is preferable to anarchic and spontaneous change
I. then one of the main criteria
II. by which even disarmament proposals should be judged
I. must be their contribution towards the creation of a new security system.

Комментарий к примеру (1)

1. При переходе на некоторый уровень глубины** путем развертывания отглагольных существительных в придаточные предложения с целью выявления вторичной предикативности главное предложение можно представить следующим образом:

- I. ...must be the extent
II. to which the disarmament proposals contribute to the way
III. in which a new security system should be created

2. В основе этого предложения лежат 9 предикативных групп, хотя некоторые из них на поверхностном уровне «скрыты» в отглагольных существительных, что существенно препятствует их восприятию на слух. (Кроме предикатов, уже «вскрытых» в комментарии 1. См. следующую перифразу: We seem to prefer that we move consciously towards a new security system instead of allowing the situation to change in an anarchic and spontaneous way.)

3. "...then one of the main criteria" отстоит от придаточного условного "If I assume..." на 19 слов, а местоимение their в сочетании their contribution отстоит на 6 слов от своего антецедента disarmament proposals.

4. Нелинейность репрезентации предметной и категориальной соотнесенности предикатов становится наглядной при следующей перифразировке, в которой введена линейность (логическая последовательность) в описываемых «ситуациях».

We seem to reject anarchic and spontaneous change and to prefer that we move towards a new security system consciously.

If that is so,

then one of the main criteria of assessing disarmament proposals should be their contribution to a new security system.

* Римские цифры, а также отступы указывают на ранг субординации предикатов в придаточных предложениях.

** См. в гл. 10 о преодолении «смысловой скважности».

5. Степень сложности для восприятия на слух примера (1) становится особенно наглядной в свете экспериментальных работ* по изучению восприятия сложных синтаксических структур на основе «гипотезы глубины» американского лингвиста Виктора Ингве.** При исследовании восприятия предложений разной степени сложности, которая рассчитывалась 1) по количеству слов в предложении и 2) по глубине регрессивной структуры,*** в условиях восприятия команд, подаваемых диспетчером аэропорта пилоту самолета, был сделан вывод: «Наихудшим восприятие становится при максимальной длине и... при максимальной глубине фразы»****

Если под «глубиной» фразы понимать, по Ингве, число грамматических «обязательств», которые берет на себя говорящий (при порождении предложения *The man hit the ball* говорящий, произнеся определенный артикль *The..*, «берет два обязательства», то есть хранит в оперативной памяти необходимость произнести ...*man...* и глагольную группу), то для слушающего, очевидно, важно и еще одно обстоятельство: дистантность взаимосвязанных синтаксических узлов. Слушающий вынужден хранить в оперативной памяти (не перекодируя в более крупные смысловые блоки) определенные синтаксические узлы поступающего сообщения до завершения приема синтаксической конструкции, и поэтому длина предложения имеет прямое отношение к сложности его восприятия на слух.

По Луцихиной,***** эти расстояния в нашем примере составят «глубину фразы для слушателя», равную, соответственно, 1) 20; 2) 8 и 3) 11, то есть практически выходят за пределы теоретически установленного объема оперативной памяти человека в 7 ± 2 единицы и значительно превышают максимальные значения «прогрессивной глубины» фраз у И. М. Луцихиной.*****

- (2) (I) I want to advance the thought
 (II) that
 (III) as force reductions proceed in Central Europe
 (IV) since we have had some guardedly optimistic statements about the possibility of
 (V) this happening within the next few years

* И. М. Луцихина. Экспериментальное исследование психолингвистической значимости грамматической структуры высказывания. В колл. монографии «Теория речевой деятельности», М., «Наука», 1968.

** В. И н г в е. Гипотеза глубины. В сб.: «Новое в лингвистике», вып. IV, М., «Прогресс», 1965.

*** То есть числу узлов ветвления влево при представлении предложения в терминах грамматики непосредственно составляющих в виде дерева.

**** И. М. Луцихина. Указ. соч., с. 95. Максимальная длина фраз в эксперименте составляла немногим более 20 слов.

***** «...Подсчет глубины фразы для слушателя (то есть модифицированный вариант способа Ингве) начинается справа (или снизу)... Самая глубокая часть находится в конце предложения, самая мелкая — в начале предложения». (И. М. Луцихина. Указ. соч., с. 95—96)

***** Максимально 9-13.

- (II) that the opportunity be taken
- (III) to make a parallel step towards
- (IV) the creation of some European agency or organisation
- (V) perhaps just covering the Central European area,
- (V) for, say, emergency relief or environmental control
- (V) which could make use of the resources and skills
- (VI) which are released by the partial disarmament measures,
- (V) and which would also help to strengthen institutional links between East and West on an international basis.

Комментарий к примеру (2)

1. В этом предложении число предикативных групп с учетом «скрытых» предикатов составляет 12.

2. Как и в примере (1), велика дистантность между смысловыми блоками (или синтаксически взаимосвязанными узлами): дополнительное придаточное предложение с союзом *that* отстоит от главного на 26 слов (на «прогрессивную» глубину в 24); *this* отстоит от antecedenta *force reductions* на 17 слов (глубина 15); *which* от antecedenta *organisation* — на 15 слов (глубина 16); *and which* от *organisation* — на 31 слово (глубина 32).

3. Сложная схема субординации предикатов проиллюстрирована римскими цифрами в примере (2).

4. Нелинейность репрезентации предметно-категориальных связей в примере (2) еще нагляднее, чем в предыдущем.

Следующий порядок репрезентации существенно облегчил бы восприятие текста синхронистом:

- 1) We have had some statements about the possibility of force reductions in Central Europe...
- 2) although they were made with guarded optimism.
- 3) That is why I want to advance the thought that the opportunity be taken to make a parallel step towards the creation of a...
- 4) Such an agency would...

Приведем еще несколько примеров, предоставив читателю возможность самому прокомментировать их:

- (3) (I) Fundamentally what is involved
- (II) as I see it
- (I) is
- (II) whether this most brilliant discovery of all time is to be a blessing or a curse,
- (II) whether we have the wisdom and the will
- (III) to harness and control it
- (IV) to produce a better standard of life for all men everywhere,

- (II) or whether we are to stand helplessly by
- (III) while it becomes a rampant demon for our destruction

- (4) (I) In this connection may I say
- (II) that I strongly support the suggestion
- (III) made by our Secretary-General in the introduction to his annual report on the work of the organisation
- (III) that the impact and the implications of all aspects of nuclear weapons should be explored and weighed by an appropriate body of the United Nations.
- (5) (I) This would imply
- (II) that measures of arms control,
- (III) if they are to be successful,
- (II) must make a genuine contribution to the security of nations
- (II) and, conversely, that they must not have the effect
- (III) of setting individual states or groups of states at a disadvantage

6.

Для создания необходимой субъективной избыточности в «переводящем устройстве» необходима лингвострановедческая подготовка синхрониста,* которая позволила бы ему воспринимать аллюзии, типичные для речевой культуры языка ИЯ₂ при комбинации ИЯ₂ → ПЯ₁.

Круг лингвострановедческой тематики, намеченный Е. М. Верещагиным и В. Г. Костомаровым, в основе своей совпадает с тем, который можно выделить и при подготовке синхрониста. Поэтому мы ограничимся здесь лишь несколькими примерами использования литературных аллюзий, пословиц и поговорок (и шире — так называемых фоновых или страноведческих знаний)** в публичных выступлениях, адресованных разноязычной аудитории и, следовательно, подлежащих синхронному переводу.

* Лингвострановедческие проблемы в преподавании иностранного языка подробно и обстоятельно рассмотрены в работе Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова «Язык и культура (Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного)», М., МГУ, 1973, а также в более ранней работе Е. М. Верещагина «Психологическая и методическая характеристики двуязычия (билингвизма)», М., МГУ, 1969, см. гл. IV «Билингвизм и культура».

** «...Страноведение как методическая дисциплина описывает национальную культуру страны изучаемого языка., исходя из потребностей преподавания иностранных языков. ...Иными словами: страноведение — это культура страны изучаемого языка, ставшая предметом методики преподавания этого языка, или, точнее, предметом соизучения при изучении этого языка». (Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. Язык и культура. М., МГУ, 1973, с. 40)

Литературные аллюзии

Аудитория, воспитанная в традициях англо-саксонской языковой культуры, в цитируемом ниже отрывке из выступления делегата в ООН* немедленно узнает цитату из шекспировского «Юлия Цезаря», что обязан сделать и синхронист, хотя, конечно, сам факт узнавания еще не гарантирует адекватной передачи

...If you want to act, it should be now or never.

Mr President, *there is a tide in the affairs of men, which, taken at the flood, leads on to fortune.* So, let us *take the current when it serves*, lest we will not only *lose our venture*, but lose, above all, our sense of responsibility, our serious-mindedness and our self-respect...

(There is a tide in the affairs of men,
Which, taken at the flood, leads on to fortune;
Omitted, all the voyage of their life
Is bound in shallows and in miseries.
On such a full sea are we now afloat;
And we must take the current when it serves,
Or lose our ventures.**

А в переводе И. Б. Мандельштама***:

В делах людей бывает миг прилива;
Он мчит их к счастью, если не упущен,
А иначе все плаванье их жизни
Проходит среди мелей и невзгод.
Так мы теперь — на гребне у волны
И плыть должны с услужливым потоком
Иль счастье упустить...)

Цитирование библии

В ироническом пассаже представитель Сингапура, выступая на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, дает совет:

“...in a dispute between the two states with which one is friendly try not to get involved. If that is unavoidable, support the stronger against the weaker, for although it may be true that the *meeek shall inherit the earth*, that is only a contingent interest, and the strong who possess the earth show no sign of immediate mortality...”****

* Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, двадцать пятая сессия, 1859-е пленарное заседание, 2 октября 1970 года.

** The works of William Shakespeare. Gathered in one volume. Ldn., p. 604.

*** Вильям Шекспир. Избранные произведения. М.—Л., Гос. изд-во худ. лит-ры, 1950, с. 344.

**** Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, двадцать пятая сессия, 1844-е пленарное заседание, 21 сентября 1970 года, п. 28.

Возможность узнать цитату:

Blessed are the meek, for they shall inherit the earth. (The New Testament, Matthew, V., 5)

Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю. (Евангелие, от Матф., V., 5)

— основана на знании наиболее часто цитируемых библейских выражений, значительная часть которых широко проникла в английский язык. В распоряжении синхрониста есть ряд словарей цитат, пословиц и наиболее употребительных выражений, которые в период подготовки должны быть настольной книгой студента, готовящегося стать синхронным переводчиком.*

Пословицы и поговорки в речах ораторов

Когда оратор, выступая за частичные меры по разоружению, говорит: "...on the theory that a bird in the hand is worth two in the bush, I suggest that it is better to grasp and utilise what is possible of achievement now than to hold out for the ideal comprehensive agreement that may lie some distance in the future..." — синхронист может переводить, лишь осмыслив поговорку в целом, а следовательно, зная ее. В этом случае поговорка сразу вносит значительный элемент избыточности, притом на некоторую протяженность текста, и тогда остается вторая часть задачи — быстрое нахождение соответствующего эквивалента, будь то: а) ...исходя из того, что синица в руках лучше журавля в небе..., или б) ...исходя из того, что птичка в руках лучше двух в кустах...**.

Примеры, заимствованные из выступлений ораторов в Организации Объединенных Наций, типичны тем, что оратор, естественно, раскавычивает цитаты и приводит их без ссылок на источники. Источники должны быть известны переводчику-синхронисту в той же

* Например, *Everyman's Dictionary of Quotations and Proverbs*, compiled by D. C. Brown and G. L. L. Ldn.— N. Y., 1951.

** Способы передачи пословиц и поговорок в процессе синхронного перевода могут стать темой самостоятельного исследования, ибо они имеют свои особенности, отличающие их от аналогичных проблем в письменном переводе.

В изустном «фольклоре» в среде синхронистов рассказывают о том, как оратор привел поговорку *to put the cat near the goldfish bowl* (= посадить кошку стеречь аквариум с золотыми рыбками), а синхронист передал ее русским эквивалентом *пустить козла в огород*. Затем оратор, развивая метафору, утопил кошку в аквариуме, а переводчик с козлом... так и остался на огороде. Поскольку, как известно из практики синхронного перевода, ораторы довольно часто не ограничиваются простым цитированием фразеологизма, а стараются развить метафору (если не сам оратор, то его коллеги, выступающие вслед за ним), то проблема замены фразеологизма его иноязычным эквивалентом приобретает самостоятельное значение для синхронного перевода.

Приведем еще несколько примеров пословиц, когда употребление иноязычного аналога переводчиком, при развитии метафоры оратором, может завести переводчика в тупик: *Seven cooks spoil the dish. У семи нянек дитя без глаза. To see which way the cat jumps. Держать нос по ветру.* (Ср. фр. *entendre de voir ou souffler le vent*).

мере, как и аудитории языка ИЯ. Кроме известных традиционных источников цитирования на английском языке (поговорки, библеизмы, цитаты и перифразированные цитаты из Шекспира, Мильтона, Байрона, Китса и других классиков английской литературы), обычными источниками цитирования могут являться и Устав ООН, и многие сугубо современные реалии Англии и особенно США — вплоть до рекламных лозунгов, навязываемых телевидением и другими средствами массовой информации.

Популярность самых различных аллюзий в ораторской речи можно проиллюстрировать на примере известной речи президента США Дж. Ф. Кеннеди от 20 января 1961 года при принятии им президентской присяги, речи, изобилующей аллюзиями на самые различные, но широко известные рядовому американцу источники — Библию, речь президента Линкольна и даже детский стишок.*

* "... those who foolishly sought power by riding the back of the tiger ended up inside..." (Inaugural Addresses of the Presidents of the United States, Washington, 1974, p. 268). Cp.:

There once was a lady from Niger
Who smiled as she rode on a tiger.
They came back from the ride
With the lady inside
And the smile on the face of the tiger.

Стилистический анализ этой речи приводится в работе: Burnham Carter, Jr. President Kennedy's Inaugural Address. In: "Contemporary Essays on Style. (Rhetoric, Linguistics, and Criticism)." Scott, Foresman and Co., Glenview, Ill., 1969, p. 246—251.

Еще любопытнее с точки зрения использования аллюзий в публичной речи приводимый Картером отрывок из малоизвестной речи Кеннеди, произнесенной им на обеде в присутствии лидеров демократической партии в феврале 1962 года, речи — пародии на вышеуказанную собственную речь, полной политического подтекста. Приведем этот отрывок с параллельными цитатами из речи от 20 января 1961 года.

Из речи 1962 года (цит. по Картеру):

"...We observe tonight not a celebration of freedom, but a victory of party, for we have sworn to pay off the same party debt our forebears ran up nearly a year and three months ago. Our deficit will not be paid off in the next hundred days, nor will it be paid off in the first one thousand days, nor in the life of this Administration. Nor, perhaps even in our lifetime on this planet. But let us begin — remembering that generosity is not a sign of weakness and that ambassadors are always subject to Senate confirmation..."

Из речи от 20 января 1961 года

"...we observe today not a victory of party, but a celebration of freedom... I have sworn before you... the same solemn oath our forebears prescribed nearly a century and three quarters ago... All this will not be finished in the first 100 days. Nor will it be finished in the first 1,000 days, nor in the life of this administration nor even perhaps in our lifetime on this planet. But let us begin... So let us begin anew — remembering ... that civility is not a sign of weakness, and sincerity is always subject to proof..."

Говоря о послах, Кеннеди ссылается на обычную в США практику раздачи посольских постов новым президентом после избрания своим политическим сторонникам, поддержавшим его на выборах.

Важность лингвострановедческих проблем в переводе (так называемые проблемы предметной ситуации) отмечается в общей теории перевода,* а также в немногочисленных имеющихся пособиях по устному переводу.**

Однако проблема лингвострановедческих знаний переводчика-синхрониста отличается от аналогичной проблемы в письменном переводе существенным фактором — невозможностью обращения к каким-либо обычным справочным источникам в процессе синхронного перевода и, следовательно, необходимостью такой подготовки, при которой эти знания должны быть в памяти переводчика.

7.

Наконец, частью общей речевой подготовки переводчика-синхрониста является подготовка к переводу в стандартных речевых ситуациях синхронного перевода. Такой подготовке, естественно, должна предшествовать разработка исчерпывающего набора (списка) стандартных КС_{сп} и соответствующих глоссариев стереотипных выражений для этих ситуаций.***

В качестве стихийной попытки такого рода можно рассматривать издание "Conference Terminology. A Manual for Conference Members and Interpreters".****

Это издание имеет ряд существенных недостатков, а именно: односторонняя ориентация на англо-саксонскую парламентскую процедуру (правда, с некоторыми поправками на процедуру ООН); резкий крен в сторону однословных или сугубо назывных терминов за счет недостаточного числа собственно процедурных фраз; случайный отбор самих ситуаций; и, наконец, неудовлетворительная с точки зрения узуальной русская часть.

Имеются и другие локальные издания так называемой процедурной и «упаковочной» лексики и стереотипных словосочетаний, однако работу как по отбору самих ситуаций, так и по составлению соответствующих глоссариев никоим образом нельзя считать завершенной.

После проведения такой работы глоссарии стандартных КС_{сп} должны заучиваться наизусть синхронистом в ходе подготовки на всех его рабочих языках.

* См.: Я. И. Р е ц к е р. Теория перевода и переводческая практика, § 7. Предметная обстановка и речевая ситуация, с. 31 и далее; Л. С. Б а р - х у д а р о в. Язык и перевод, в частности, § 41, с. 172—173.

** См., например: Г. Я. Т у р о в е р, И. А. Т р и с т а и др. Пособие по устному переводу с испанского языка на русский, с. 19.

*** См. гл. 11.

**** Elsevier Publishing Company. Amsterdam, London, New York, Princeton, 1957. Под ред. Жана Э р б е р а. Слова и выражения приводятся на шести языках: английском, французском, испанском, русском, итальянском и немецком.

Глава 14. РЕЧЕ-ЯЗЫКОВАЯ ПОДГОТОВКА ПЕРЕВОДЧИКА-СИНХРОНИСТА РУССКО-ИНОСТРАННОЙ КОМБИНАЦИИ

Что касается проблемы речевой и языковой подготовки переводчика-синхрониста для перевода в комбинации ИЯ₁ → ПЯ₂ (то есть с родного языка на иностранный), то, строго говоря, эта проблема выходит за рамки настоящей работы. Если здесь мы рассматривали преимущественно вопрос о том, как осуществляется восприятие речи на ИЯ в условиях одновременного порождения речи на ПЯ, то основным вопросом при переводе в комбинации ИЯ₁ → ПЯ₂ будет проблема механизма упреждающего синтеза при порождении речи на ПЯ в условиях одновременного слушания и восприятия речи на ИЯ. Обе проблемы неразрывно связаны в единый механизм синхронного перевода — механизм вероятностного прогнозирования при восприятии речи на ИЯ и упреждающего синтеза при порождении речи на ПЯ.

Здесь мы ограничимся лишь тем, что укажем на основные направления в языковой и речевой подготовке переводчика для работы в комбинации ИЯ₁ → ПЯ₂. Эта схема представлена на рис. 17.

Нетрудно заметить, что схема языковой и речевой подготовки для работы в комбинации ИЯ₁ → ПЯ₂ оказывается несколько беднее аналогичной схемы для ИЯ₁ → ПЯ₁. Не представлены графы: «Вариативность», ибо русский литературный язык не имеет вариантов, «Имена собственные», «Цифры», значительно сокращенным оказывается объем графы «Готовые речения», а графа «Страноведческая подготовка» приобретает преимущественно иное содержание. Отсутствующая графа «Специфика предикативно-смысловой структуры» заменяется новой графой «Навык свободного перифразирования». (На схеме ради экономии места не представлена полностью совпадающая часть, касающаяся организаторов конференции и непосредственной подготовки к конференции.)

Отсутствующие графы означают, что данная проблема, в силу того что речь идет о родном языке переводчика, языке, на котором он, как предполагается, получил среднее (школьное) и высшее образование, решается автоматически, хотя это не означает, что здесь не действует механизм вероятностного прогнозирования при восприятии речи на ИЯ. Напротив, предполагается, что к началу подготовки синхрониста весь его предшествующий языковой и речевой опыт уже обеспечивает максимально возможную субъективную избыточность на данных уровнях, и задача подготовки — лишь активизировать уже встроенный механизм.

1.

Проблема передачи имен собственных с родного языка на иностранный предполагает, во-первых, знание правил перекодирования для имен, не имеющих устойчивых эквивалентов на иностранном

ИЯ₁ → ПЯ₂

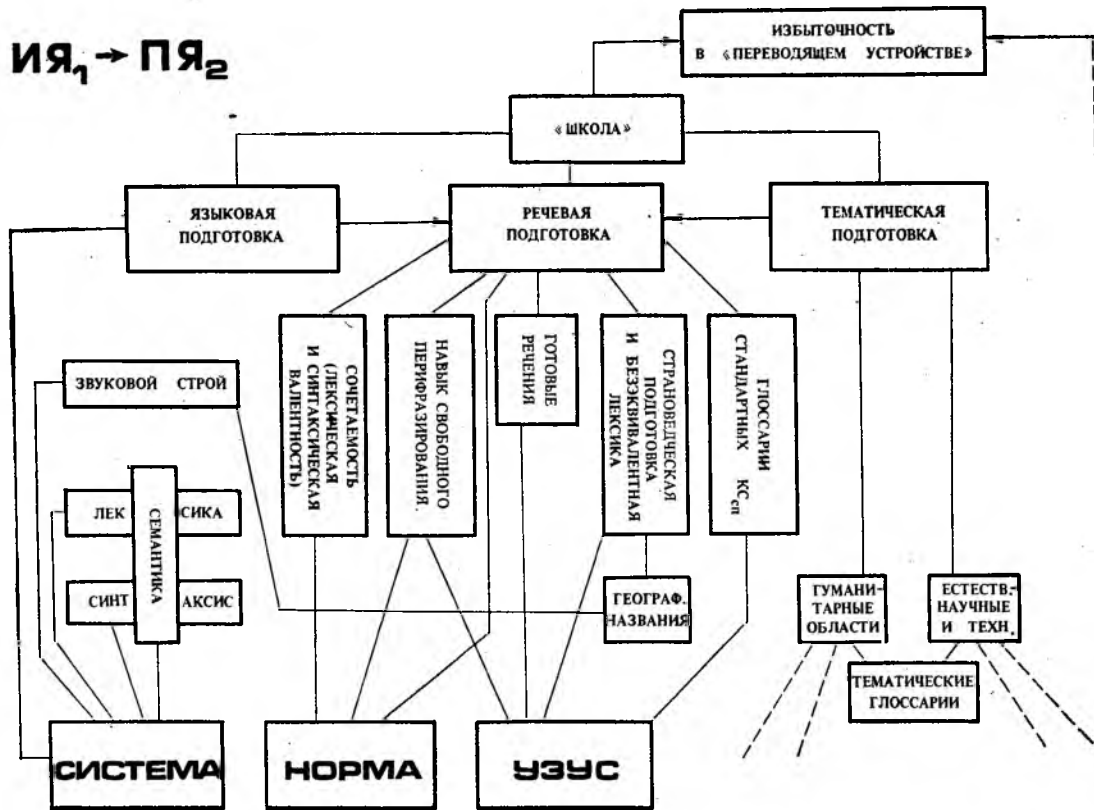

Рис. 17

языке (в нашем случае — английском), и во-вторых, знание имеющихся эквивалентов.

В первом случае — это проблема закономерностей «трансфонации»*, «переозвучивания» собственных имен русского языка средствами фонемного состава английского языка. К таким закономерностям или «правилам», хотя, вероятно, правильнее всего было бы сказать н о р м а м, относятся, например, такие случаи, как:

а) передача имени лица при отсутствии традиции такой передачи: *Иванов, Петров, Сидоров* — Ivanov [i'va:nəv, aivə'nəv], Petrov [p'etrəv], Sidorov [s'idəɾəv, si'dəɾəv] — с переносом ударения с последнего слога на предпоследний слог и с озвончением конечной согласной (естественно, с обязательной общей перестройкой артикуляционной базы на английскую основу)**; *Василий, Георгий, Сергей* — Vassily [və'silij], Georgy [ge'ɔ:ɡij], Sergei [se:geij], а не Basil, George, Serge;

б) передача географических названий, еще не получивших эквивалента (речь может идти о многочисленных новых городах в Советском Союзе,*** о новых исследовательских станциях в Антарктиде и т. д.): *Мирный, Дивногорск, Усть-Илимск* — Mirny [mi'ɾnij], Divnogorsk [di vnɔ'gɔ:rsk], Ust-Ilimsk [ust'i'limsk] — с сохранением ударного слога и с «восстановлением» редуцированных безударных гласных русского слова;

в) передача названий промышленных, транспортных и иных объектов со снятием флексии русского слова и с обычной нормативной передачей географического названия. Например:

«...Успешно развиваются Братско-Усть-Илимский, Курский, Чимкентско-Джамбульский, Западно-Сибирский и другие промышленные комплексы. Продолжается строительство Камского автозавода, Токтогульской ГЭС, Байкало-Амурской железнодорожной магистрали...»****

We continue to successfully develop Bratsk-Ust-Ilimsk, Kursk, Chimkent-Dzhambul, West-Siberian and other industrial centres. Construction continues of the Kama automobile plant (Kama motorworks), Toktogul Hydropower Station and the Baikal-Amur railway...

* В отличие от транслитерации и транскрипции (Л. С. Бархуда-ров. Указ. соч., с. 97 и 176) как способов графической передачи слова.

** Варианты русских фамилий с окончанием **-off** характерны для дореволюционного периода, когда они проникали в английский язык, по-видимому, через немецкий. Ср., например, вариативность в написании фамилии знаменитого русского математика А. А. Маркова (1856—1922): Markoff, Markoff chain, Markoff process и Markov chain, Markov process, Markovian process.

*** «Только за восьмую пятилетку было построено 112 городов. В ближайшие две-три пятилетки на карте страны должно появиться около двухсот пятидесяти имен городов-новорожденных...» (И. А. Бадамян. Новый город. «Комсомольская правда» от 27 января 1976 года)

**** А. Я. Пельше. Ленинским курсом, под знаменем Октября. Доклад на торжественном заседании, посвященном 58-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, в Кремлевском Дворце съездов 6 ноября 1975 года. М., Политиздат, 1975, с. 9.

г) традиционно-нормативная передача неангло-саксонских имен, в первую очередь китайских, японских, корейских, индийских и т. д. по образцу: *Хо Ши Мин* Но Chi Mihn, *Ким Ир Сен* Kim Il Sung.

Во втором случае это проблема передачи фамилий исторических личностей, современных известных политических и общественных деятелей, известных ученых и деятелей культуры, имеющей определенную традицию, передачи основных географических названий (речь здесь должна идти о знании карты мира не только на русском, но и английском языке), а также известных библейских и мифологических имен, которые составляют общий фонд современной культуры.

2.

Объем графы «Готовые речения» (см. рис. 17) сокращается на ту часть, которую в схеме 1 занимали литературные цитаты из классиков английской и американской литературы.

Однако в полной мере сохраняется необходимость знания устойчивых словосочетаний мифологического и библейского происхождения, вошедших в фонд литературного русского языка,* типа:

возвращается ветер на круги свои (Екклезиаств, 1, 6)	(the wind)...returneth again according to his circuits
глас вопиющего в пустыне (Исаия, 40, 3; Матф., 3, 3)	the voice of him (of one) that crieth (crying) in the wilderness
знамение времени (Матф, 16, 1—4)	the signs of the times
корень зла (Книга Иова, 19, 28)	the root of the matter (is found in me);
кость от костей и плоть от плоти (Бытие, 2, 21—23)	bone of my bones, and flesh of my flesh
краугольный камень (Книга пророка Исаии, 28, 16)	a (precious) corner stone
манна небесная (Исход, 16, 14—16, 31)	manna (from heaven)
по образу и подобию (Бытие, 1, 26)	in (our) image, after (our) likeness
тайное стало явным (Марк, 4, 22; Лука, 8, 17)	there is nothing hid, which shall not be manifested; nothing is secret that shall not be made manifest
Ариаднина нить (миф о Тезее)	Ariadne's thread
Ахиллесова пята («Илиада» Гомера)	Achilles's heel...

* Русские примеры цит. по: Н. С. Ашуккина, М. Г. Ашуккина. Крылатые слова. М., Гос. изд-во худ. лит-ры, 1960.

Гордиев узел (который рассек мечом Александр Македонский — см.: Курций Руф, Ист. Ал. Вел., 3, 1, 15; Плутарх, Александр, 18)

двуликий Янус (римск. миф.)
кануть в Лету (греч. миф.)
перейти Рубикон (из Плутарха и Светония)

Gordian knot (cut the Gordian knot)

Janus-faced
pass into oblivion
cross (or pass) the Rubicon

Частотность цитирования пословиц и поговорок и, следовательно, значимость этой проблемы в подготовке синхрониста можно проиллюстрировать также списком процитированных советским представителем пословиц и поговорок всего лишь на трех последовательных заседаниях Совета Безопасности ООН.

«...Да едва ли после того, что произошло, и сам представитель Соединенных Штатов, который тут пытался *забегать «поперед батьки»*, наберется смелости назвать операциями по «спасению» жизней граждан США кровопролитные бои, в которые вступили части регулярной американской армии и морской пехоты с патриотическими силами Доминиканской Республики...»*

«...Уважаемый коллега, вы взяли не за свое дело. Вы справедливо отметили, что никакой вы не военный стратег и, конечно, никакой вы не историк. Поэтому, тем более, зачем же браться не за свою профессию, зачем же *«наводить тень на плетень»?*...»**

«...Как говорится, *«сразу видно, из какого гнезда паук»*...»**

«...В самом деле, посмотрите, какое коварство: Соединенные Штаты нарочно заманили, чтобы их морская пехота высадилась на доминиканский остров. Но ведь это — нелепые басни, это — сказки для школьников, настолько неумные выдумки, что от них, ... *как черт от ладана*, пятаются сегодня их вчерашние же авторы...»****

«...Получается явная несуразность между тем, что он говорит в стенах ООН, и тем, что говорит его правительство за стенами Организации Объединенных Наций. Получается так, что в Вашингтоне *на вывеске баранина, а в лавке продается собачье мясо...*» (выделено мною. — Г. Ч.)*****

Значительный пласт «крылатых слов» составляют аллюзии на сюжеты басен. Большая часть сюжетов, известная русскому из басен И. А. Крылова, в равной мере известна англоговорящим из басен Эзопа.

* Официальные отчеты Совета Безопасности, двадцатый год, 1196-е заседание, 3 мая 1965 года, п. 19.

** Там же, 1198-е заседание, 4 мая 1965 года, п. 118.

*** Там же 1200-е заседание, 5 мая 1965 года, п. 118.

**** Там же, п. 128—129.

***** Там же, п. 133.

И, наконец, переводчик, готовящийся к переводам политических выступлений, должен знать немало выражений на английском языке, заимствованных из выступлений политических деятелей, типа *политика сдерживания* (policy of deterrence), *политика отбрасывания* (rolling back...), *ходить на грани войны* (walk on the brink of war) и т. п.

3.

Практически новое содержание приобретает раздел, названный нами выше «страноведческой подготовкой». Под этой рубрикой мы вкратце рассмотрим здесь проблему передачи с русского на английский язык русских и советских реалий — так называемой безэквивалентной лексики.

В контексте речевой подготовки переводчика русско-английской комбинации эта проблема оборачивается новой стороной — знанием общих принципов передачи безэквивалентной лексики на английский язык и ряда уже принятых «переводческих эквивалентов» и знанием «аналогов» соответствующих безэквивалентных единиц в действительности Англии и США и в английском языке.

Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров в уже цитированной работе* рассматривают семь групп безэквивалентной лексики в современном русском языке, следующие из которых имеют прямое отношение к подготовке синхрониста, поскольку они достаточно частотны в ораторских текстах; это в первую очередь советизмы — «слова, относящиеся к советской действительности, выражающие те понятия, которые появились после коренной перестройки общественной жизни в нашей стране после 1917 г.», а также «слова нового быта, которые тесно примыкают к советизмам»; историзмы и «лексика фразеологических единиц».

Не входя в проблемы перевода русской безэквивалентной лексики на английский язык,** укажем только на две тенденции в решении этого вопроса: перевод энциклопедического (социально-научного) плана, требующий максимально возможного применения транслитерации и калькирования, и перевод при помощи аналогов, то есть слов и выражений английского языка, именующих сходные, «аналогичные» реалии, хотя, естественно, имеющих иное социальное содержание. Этот второй способ имеет ряд неопределимых преимуществ при переводе текстов, рассчитанных на широкую публику. Так например, само слово *совет* в этом втором случае целесообразно передавать словом *Soviet*, когда называется верховный орган власти в СССР — Верховный Совет — the Supreme Soviet, ибо это полностью соответствует традиции калькирования названий национальных

* Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. Язык и культура, с. 55—66.

** Этот вопрос более подробно рассмотрен в другой работе автора. См.: Г. В. Чернов. К вопросу о передаче безэквивалентной лексики при переводе советской публицистики на английский язык. Ученые записки МГПИИЯ, М., 1958, т. XVI.

парламентов разных стран, имеющейся в английском языке — the US Congress, the British Parliament, National Assembly (France), Diet (Japan); и словом council, когда речь идет о местных органах власти: the City Council, the Village Council, local councils и т. д.

Приведем также образец словарной статьи *колхоз*, которая в значительной степени иллюстрирует вышесказанное.*

КОЛХОЗ 1. collective farm; farm, collective; co-operative (*юр., эк.*)
2. kolkhoz [kəl'kɔ:z] (в научн. контекстах) рыболовецкий ~ fishers' co-operative; животноводческий ~ cattle-growing (cattle-breeding) farm; виноградарский ~ viticultural (vine-growing) farm; председатель ~ a manager of the farm, (collective) farm's manager; chairman of the co-operative's board; *юр.* членство в ~ е membership in the co-operative; член ~ а обязан соблюдать устав и правила внутреннего распорядка а member of the co-operative shall undertake to observe the Rules and Internal Regulations; (примерный) Устав ~ а (Model) Rules of the Co-operative (Farm); (Всесоюзный) Совет ~ ов National Collective Farm Council of the USSR.

КОЛХОЗНИК (collective) farmer; member of the co-operative (farm) *юр.*

КОЛХОЗНЫЙ: ~ двор the farmer's household; ~ное землепользование collective farm land tenure system; ~ное право collective farm law; ~ рынок (collective) farmers' market; ~ строй collective farm system, НО: «~ строй — неотъемлемая часть советского социалистического общества». («Программа КПСС») "Collective farms are part and parcel of Soviet socialist society."; ~ная (птице-)ферма the collective's (poultry) farm.

Таким образом, будущий переводчик-синхронист уже на стадии обучения должен получить в ходе речевой подготовки все нужные «кирпичи» для постройки здания текста, а также знание путей их дальнейшего «изготовления» в случае отсутствия готовых «кирпичей» в памяти. Все они должны занимать прочное место в памяти синхрониста, и, фактически, для того чтобы процесс порождения речи мог идти в нормальном и даже ускоренном темпе, иметь их «на входе» оперативной памяти; только при этом условии возможен нормальный процесс порождения речи и нормальное функционирование механизма упреждающего синтеза.

4.

Остается пояснить графу «Навык свободного перифразирования» (рис. 17), чтобы дать полное представление о специфике речевой подготовки синхрониста для работы в русско-английской комбинации СП.

* Из неопубликованных материалов автора. В примере для простоты сняты грамматические пометы.

	А	Б	В
(1) Класс созидателей	The class of creators,	The proletariat	The creator
(2) — пролетариат	the proletariat	as a creative class	proletarian class
(3) взял власть в свои руки	assumed power	took power	came to power
(4) не для разрушения,	not to destroy	not to destroy	not to destroy,
(5) а для свободного творческого труда,	but to engage in free creative endeavor	but rather to work freely	but to engage in free creative work
(6) для приумножения,	to multiply	to multiply	achieve greater
(7) и справедливого распределения	and justly distribute	and equitably distribute	and just distribution
(8) материальных и духовных богатств	the material and spiritual benefits	the material and spiritual values	of material and spiritual wealth
...			
(16) ...Сейчас у нас		Our country now	Today
(17) добывается нефти,	At present we extract oil,	extracts oil	oil production in this country
(18) производится чугуна,	and produce cast iron,	produces cast iron	pig iron output,
(19) стали,	steel	steel	as well as that of steel
(20) цемента и т. д.	cement, etc.	cement, etc.	cement, etc.
(21) больше,	in quantities larger	in quantities greater	is much greater
(22) чем в любой другой стране мира	than any other country in the world	than do all other countries	than in any one other country in the world

Навык свободного перифразирования означает комплексный навык вариативного выбора синтаксической конструкции при синхронном переводе для передачи смыслового содержания, которое лишь частично получено от источника (продолжающего свою речь) и которое далее прогнозируется с большей или меньшей степенью точности, а также автоматизацию навыка выбора слова при порождении — в зависимости от избранной синтаксической структуры предложения. Другими словами, начатое переводчиком предложение всегда должно быть таким, чтобы имелась возможность вариативного продолжения — в случае рассогласования прогноза с дальнейшей частью поступающего сообщения.

В приводимой выше таблице даются результаты переводов, выполненных пятью опытными переводчиками,* ограниченными при выполнении этого задания не временем, а порядком поступления смысловых групп (текст ИЯ зачитывался по синтагмам) и требованием последовательной «посинтагменной выдачи» перевода. Разрешалось пропустить одну — две синтагмы только в случае полной невозможности вести перевод, не получив последующей синтагмы (невозможности, по мнению переводчика). В этом случае в таблице появляется прочерк, а нужное соответствие приводится на строку или две ниже. Другими словами, от реального СП процесс отличался твердо заданным фазовым движением (на синтагму) и отсутствием временных ограничений. Как и в реальном СП, переводчик должен был начинать построение предложений при наличии не реального продолжения текста ИЯ, а лишь гипотезы о таком продолжении и должен был грамотно доводить начатую структуру до конца. Структура, в свою очередь, зачастую определяла выбор конкретного слова (см., например, графы 5В, 21А, 21Б, 21Г и др. таблицы 17).

Этот небольшой эксперимент может, как нам представляется, лечь в основу одного из типов упражнений по перифразированию в ходе обучения синхронному переводу.

Ключевым моментом перифразирования является «владение» актантной структурой глагола-сказуемого в порождаемом предложении, а определяющим фактором — необходимость передачи коммуникативной структуры текста (и его более мелких единиц) ИЯ.

Свободное перифразирование без нарушения нормы речи на ПЯ может вызывать необходимость разбивки сложной синтаксической структуры на несколько предложений со структурой более простой и даже перегруппировку предложений.

* Результаты в таблице, в целях экономии места, приводятся по трем переводчикам.

Глава 15. ПРЕДМЕТНО-ТЕМАТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДЧИКА

Исходя из данного выше* определения темы сообщения как предмета мысли, его предметного содержания, составляющего единство предмета и его предметных признаков и обеспечивающего связность текста, мы можем рассмотреть теперь вопрос о том, что мы уже называли тематической или предметной подготовкой синхрониста. Другими словами, вопрос о предметной подготовке синхрониста — это вопрос о характере тех предметных знаний, которые он должен получить на этапе обучения.**

Рассмотренная модель показывает, что «смысловая скважность», всегда наличествующая в тексте (сообщении), не должна превышать некоторую величину, при которой она становится непреодолимой для синхрониста. Чтобы иметь возможность вести динамический кумулятивный анализ содержательной стороны поступающего текста, синхронист должен п о н и м а т ь поступающее сообщение, а в основе понимания, по выражению Н. И. Жинкина, должны лежать предшествующие тексты или соответственно предметные знания. Очевидно, что характер таких знаний будет определяться тематикой конференций, на которых будет осуществляться синхронный перевод обучаемый переводчик.

Чем шире тематический круг конференций, к обслуживанию которых готовится синхронист, тем шире предметные знания синхрониста. При этом характер этих знаний не зависит от конкретной языковой комбинации и принципиального направления перевода (ИЯ₁ → ПЯ₂ или ИЯ₂ → ПЯ₁). По существу, в данном случае вопрос сводится к максимально широкой общеобразовательной подготовке переводчика. Будучи не в состоянии стать специалистом ни в одной отрасли того океана знаний и информации, который окружает в наше время человека, да и не нуждаясь в этом для осуществления перевода, переводчик должен тем не менее владеть о с н о в а м и наук.*** Но и при этих условиях такой переводчик вряд ли будет в состоянии переводить на л ю б о й к о н ф е р е н ц и и.

Представляется, что настало время для специализации переводчиков-синхронистов в ходе их подготовки, по крайней мере, по трем основным видам тематики: 1) политико-экономической и общественных наук; 2) естественно-научной (с опорой на биологию); и, нако-

* См. гл. 9.

** Кроме того, переводчик должен получить дополнительные более конкретные знания на этапе непосредственной подготовки к конференции. См. об этом гл. 16.

*** Овладение основами наук предполагает устойчивые знания программ советской средней школы по естественным и точным дисциплинам и далее, например, способность читать — с п о н и м а н и е м — такую научно-популярную периодику, как журналы «Наука и жизнь», «Техника молодежи» и т. п.

нец, 3) научно-технической (с опорой на физико-технические науки).*

Для синхрониста, специализирующегося на переводе в области политико-экономической тематики и тематики общественных дисциплин, необходимы, прежде всего, широкая историко-филологическая подготовка такого типа, которая была свойственна историко-филологическим факультетам университетов прошлого, знание основ политической экономии и конкретной экономики, основ права, а также широкое понимание взаимосвязи современных научных дисциплин и диалектики развития науки в целом. Такой переводчик должен быть способным воспринимать и понимать значение экологических проблем для экономического развития, экономическую роль, настоящую и потенциальную, новых отраслей промышленности, связанных с возникновением новых научных знаний (как, например, микробиологической промышленности), и, безусловно, иметь достаточно глубокое понимание политических и экономических проблем, обсуждаемых в нашу эпоху на международных конференциях. При отсутствии такого понимания даже человеку, который считает себя современным образованным человеком, многие речи на политико-экономическую тематику, произносимые на современных международных встречах, могут показаться лишенными конкретного смысла. При этом не будет осмысленным и перевод, неизбежно идущий в таком случае лишь на низших уровнях вероятностного прогноза и потому являющийся чисто «подстановочным переводом» (то есть таким, при котором осуществляется лишь последовательная подстановка словарных слов без стремления осмыслить текст в целом). При существующих в настоящее время условиях подготовки синхронистов описываемая выше подготовка может служить лишь идеалом и практически невозможна в рамках имеющихся переводческих школ, а потому должна быть в значительной степени заменена «самоподготовкой» — самообразовательной деятельностью студента или слушателя переводческой школы.

Аналогичный круг знаний основ соответствующих дисциплин должен быть определен и для переводчиков естественно-научного (биологического) и научно-технического (механико-математического и физико-технического) цикла. Не являясь специалистом ни в первом, ни во втором, автор мог бы лишь высказать предположение, что в основу последнего следовало бы, по-видимому, положить основы программы общего цикла подготовки инженера в крупном инженерном политехническом вузе, обычно предшествующего специализации студента (взяв за образец что-то вроде программы французской Политехнической школы). Естественно, в настоящей работе эти вопросы могут обсуждаться лишь в порядке постановки и требуют широкого обсуждения с участием как опытных синхронистов, так и

* Такая специализация стихийно уже начинается, по крайней мере в Советском Союзе, где известны сейчас некоторые синхронисты, специализирующиеся на переводе бесед политически х деятелей, биолого-медицинских, физико-технических конференций и т. п.

специалистов соответствующих профилей. Ясно лишь одно: проблема такой подготовки назрела и должна быть поставлена в государственном масштабе.

Существующие «школы», ведущие профессиональную подготовку синхронистов в СССР, пока еще не располагают возможностью вести подготовку с учетом необходимой специализации, хотя бы в силу отсутствия юридического оформления профессии переводчика и соответственно организационно-административной централизации в деятельности переводчиков-синхронистов. Едва ли не единственная в СССР «школа» такого рода—Высшие курсы переводчиков (ВКП) при Московском государственном педагогическом институте иностранных языков — имеет программу, в основном нацеленную на подготовку синхрониста общественно-политической ориентации.*

Единственной и уникальной в своем роде «переводческой школой» являются Курсы переводчиков ООН при том же МГПИИЯ им. М. Горького, осуществляющие подготовку синхронистов с ориентацией на строго определенные языковые комбинации и строго определенную тематику конференций.

Вопрос о специализации переводчиков-синхронистов по определенным предметно-тематическим циклам, безусловно, назрел; он вытекает как из сугубо практических потребностей качественного обслуживания конференций, так и из теоретических положений о важности понимания текста переводчиком, ибо только при этих условиях возможна невидимость** синхронного перевода, а настоящий осмысленный перевод, который столь необходим на специальных конференциях и международных встречах. Есть все основания полагать, что вопрос этот будет решен, по крайней мере, у нас в стране, являющейся пионером синхронного перевода.

* Хотя в учебном плане специальности «переводчик-синхронист» на ВКП при МГПИИЯ им. М. Горького и предусматривается небольшой курс «Синхронный перевод научно-технических текстов».

** Сошлемся в этой связи не только на многочисленные частные высказывания как синхронистов, так и специалистов — участников международных встреч по специальной тематике, но и вновь на работу Д. Селескович: «Слушается, однако, что и подготовка (к конкретной конференции.— Г. Ч.), и приобретение знаний в ходе самой конференции, оказываются недостаточными, чтобы преодолеть разрыв между уровнем знаний специалистов и тем, которое необходимо переводчику для понимания текста. В этом случае невозможно осуществлять (синхронный — Г. Ч.) перевод в том смысле, в каком мы его понимаем, то есть как полную и верную оригиналу передачу смысла выступлений. Такие случаи существуют, было бы бесполезно это отрицать. И тогда перевод сводится к тому, что, по мнению широкой публики и есть синхронный перевод,— к повторению слов на другом языке. А такой перевод обладает весьма сомнительной пользой...» (D. Seleskovich. L'interprète dans les conférences internationales, p. 116—117). К этому стоит добавить только, что в описанных условиях и «повторение слов» будет весьма относительным, ибо значительная их часть просто не будет воспринята переводчиком.

Анализ факторов коммуникативной ситуации синхронного перевода подсказывает и характер предварительного знакомства с ней. переводчика-синхрониста с $KC_{\text{сп}}$, необходимого для обеспечения объективной избыточности поступающего к синхронисту сообщения. В данном случае речь идет уже о создании таких объективных условий деятельности переводчика-синхрониста, которые бы способствовали созданию максимальной избыточности принимаемого сообщения на уровне коммуникативной ситуации синхронного перевода.

Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Нет сомнения в том, что полное «освоение» $KC_{\text{сп}}$ синхронистом так или иначе произойдет в ходе самой конференции. Парадокс стихийного процесса, однако, заключается в том, что, как правило, синхронист бывает наилучшим образом подготовлен к синхронному переводу на данной конференции практически... в день ее закрытия. Этот парадоксальный факт неоднократно отмечен синхронистами и в литературе. «Приобретение знаний происходит также и в ходе конференции...»*

Задача же заключается в том, чтобы быть в максимальной степени подготовленным к переводу до начала конференции. Однако эту задачу переводчик самостоятельно, без помощи организаторов конференции, решить не может — у него просто нет необходимых данных. Эти данные — данные о коммуникативной ситуации предстоящего синхронного перевода или обстановке, в которой развернется работа конференции. Рассмотрим, какими данными об обстановке работы конференции — теми, которые составляют знакомство с факторами $KC_{\text{сп}}$, — располагают организаторы.†

1.†

Прежде всего это данные о **форуме** (фактор F и частично E) — той международной организации, в рамках которой организуется предстоящая конференция, ее основные характеристики, состав этой организации (страны, если организация межправительственная; входящие в ее состав организации по странам, если организация неправительственная; характеристика наиболее влиятельных членов данной организации). Далее, это характеристика конкретной предстоящей встречи — будь то очередная сессия постоянной организации или разовая конференция, посвященная какому-либо событию (фактор E) или научный симпозиум по определенной тематике (фактор T)**.

* D. Seleskovitch. Op. cit., p. 115.

** В отношении ООН, например, таким справочным материалом может служить ежегодное издание Секретариата ООН «Основные сведения об Организации Объединенных Наций».

Такие данные будут полезны не только переводчику, который впервые принимает участие в конференции данного форума, но, несомненно, и переводчику, который уже имеет достаточный опыт перевода в рамках именно данной организации, ибо каждая конкретная сессия, каждая конкретная конференция имеет свою специфику (в терминах теории мы переходим здесь от F к его конкретизации: F_k).

2.

Характеристика форума должна быть дополнена конкретными данными о повестке дня конференции, основных обсуждаемых проблемах и составе участников форума, неизбежно имеющимися в распоряжении организаторов.

Данные о повестке дня должны сопровождаться данными о распределении вопросов повестки дня по комиссиям и подкомиссиям предстоящей конференции (факторы T, T_1, T_2, T_k и т. д.; F, F_1, F_2, F_3, F_k и т. д.).

Формальное сообщение повестки дня, однако, еще недостаточно — оно должно сопровождаться сведениями об основных проблемах, которые предстоит решить или по которым предстоит принять резолюции. Круг основных проблем может не совпадать с повесткой дня форума, ибо под основными проблемами понимаются те, которые неизбежно связаны с интересами сторон, принимающих участие в работе форума, и, следовательно, опосредованы фактором мотивации (фактор M), побуждающим к участию в форуме.

Знакомство с кругом основных проблем форума позволяет выделить в повестке дня те вопросы, которые приобретают наибольшую важность и в связи с которыми требуется наиболее тщательная подготовка синхрониста.

Тесно связанными с кругом основных проблем оказываются и вопросы, касающиеся состава участников форума, их характеристики, характеристики возможных группировок и позиций наиболее влиятельных и авторитетных делегаций или участников форума (факторы A , а также P и M).

Сообщение синхронисту конкретных данных об основных обсуждаемых проблемах и составе участников форума не всегда, по дипломатическим соображениям, возможно в максимально конкретной форме,* но в тех случаях, когда это возможно, становится макси-

* По понятным соображениям именно эти данные, имеющие наибольшее значение для конкретной подготовки синхрониста к работе на форуме, в рамках Секретариата ООН, где существовала постоянная практика «брифингов» — совещаний с участием синхронистов перед началом сессии комитета или подкомитета, — сообщались лишь в косвенной форме: в виде исторической справки о позициях той или иной наиболее активной в данном вопросе делегации на предшествующих заседаниях комиссии или подкомитета. При этом синхронист получал, как правило, солидную «справку», содержащую историю вопроса.

мальным вкладом в дело знакомства синхрониста с КС_{сп} и, следовательно, при прочих равных условиях, — вкладом в успех его работы. Это и понятно, ибо знание основных проблем и состава участников форума максимально приближает переводчика к знакомству с факторами S, P и M, которые позволяют включиться механизму ВП на самых высоких уровнях.

В отношении научно-технической встречи (семинар, симпозиум) вышесказанное означает максимально конкретное выделение основной тематики, а в плане характеристики аудитории, состава участников (факторы A и S)— указание на возможный вклад в решение научной проблемы, который, вероятно, могут сделать наиболее авторитетные ученые — участники предстоящего форума.

3.

Все эти данные должны передаваться синхронисту **заблаговременно**, до открытия форума, в двух видах: 1) в виде устного сообщения (инструктажа, беседы, проводимых авторитетным организатором); 2) в виде имеющихся письменных материалов («справок» по вопросу, проектов выступлений, тезисов докладов и т. д.).

В силу того, что синхронист, являясь специалистом, обеспечивающим общение, но не специалистом по данной проблематике, с одной стороны, не в состоянии выделить главное в зачастую весьма обширной предварительной документации конференции и нуждается в помощи специалиста по данной дисциплине, с тем чтобы отделить главное от второстепенного, а с другой стороны, должен иметь возможность более внимательно просмотреть основные документы, — обе эти формы должны обязательно сочетаться. К сожалению, это не всегда бывает в практике организации конференций.

По тем же соображениям организатор не должен передоверять проведение такой консультации старшему переводчику, ибо старший переводчик, будучи организатором собственно перевода, не может заменить специалиста в данном вопросе ни по авторитету, ни по фактическим знаниям.

Опыт показывает, что практика проведения таких предварительных совещаний-консультаций в Секретариате ООН весьма результативна и должна быть «взята на вооружение» всеми организаторами конференций.

4.

На основе полученной информации о весьма вероятной коммуникативной ситуации предстоящей конференции, на основе авторитетного прогноза той обстановки, в которой развернется работа форума, синхронист может и должен провести самостоятельную подготовку к предстоящему переводу.

Такая подготовка теперь может развернуться в двух основных направлениях.

Во-первых, переводчику следует познакомиться с данной дисциплиной, ее **основной проблематикой**, с учетом тех основных проблем, которые будут обсуждаться на предстоящем форуме. При этом наиболее рациональным способом подготовки следует считать такой, при котором переводчик приобретает как бы общий взгляд, взгляд «с птичьего полета» на проблематику данной дисциплины, такие знания, которые, хотя и не дадут ему возможности выдвигать собственные оценки, но будут достаточны для понимания основной аргументации, к которой будет прибегать оратор. Практически это означает знакомство с основами данной дисциплины, с кругом ее фундаментальных понятий.

Во-вторых, синхронист должен овладеть некоторым **кругом терминологии**, применяемым в данной области знания или деятельности. Такой терминологический круг не должен быть обширным. Практика показывает, что любая, даже сугубо специальная конференция по узкой научной дисциплине всегда обходится сравнительно небольшим (около пятидесяти, редко ста) числом специальных терминов. В подтверждение наших наблюдений сошлемся также на работу Д. Селескович, которая указывает, что «на уровне языка термины относятся к категории редких слов, но на уровне их употребления, то есть на уровне речевого акта они переходят в категорию частотных слов: те несколько десятков терминов и специальных слов, которые необходимы для обсуждения специального вопроса, настойчиво повторяются в ходе дискуссии на рабочих языках конференции... Здесь достаточно напомнить, что лишь небольшая часть слов, произносимых на конференции, является специальными словами, и сказать, что при условии освоения (переводчиком. — Г. Ч.) десятка, двадцати или сотни слов или словоупотреблений, которые составляют неизвестный переводчику вокабуляр, перед каждой конференцией, переводчик может переводить... дискуссии по техническим вопросам...»*

5.

Наконец, на основе данных, полученных до начала конференции, переводчик может и должен усвоить относящиеся к делу **аббревиатуры**, прежде всего названия организаций, входящих в состав форума или участвующих в конференции, либо иным образом прямо или косвенно связанных с данным форумом. Списки таких аббревиатур в принципе должны заранее готовиться организаторами конфе-

* D. S e l e s k o v i t c h. Langage, langues et mémoire, p. 42. Автор при этом справедливо указывает: «...Недостаточно знать слово и его эквивалент на другом языке; необходимо знать также понятие и предмет, который за ним скрывается. Если в ходе подготовки к специальной конференции будет проявлено пренебрежение к одному из этих трех аспектов: слово оригинала, понятие, слово-эквивалент на другом языке — устный перевод натолкнется на значительные трудности...» (Там же, с. 43)

ренций* на основных рабочих языках предстоящего форума. При этом чрезвычайно полезны и небольшие аннотации, характеристики соответствующих организаций.**

Равным образом, организаторы должны предоставить в распоряжение синхрониста и список персоналий — имен участников форума. Такие списки всегда готовятся перед началом любой конференции, но, к сожалению, не всегда доходят до кабин синхронного перевода. Выше уже было показано, что имена собственные не могут быть восприняты синхронистом в потоке речи, если они не известны ему заранее. Особенно важны имена руководителей форума, даже если они и не участвуют непосредственно в его работе: как правило, президент, ответственный секретарь международной ассоциации или федерации достаточно часто упоминаются в речах ораторов, даже если они и не участвуют непосредственно в работе форума.

* В ряде случаев это обычно так и делается (некоторыми организаторами, имеющими достаточный опыт), правда, не всегда на всех рабочих языках форума.

** См., например: Зарубежные молодежные организации. Справочник. Изд. 2-е, испр. и дополн., М., «Молодая гвардия», 1973.

Заключение

Итак, на суд читателя выносится вероятностно-прогностическая модель механизма синхронного перевода. В обоснование этой модели пришлось прибегнуть к рассмотрению ряда современных лингвистических и психолингвистических теорий и в той мере, в какой эти теории были связаны с действием проанализированного механизма, выносить по ним суждения.

Мы отдаем себе отчет в том, что многие вопросы не были при этом раскрыты полностью. Это объясняется тем, что книга посвящена синхронному переводу и не является курсом лингвистической семантики, хотя среди рассмотренных лингвистических вопросов семантика и занимает господствующее место. «Для перевода важно, прежде всего, что именно выражается, а то, как оно выражается, должно быть подчинено первому... Поэтому достаточно адекватная и «сильная» модель перевода должна быть, прежде всего, моделью семантической...»*

В той мере, в какой нам пришлось затронуть общие лингвистические проблемы, мы пытались выявить главное для нашей темы — уровни языковой системы и механизмов речи, которые обеспечивают (за счет взаимосвязанности и повторяемости компонентов) тот уровень и збыточности сообщения, который необходим, чтобы стало возможным действие механизма вероятностного прогнозирования. Мы попытались это сделать, помня все время о его семантико-смысловой основе, в применении ко всем уровням речевого сообщения: от акустического ряда до цели сообщения и мотива, которым руководствуется оратор, беря слово, и знакомство с которым повышает надежность и качество работы синхрониста. Именно это вынудило нас обращаться к столь многим разделам современной лингвистики и психолингвистики. Отсюда и местами вынужденная неполнота в раскрытии проблемы.

Обильное цитирование объясняется прежде всего желанием донести основные идеи, лежащие в основе предложенной модели, до широкого круга читателей, в той или иной мере проявляющих интерес к проблемам синхронного перевода, но не являющихся лингвистами или психологами.

В настоящей работе мы рассмотрели путь от оригинального сообщения до формирования в *внутренней программе* (плана) высказывания на ПЯ. Путь от программы к поверхностному предложению на ПЯ — путь порождения высказывания на ПЯ — практически не рассматривается в настоящей работе. Мы лишь ука-

* Л. С. Бархударов. Язык и перевод, с. 235.

зали на то, что в основе его лежит вторая и тесно связанная с первой сторона опережающего отражения в речевой деятельности — механизм у преждающего синтеза. Вопрос о конкретных языковых и речевых механизмах порождения синхронистом сообщения на ПЯ в трудных условиях одновременно-го восприятия развертывающегося дальше сообщения на ИЯ по необходимости должен быть выделен в самостоятельную работу.

И все же мы говорим о модели механизма синхронного перевода. Мы это делаем потому, что, как нам кажется, рассмотрение первого этапа намечает достаточно четкие рамки дальнейшего построения. В частности, вопрос о степени цельности и глубины или, напротив, разрывности программы, в значительной степени предreshает характер построения высказывания (поверхностного предложения на ПЯ). Наш собственный многолетний опыт подготовки синхронных переводчиков позволяет систематически наблюдать, а в свете предложенной модели и предсказывать, изменение характера перевода с ростом цельности, полноты и глубины в н у т р е н н е й п р о г р а м м ы в ы с к а з ы в а н и я у синхрониста в ходе его подготовки.

Мы считаем, что разработка второй части модели во всех ее конкретных деталях станет одновременно и разработкой методики подготовки профессионального переводчика конференций. В настоящей работе мы ограничились попыткой создать основу и предпосылки такой методики. Ее конкретная разработка — дальнейший этап планируемой работы.

И хотя мы далеки от мысли, что разработка модели завершена или что остаются лишь внешние отделочные работы, мы надеемся, что то, что уже сделано, создает достаточные предпосылки для дальнейших исследований и, в конечном счете, открывает путь к изучению механизма синхронного перевода.

Остается надеяться, что читатель сочтет эту книгу полезной и нужной.

БИБЛИОГРАФИЯ ПО СИНХРОННОМУ ПЕРЕВОДУ

(проблемы «перевода конференций»)

Условные обозначения:

- * Работа упоминается в настоящей книге.
- ** Краткую аннотацию работы на русском языке см.: Луканина С. А., Сладковская Е. Н. Библиография по синхронному переводу. «Учебно-методические разработки к курсу теории перевода», М., 1972.
- *** Краткую аннотацию или характеристику работы на французском языке см.: Seleskovitch, D. *Langage, langues et mémoire*. Paris, Lettres modernes, Minard, 1975.
- Беляевская Е. Г., Бритвин В. Г., Мухина Н. К., Рюмина Н. А. Опорные пункты и формирование гипотезы у переводчика. «Тетради переводчика», № 10, М., «Междунар. отнош.», 1973.
- * (***) Бенедиктов Б. А. Основные вопросы психологии устного перевода. *Fremdsprachen, Leipzig*, 1968, Nr. 2.
- Бенедиктов Б. А. Экспериментальное изучение устного перевода. В сб.: «Вопросы теории и методики преподавания перевода». Материалы Всесоюзной конференции 12-14 мая 1970 г., М., МГПИИЯ, 1970.
- *
- Бенедиктов Б. А. Психология овладения иностранным языком. Минск, 1974 (Гл. IV, V).
- Гак В. Г. Сопоставительная лексикология. М., «Междунар. отнош.», 1977.
- Голенков В. А., Сладковская Е. Н. Вехи смыслового анализа текста. «Тетради переводчика», № 11, М., «Междунар. отнош.», 1974.
- *
- Гофман Е. А. К истории синхронного перевода. «Тетради переводчика», № 1, М., «Междунар. отнош.», 1963.
- Ермолович В. И. Синхронный перевод в интенсификации процесса обучения иностранному языку в техническом вузе. В сб.: «Интенсификация учебного процесса в обучении иностранному языку», Ярославль, 1978.
- Ермолович В. И., Чернов Г. В. К вопросу о выявлении опорных пунктов вероятностного прогнозирования в процессе синхронного перевода. «Иностранные языки в высшей школе», вып. 11, М., «Высшая школа», 1976.
- *
- Зимняя И. А., Чернов Г. В. К вопросу о роли вероятностного прогнозирования в процессе синхронного перевода. В сб.: «Вопросы теории и методики преподавания перевода». Тезисы Всесоюзной конференции 12—14 мая 1970 г., ч. I, М., 1970.
- *
- Зимняя И. А., Чернов Г. В. Вероятностное прогнозирование в процессе синхронного перевода. В сб.: «Предварительные материалы экспериментальных исследований по психолингвистике». ИЯ СССР, М., АН, 1973.
- *
- Кочкина З. А. Некоторые особенности деятельности синхронного переводчика. Тезисы докладов на II съезде Общества психологов, вып. I, М., АПН, 1963.
- *
- Луканина С. А. О механизме обработки синтаксической информации при синхронном переводе. «Тетради переводчика», № 11, М., «Междунар. отнош.», 1974.

Луканина С. А. К вопросу о синтаксическом прогнозе. Ученые записки МГПИИЯ им. М. Горького, т. 84, М., 1975.

Луканина С. А., Сладковская Е. Н. Библиография по синхронному переводу. «Учебно-методические разработки к курсу теории перевода», М., МГПИИЯ, 1972.

Миньяр-Белоручев Р. К. Методика обучения переводу на слух. М., ИМО, 1959.

*(***)
Миньяр-Белоручев Р. К. Последовательный перевод. М., Воениздат, 1969.

Миньяр-Белоручев Р. К. Пособие по устному переводу. М., «Высшая школа», 1969.

Сладковская Е. Н. Прогнозирование на уровне цели высказывания. «Тетради переводчика», № 8, М., «Международ. отнош.», 1971.

*(**)
Туровер Г. Я., Триста И. А. и др. Пособие по устному переводу с испанского языка на русский. М., «Высшая школа», 1967.

Туровер Г. Я., Триста И. А. и др. Пособие по устному переводу с испанского языка на русский. (Справочник устного переводчика). М., МГПИИЯ, 1971.

*(***)
Цвиллинг М. Я. Синхронный перевод как объект экспериментального исследования. «Тетради переводчика», № 3, М., «Международ. отнош.», 1966.

Цвиллинг М. Я. Кино на уроке перевода. «Тетради переводчика», № 9, М., «Международ. отнош.», 1972.

*(**)
Чернов Г. В. Синхронный перевод: речевая компрессия — лингвистическая проблема. «Тетради переводчика», № 6, М., «Международ. отнош.», 1969.

Чернов Г. В. Пути экспериментального исследования синхронного перевода. В сб.: «Вопросы теории и методики преподавания перевода». Тезисы Всесоюзной конференции 12—14 мая 1970 г., ч. II, М., 1970.

*(***)
Чернов Г. В. Экспериментальная проверка одной модели. «Тетради переводчика», № 8, М., «Международ. отнош.», 1971.

Чернов Г. В. Многоуровневая структура вероятностного прогнозирования в синхронном переводе. «Учебно-методические разработки к курсу теории перевода». М., МГПИИЯ, 1972.

Чернов Г. В. К построению психолингвистической модели синхронного перевода. Linguistische Arbeitsberichte, Nr. 7, Leipzig, 1973.

Чернов Г. В. Теория без эксперимента и эксперимент без теории. «Тетради переводчика», № 10, М., «Международ. отнош.», 1973.

Чернов Г. В. Коммуникативная ситуация синхронного перевода и избыточность сообщения. «Тетради переводчика», № 12, М., «Международ. отнош.», 1975.

Чернов Г. В. О семантике синхронного перевода. В сб.: «Теория перевода и научные основы подготовки переводчиков. Материалы Всесоюзной научной конференции», ч. II, М., МГПИИЯ, 1975.

Чернов Г. В. Еще раз о схеме организации синхронного перевода. «Тетради переводчика», № 14, М., «Международ. отнош.», 1977.

Чернов Г. В., Гуревич А. Е., Луканина С. А., Старостина Ю. П., Усова А. В., Филатова Г. В. Методика темпорального анализа синхронного перевода на специальной лабораторной установке. «Иностранные языки в высшей школе», вып. 9, М., 1974.

Черняховская Л. А. Перевод и смысловая структура. М., «Международ. отнош.», 1976.

Швейцер А. Д. К вопросу о наиболее рациональной схеме синхронного перевода. «Тетради переводчика», № 4, М., «Международ. отнош.», 1967.

Ширяев А. Ф. Синхронность синхронного перевода. ВИИЯ. Труды института. «Иностранные языки», № 7, М., 1971.

Ширяев А. Ф. Некоторые результаты экспериментального исследования синхронного перевода. ВИИЯ. Труды института. «Иностранные языки», № 8, М., 1972.

Ширяев А. Ф. Синхронный перевод с французского языка. Проблема единиц перевода. ВИИЯ. Труды института. «Иностранные языки», № 9, М., 1973.

Ширяев А. Ф. Синхронный перевод с французского языка (исследование некоторых аспектов синхронности в связи с особенностями функционирования исходного языка). Автореферат канд. дисс., М., 1973.

Штайер Б. О механизме синхронного перевода. «Тетради переводчика», № 12, М., «Международ. отнош.», 1975.

Шумихин А. Прогнозирование на уровне предикации. «Тетради переводчика», № 8, М., «Международ. отнош.», 1971.

Ятлова А. В. Развитие искусства устного перевода в СССР. «Тезисы докладов на юбилейной научной конференции Университета Дружбы народов, посвященной 50-летию образования СССР», М., Универ. Дружбы нар., 1972.

Andronikof, C. Servitudes et grandeur de l'interprète. Babel, 1962, vol. 8, No. 1.

Andronikof, C. Rapport du Président de l'A.I.I.C. a l'Assemblée de 1963. Genève, A.I.I.C., 1963.

Association Internationale des Interprètes de Conférence (A.I.I.C.). Colloque sur l'interprétation. Paris, 1965.

Varik, H. C. A Study of Simultaneous Interpretation. Unpublished Ph. D. Dissertation in Experimental Psychology, University of North Carolina, 1969.

Varik, H. C. A Description of Various Types of Omissions, Additions and Errors of Translation Encountered in Simultaneous Interpretation. Meta, 1971, vol. 16.

Varik, H. C. Interpreters Talk a Lot, among Other Things. Babel, 1972, vol. 18, No. 1.

Varik, H. C. Simultaneous Interpretation: Temporal and Quantitative Data. Language and Speech, 1973, vol. 16.

Beinert, B. Zur Methode der Dolmetscherausbildung. Linguistica Antwerpiana, 1968, II.

Saury, E. La traduction dans le monde moderne. Genève, 1956.

- **
 C a r y, E. Noblesse de la parole. Babel, 1962, vol. 8, No. 1.
- C o u l t e r, H. L., A Critical Review of (Oléron et Nanpon). The Interpreter (Newsletter of the American Society of Interpreters), Washington, 1966, No. 3.
- D a l i t z, G. Zum Simultandolmetschen auf fachgebundenen internationalen Konferenzen. Fremdsprachen, Leipzig, 1970, Nr. 3.
- D a l i t z, G. Standardäquivalente — Begriff und Funktionen. Fremdsprachen, Leipzig, 1971, Nr. 3.
- D e j e a n - L e F e a l, K. Quelques aspects non linguistiques de l'interprétation et de la traduction. Etudes de linguistique appliquée, Paris, 1973, No. 12.
- *
- G e r v e r, D. The Effects of Source Language Presentation Rate on the Performance of Simultaneous Conference Interpreters. In: E. F o u l k e (Ed.). Proceedings of the 2nd Louisville Conference on Rate and/or Frequency Controlled Speech. University of Louisville, 1969.
- *
- G e r v e r, D. Simultaneous Interpretation and Human Information Processing. Unpublished Ph. D. Thesis, Oxford University, 1971.
- *
- G e r v e r, D. The Effects of Noise on the Performance of Simultaneous Interpreters: Accuracy of Performance. Acta Psychologica, 1974, vol. 38.
- *
- G e r v e r, D. A Psychological Approach to Simultaneous Interpretation. Meta, 1975, vol. 20, No. 2.
- *
- G e r v e r, D. Empirical Studies of Simultaneous Interpretation: a Review and a Model. In: R. B r i s l i n (Ed.). Translation: Applications and Research. N. Y., 1977.
- **
- G l ä s s e r, R. Zur Struktur des Textes der Ausgangssprache beim Dolmetschvorgang. Fremdsprachen Beihefte, 1968, II.
- G l e n n, E. S. The Role of the Interpreter in Small Group Conferences. L'Interprète, 1957, No. 1.
- G l e n n, E. S. Semantic Difficulties in International Communication. In: S. I. H a y a k a w a (Ed.). The Use and Misuse of Language. Pawcett Publications, Inc., Greenwich, Conn., 1962.
- *
- G o l d m a n - E i s l e r, F. Sequential Temporal Patterns and Cognitive Processes in Speech. Language and Speech, 1967, vol. 10.
- *
- G o l d m a n - E i s l e r, F. Psycholinguistics: Experiments in Spontaneous Speech. Ldn., 1968.
- *
- G o l d m a n - E i s l e r, F. Segmentation of Input in Simultaneous Interpreting. Journal of Psycholinguistic Research, 1972, No. 1.
- H a e n s c h, G. Der Internationale Konferenz-Dolmetscher. Lebende Sprachen, 1956, Nr. 1.
- H e n d r i c k x, P. Réflexions sur l'interprétation. Meta, 1969, vol. 2.
- H e n d r i c k x, P. Enseignement de l'interprétation simultanée. Babel, 1969, vol. 15, No. 4.
- ** (***)
- H e n d r i c k x, P. Simultaneous Interpreting. A Practice Book. Ldn., 1971.
- ** (***)
- H e r b e r t, J. The Interpreter's Handbook. Genève, 1952.
- H e r b e r t, J. La mission de l'interprète. L'Interprète, 1954, No. 2.
- ** (***)
- H o o f, Henri Van. Théorie et pratique de l'interprétation. München, 1962.

- I l g, G. L'enseignement de l'interprétation à l'Ecole d'interprètes de Genève. Université de Genève, 1959.
- I l g, G. L'interprète désarmé? L'Interprète, 1966, No. 5; 1967, No. 2.
- J u m p e l t, R. W. Vorträge bei mehrsprachigen Tagungen und ihre Simultanübertragung. Kongreßrevue, Celle, 1966, Nr. 1.
- K a d e, O. Zu einigen Besonderheiten des Simultandolmetschens. Fremdsprachen, Leipzig, 1961, Nr. 1.
- K a d e, O. Ausbildung von Simultandolmetschern im Rahmen der Bestenförderung. Fremdsprachen, Leipzig, 1965, Nr. 4.
- K a d e, O. Zur Rolle des Sachverständnisses beim Übersetzen. Fremdsprachen, Leipzig, 1971, Nr. 1.
- K a d e, O., C a r t e l l i e r i, C. Some Methodological Aspects of Simultaneous Interpreting. Babel, 1971, vol. 17, No. 2.
- K a i n z, F. Psychologie der Sprache. Stuttgart, 1965.
- K a m i n k e r, A. Conférence (prononcée à l'université de Genève). L'Interprète, 1955, Nos. 4—5.
- K a p p, V. (Ed.) Übersetzer und Dolmetscher. Heidelberg, 1974.
- K e i s e r, W. Le premier colloque international sur l'enseignement de l'interprétation, ses principes et ses méthodes. L'Interprète, 1966, No. 2.
- K e i s e r, W. Les écoles d'interprétation et de traduction répondent-elles à ce que la profession et les employeurs en attendent? L'Interprète, 1971, No. 1.
- K e i s e r, W. Der Beruf des Konferenzdolmetschers. In: V ö l k e r K a p p (Hrsg.) Übersetzer und Dolmetscher. Heidelberg, 1974.
- K e r r, L. Réflexions sur l'interprète et le travail des interprètes. L'Interprète, 1963, No. 3.
- L a w s o n, E. A. Attention and Simultaneous Translation. Language and Speech, 1967, vol. 10.
- L e d e r e r, M. La traduction: transcoder ou ré-exprimer. Etudes de linguistique appliquée, Paris, 1973, No. 12.
- L o c h n e r, R. K. Konferenzdolmetscherdienste bei internationalen Veranstaltungen. Mittlungsblatt für Dolmetscher und Übersetzer, 1965, vol. XI, Nrn. 2—3.
- L o c h n e r, R. K. Diplomaten in Glaskasten — Konferenzdolmetscher, ein Berufsstand ohne den es heute einfach nicht mehr geht. Die Welt, 8 Aug. 1970.
- L o n g l e y, P. Conference Interpreting. Ldn., 1968.
- L u f k i n, J. M. Human v. Machine Translation of Foreign Languages. Lebende Sprachen, 1967, XII, Nr. 2.
- M e i s t e r - H e d i n g e r, E. L'État de santé des interprètes. L'Interprète, 1963, No. 1.
- M i g n a r d - B é l o r o u t c h e v, R. L'interprétation à Genève et à Moscou. L'Interprète, 1962, No. 1.
- M o r a w i t z, C., de. Sur l'enseignement de l'interprétation de conférence. Babel, 1966, vol. 12, No. 3.
- N e u b e r t, R. Semiotic Aspects of the Training of Interpreters and Translators. Linguistische Arbeitsberichte, Leipzig, 1970, Nr. 2.
- N e u b e r t, R. Einige Überlegungen zum Sprechakt beim Dolmetschen. Fremdsprachen, 1971, Nr. 2.
- N i l s k i, Th. Translators and Interpreters — Siblings or a Breed apart? Meta, 1967, vol. 12, No. 2.

- ***
 Nil ski, Th. Conference Interpretation in Canada. Documents of the Royal Commission on Bilingualism and Biculturalism, No. 2, Ottawa, 1969.

- O l é r o n, P., N a n p o n, H. Recherches sur la traduction simultanée. Journal de Psychologie Normale et Pathologique. Paris, 1965, vol. 1.
- P a e p c k e, F. Verstehen und Übersetzen. Linguistica Aterwpiensa, 1968, Nr. 2.
- *(****)
 P a n e t h, E. An Investigation into Conference Interpreting. Unpublished M. A. Thesis, London University, 1957.

- P a n e t h, E. The Interpreter's Task and Training. The Incorporated Linguist, Ldn., Institute of Linguists, 1962, vol. 1, No. 4.
- P a r s o n s, H. M. Language Interpretation at the United Nations. Unpublished report. Institute for Behavioral Research, Inc., Silver Spring, Maryland. October, 1975.
- P f l o e s c h n e r, F. Les conférences asymétriques. L'Interprète, 1961, No. 2.
- P f l o e s c h n e r, F. La bataille de la qualité, est-elle perdue? L'Interprète, 1961, No. 3.
- P f l o e s c h n e r, F. Des combinaisons linguistiques. L'Interprète, 1962, Nos. 3—4.
- P f l o e s c h n e r, F. Sur le rythme d'autrui. L'Interprète, 1963, No. 3.
- P f l o e s c h n e r, F. Des tests d'aptitude à l'interprétation. L'Interprète, 1965, No. 2.
- P f l o e s c h n e r, F. Jean dit qu'il aime Hélène. Réflexions critiques sur la pédagogie de l'interprétation de conférence. L'Interprète, 1965, No. 4.
- P i l l e y, A. T. The Techniques of International Conference Interpreting. In: Proceedings of the Golden Jubilee Congress of the Institute of Linguists, Ldn., 1960.
- P i l l e y, A. T. The Multi-lingual Parliaments of Asia. Babel, 1962, vol. 8, No. 1.
- P i l l e y, A. T. Breaking the Language Barriers. The Linguist, Ldn., 1967, No. 9.
- P i n h a s, R. De la conduite à tenir lors des congrès scientifiques indisciplinés. L'Interprète, 1971, No. 3.
- P i n h a s, R. Les retombées scientifiques des opérations «Apollo» sur l'interprétation simultanée. La Linguistique, 1972, vol. 8, No. 1.
- P i n t e r, I. Der Einfluß der Übung und Konzentration auf simultanes Sprechen und Hören. Dissertation eingereicht zur Erlangung des Doktorgrades an der philosophischen Fakultät der Universität Wien, 1969.
- P r i a c e l, S. A propos d'une comparaison. L'Interprète, 1971, No. 1.
 *(**)
- R ö m e r, L. Einige syntaktische Gesetzmäßigkeiten beim Simultandolmetschen. Fremdsprachen, 1968. Beihefte, II.

- R o z a n, J.-F. La prise de notes en interprétation consécutive. Genève, 1956.
 **
- S e l e s k o v i t c h, D. L'Interprétation de conférence. Babel, 1962, vol. 8, No. 1.
- S e l e s k o v i t c h, D. Problèmes de l'interprétation. L'Interprète, 1965, No. 4.
- S e l e s k o v i t c h, D. Colloque sur l'enseignement de l'interprétation. Paris, A.I.I.C., 1965.
 *(**)
- S e l e s k o v i t c h, D. L'Interprète dans les conférences internationales. Problèmes de langage et de communication. Paris, 1968.
- S e l e s k o v i t c h, D. Vision du monde et traduction. Études de linguistique appliquée, Paris, 1973, No. 12.

- Seleskovitch, D. Zur Theorie des Dolmetschens. In: Völker Kapp (Hrsg). Übersetzer und Dolmetscher. Heidelberg, 1974.
- Seleskovitch, D. Langage, langues et mémoire. Paris, 1975.
- Thierry, C. A.I.I.C.: Télévision et contrats directs. L'Interprète, 1970, No. 3.
- *
- Treisman, A. The Effects of Redundancy and Familiarity on Translating and Repeating Back a Foreign and Native Language. British Journal of Psychology, 1965, vol. 56.
- Treisman, A. Monitoring and Storage of Irrelevant Messages in Selective Attention. Journal of Verbal Learning and Verbal Behaviour, 1964, vol. 3.
- Union of International Associations. Practical Guide for Users of Conference Interpreting Services. Brussels: International Congress Science Series, 1966.
- Weintraub, E., Lederer, M., de Clarens, J. Enseigner l'interprétation. Etudes de linguistique appliquée, Paris, 1973, No.12.
- Willett, R. Die Ausbildung zum Konferenzdolmetscher. In: Völker Kapp (Hrsg). Übersetzer und Dolmetscher, Heidelberg, 1974.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть I. СИНХРОННЫЙ ПЕРЕВОД И ЕГО ИССЛЕДОВАНИЕ

<i>Глава 1.</i> Что такое синхронный перевод	3
<i>Глава 2.</i> Исследование синхронного перевода	13
<i>Глава 3.</i> О «синхронности» в синхронном переводе	23
<i>Глава 4.</i> Теоретические источники модели и объект исследования	39

Часть II. ВЕРОЯТНОСТНО-ПРОГНОСТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ

<i>Глава 5.</i> Избыточность речи и вероятностное прогнозирование как основа механизма синхронного перевода	53
<i>Глава 6.</i> Экспериментальное исследование уровня сочетаемости слов	71
<i>Глава 7.</i> Смысл. Грамматическое и семантическое согласование — основа вероятностного прогноза на смысловом уровне	85
<i>Глава 8.</i> Восприятие семантико-смысловой структуры предложения	97
<i>Глава 9.</i> Тема и рема в высказывании и сообщении (тексте)	114
<i>Глава 10.</i> Кумулятивный динамический семантико-смысловый анализ поступающего сообщения и его семантико-смысловые уровни	124
<i>Глава 11.</i> Коммуникативная ситуация синхронного перевода	137
<i>Глава 12.</i> Некоторые итоги и перспективы	151

Часть III. ОТ ТЕОРИИ — К ПРАКТИКЕ

<i>Глава 13.</i> Рече-языковая подготовка переводчика-синхрониста англо-русской комбинации	162
<i>Глава 14.</i> Рече-языковая подготовка переводчика-синхрониста русско-иностранной комбинации	182
<i>Глава 15.</i> Предметно-тематическая подготовка синхронного переводчика	191
<i>Глава 16.</i> Роль организаторов конференций	194
Заключение	199
Библиография по синхронному переводу	201